

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ШАЛЫГИ:
когда футболистов у нас
били батогами

«КРЫМНАШ» ОТМЕТИЛ ДВА ГОДА

В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ ПРЕБЫВАНИЮ КРЫМА В СОСТАВЕ ново-России исполнилось два года. Как водится в таких случаях, подводили итоги. Что достигнуто, а что – нет. Какие ожидания оправдались, а какие – отложены. Проблем много, однако ни одна из них не переменила настроений людей в целом – быть с Россией. Согласно опросу ВЦИОМ, сделанному в конце прошлого года, свой выбор в ее пользу подтвердили 93 процента крымчан.

За это время более или менее разобрались с документами и всякими регистрациями – это дело у нас, как известно, никогда не проходит гладко. Начали латать дыры, оставшиеся в наследство от временной «мачехи» – Украины. А дырявым оказалось почти все – начиная с социальных служб и кончая инфраструктурой. К тому же «мачеха» ревниво напомнила о себе энергетической блокадой. Вдобавок к ранее объявленной водной. С водой более или менее налаживается, с электроэнергией тоже, хотя для активизации прокладки энергомоста потребовался наш излюбленный «мотиватор» – клевок жареного петуха. То есть когда «блэкаут» уже стал фактом. В этом году начнут строить скоростную дорогу Керчь – Севастополь. Переоборудовали 20 больниц и собираются построить полсотни детских садов. Вопреки мрачным прогнозам туризм не рухнул: наш человек поехал в Крым буквально «назло» ненавязчивому сервису и очередям на переправах. Потому что «Крымнаш». 4,5 миллиона туристов – это как минимум восстановление «украинского уровня», но еще не предел. Однако когда анализируют такие итоги, то чаще всего

забывают поставить вопрос иначе, и тогда он станет, по сути, главным. А что было бы, если бы Крым не вернулся в Россию весной 2014 года? Помимо того что он сейчас как минимум разделил бы весь общеукраинский экономический хаос и коллапс, а как максимум отбивался бы от агрессивных попыток поднявших головы националистов искоренить все русское, что в Крыму осталось. Каково это было бы – предать тогда те ожидания, которые вновь оживила ситуация на Украине после госпереворота, но которые в Крыму всегда были и никуда не делись после распада СССР? Может, это было бы «rationally» с точки зрения так называемого «международного права», превратившегося по факту сегодня, увы, в набор двойных и тройных стандартов. Но несправедливо с точки зрения Истории. ♦

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 О концертах в Чернобыле и военной тайне

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

10 Исповедь репетитора

ИНТЕРВЬЮ

14 Организатор промышленности

20 Время Грозного

НАСЛЕДИЕ

46 Зачем он шел долиной чудной слез

54 Сломленный

РИА Новости

ИСТОРИЯ

26 Свидетели апокалипсиса

34 Крайний кавалер

40 Карты, гуща, осьминог

62 Там русский дух

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

68 Моржей блокадный батальон

72 Птичий остров

78 «Меня называют Вера Холодная»

ТРАДИЦИИ

84 После пляски кулаками не машут

ГОРОДА РОССИИ

88 Княжий град

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Мария БАШМАКОВА

Александр БУРЫЙ

Михаил БЫКОВ

Сергей ВИНОГРАДОВ

Василий ГОЛОВАНОВ

Михаил ЗОЛОТАРЕВ

Татьяна ЛАНКАУ

Ирина ЛУКЬЯНОВА

Алексей МАКЕЕВ

Александра ПУШКАРЬ

Евгений РЕЗЕПОВ

Дмитрий РУДНЕВ

Любовь РУМЯНЦЕВА

Андрей СЕМАШКО

Юлия СЕМЕНОВА

Дмитрий УРУШЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (495) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

О КОНЦЕРТАХ В ЧЕРНОБЫЛЕ И ВОЕННОЙ ТАЙНЕ

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

ЯПОНСКАЯ ДЕВОЧКА САДАКО САСАКИ ОЧЕНЬ ХОТЕЛА ЖИТЬ. ОНА ВЕРИЛА В ДРЕВНЮЮ ЛЕГЕНДУ: ТОГО, КТО СЛОЖИТ ИЗ БУМАГИ ТЫСЯЧУ ЖУРАВЛИКОВ И СКРЕПИТ ИХ ВОЕДИНО В ДЛИННУЮ «СЕНБАЗУРУ», СУДЬБА ОБЯЗАТЕЛЬНО ВОЗНАГРАДИТ, ВЫПОЛНИВ ЕГО САМОЕ ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ. И УМИРАЮЩАЯ НА БОЛЬНИЧНОЙ КОЙКЕ ОТ ЛЕЙКЕМИИ ДЕВОЧКА ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ КОРОТКОЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ ДЕЛАЛА БУМАЖНЫХ ПТИЦ. ОНА СЛАБЕЛА ДЕНЬ ОТО ДНЯ, ПАЛЬЦЫ НЕ СЛУШАЛИСЬ, СИЛ НЕ ХВАТАЛО, НО НАДЕЖДА НА ЧУДО НЕ УХОДИЛА.

Только чуда не произошло. Девочка просто не успела. До тысячи ей не хватило 356 журавликов. Их, когда девочки не стало, доделали ее друзья. Соединили птиц в «сенбазуру» и похоронили длинную журавлинью цепь вместе с Садако. Историю маленькой японки из Хиросимы знали все дети Советского Союза. На уроках труда в начальной школе миллионы школьников делали бумажных журавликов. Это была память о тех детях, что стали жертвами страшных ядерных взрывов в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945-го. Также все советские школьники знали: радиация и лучевая болезнь, страдания и смерть

связаны с атомной бомбой. С войной. А есть еще другой атом – мирный. Он запускает электростанции, дает энергию заводам и фабрикам, приносит свет и тепло в дома. Это друг и помощник человека. И никогда никому не причинит вреда. Когда 26 апреля 1986 года в Чернобыле загорелся ядерный реактор, даже жители Припяти, как рассказывают очевидцы, не осознавали поначалу масштабов трагедии. Даже когда в мае 1986-го о Чернобыле узнал весь мир, из окрестных населенных пунктов срочно эвакуировали население, а слово «радиация» зазвучало в каждом выпуске теленовостей, не все понимали, что происходит.

На месте будущего памятника героям-чернобыльцам пока стоит камень

ПОЛНОЧНЫЙ ЗВОНОК

А в зону трагедии уже прибывали со всех концов страны специалисты-атомщики, шли эшелоны военнослужащих. Кто-то, сознавая, что подвергает свою жизнь опасности, ехал по своей воле Родину спасать, кого-то командировали по долгу службы. В ликвидации аварии участвовали и жители Молдавии. И, как во времена Великой Отечественной, к ним приезжали артисты. Для поддержания боевого духа.

В 1986 году солистка оркестра Гостелерадио Молдавии Валентина Кожокару уже была известной исполнительницей народных песен. «Летом, – вспоминает она, – меня отправили в Чернобыль петь для наших соотечественников, которые забастовали и отказались выходить на работу. Их обманули, сказав, что везут на переподготовку в Одессу, а оттуда, без всякого предупреждения, переправили в Киев, затем в Чернобыль. Их поселили в селе Старые Соколы Припятского района, в 30 километрах от реактора».

– Был июль, я ушла в отпуск, – продолжает Валентина Кожокару. – Но мне позвонили из ЦК партии в полночь и сказали, что утром надо ехать. Надо так надо! Я поехала с оркестром «Тинереца» («Молодость»). – **Прим. авт.**, который был организован при Молодежном центре им. Юрия Гагарина. Нас было 50 человек – оркестр и танцевальный ансамбль «Пояница» под руководством народного артиста республики Бориса Филипчука. Он умер уже, очень жаль. Многие уже умерли из тех, с кем мы ездили в Припять. И все молодые. Но кто тогда знал, что ждет впереди? Я тоже была молодая, мне было даже интересно. Я не думала, что будет потом. Когда мы искали воинскую часть, видели пустые села. В домах были открыты двери, коровы паслись, гуси гуляли без присмотра и нигде ни одного человека. Потом нашли старушку, она показала, где живут солдаты. Они жили в лесу, в палатках. А вокруг проволока, выходить за нее нельзя. Еще в каком-то маленьком деревянном погребе, может, это была землянка, жила доктор. Ночью она часто ездила на скорой в Киев, наверное, сопровождала в госпиталь больных, потому что многим

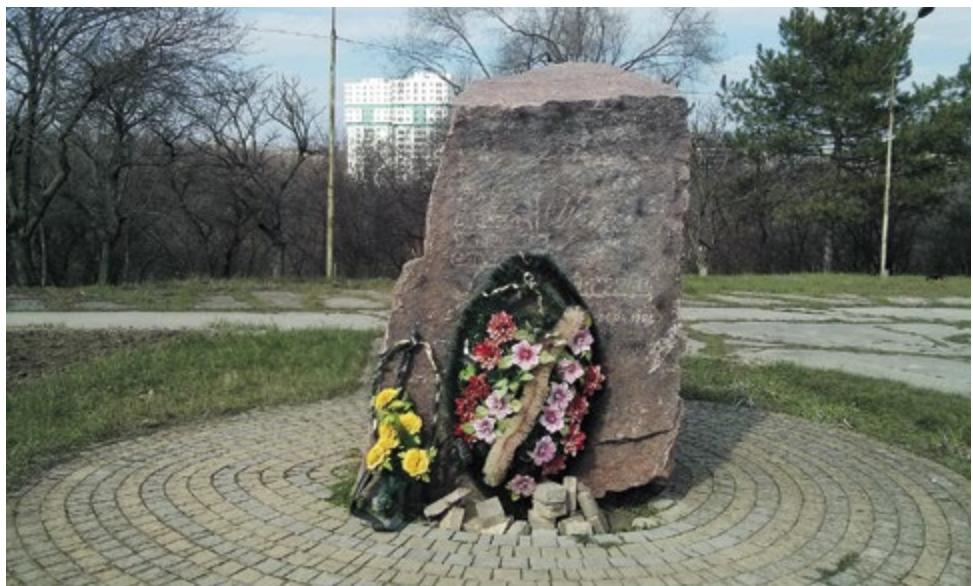

ФОТО АВТОРА

им тогда не давали. С нами приехали по одному представителю из Совмина, ЦК партии и ЦК комсомола Молдавии. Мы спрашивали у них: как же так? А они отвечали: якобы нашим ребятам вино отправили, но его почему-то передали другим. Обманывали, наверное... Я сама слышала, как они уговаривали наших ребят выйти на работу. Обещали квартиры вне очереди, материалы для строительства дома. Ребята верили, конечно. Теперь, кто в живых остался, только посмеиваются. Мы встречаемся с ними каждый год.

Народная артистка республики, солистка оркестра Национальной армии Валентина Кожокару была первой молдавской певицей, побывавшей в Припяти. Каждый год 26 апреля она встречается на кишиневском железнодорожном вокзале с теми, кто когда-то ликвидировал последствия чернобыльской аварии. С этого вокзала провожали ребят в Зону, которая перевернула всю их дальнейшую жизнь.

С каждым годом в Молдавии на встречах участников ликвидации последствий чернобыльской катастрофы собирается все меньше людей, с каждым годом все короче колонна, которая движется по городским улицам в сторону парка с поэтическим названием «Вала трандафируй» («Долина роз»). Здесь три года назад митрополит Кишиневский и всея Молдовы Владимир освятил церковь Святого Георгия. Ее воздвигли в память о чернобыльцах. А бок о бок с этим необычным для храмовой архитектуры сооружением из стекла и бетона, тоже в память о жертвах «мирного атома», построили часовню Иоакима и Анны, где идут службы на русском языке. Вообще-то храмы должны быть частью мемориала, который планировалось здесь оборудовать еще десять лет назад. Идут годы, меняются правительства, а денег в казне по-прежнему не хватает. И на небольшой площадке вместо памятника установлен камень. Пока. Но нет ничего более постоянного, чем временное, невесело шутит председатель Товарищества русских художников Молдавии «М-АРТ» Сергей Сулин.

солдатам, которых отправляли работать ближе к реактору, становилось плохо. А мы десять дней жили возле них и давали концерты. Это много. Конечно, потом это сказалось на нашем здоровье. Молодые мы были, глупые и бесстрашные. Нас, например, солдаты водили на экскурсию к могильнику, где хорошили зараженную технику. Это была большая яма такая. Технику мыли, а потом измеряли на ней дозиметром уровень радиации. Если было больше 100 единиц, механизмы закапывали на определенной глубине. И вот мы смотрели, как хоронят эту технику, сидели и смотрели в одних респираторах, а кто и просто в марлевых повязках...

— А давайте помянем ребят, которые там умерли, а потом еще дома, от болезней. Никому не дай бог такого... — Валентина наливает из кувшина ароматное молодое вино. Оно льется в бокал бордовой струей, пенясь и играя в солнечном свете из окна. — Представляешь, я в Припять не взяла с собой ни бутылочки вина, как положено по молдавскому обычаю, чтобы угостить там наших ребят. Первый раз в жизни поехала с пустыми руками! Собиралась ведь ночью, в попыхах. К тому же в Кишиневе говорили, что вино стаканами ликвидаторам дают каждый день. Для защиты от радиации. Даже говорили, что это молдавское каберне. Но ничего

Народная артистка Молдавии Валентина Кожокару

Церковь Святого Георгия в память о чернобыльцах. Таких церквей в Молдавии больше нет

ЗАЧЕМ НУЖНА ВОЕННАЯ ТАЙНА

Мы встретились с ним в единственной в Кишиневе русской библиотеке имени М. Ломоносова. В Ломоносовке – так называют ее в народе – Сергей человек свой. Как, впрочем, и десятки других представителей Русского мира в Молдавии, которые встречаются здесь с единомышленниками, участвуют в дискуссиях, проводят творческие вечера. Ломоносовка давно превратилась в настоящий интеллектуальный клуб. А для Товарищества русских художников Молдавии «М-АРТ» вообще стала базовой галереей. Здесь было организовано свыше 50 коллективных и персональных выставок «м-артовцев», экспонировался в том числе и «Чернобыльский репортаж» Сулина – единственного профессионального художника среди молдавских ликвидаторов аварии и единственного чернобыльца в Союзе художников республики, как написал о нем когда-то московский критик.

В Чернобыль Сергей попал в 1987-м, через год после аварии. А до этого... – До этого были, конечно, какие-то разговоры, слухи, шли какие-то новостные передачи по телевизору, – вспоминает Сергей. – Говорили о радиации в Киеве, что воспринималось здесь, у нас, как-то несерьезно. Это потом стало известно, что и в Кишиневе была повышенная радиация, от нее пострадала группа детей, тогда родившихся, в том числе моя старшая дочь.

В начале 1987-го меня как офицера запаса (Сергей получил звание лейтенанта на военной кафедре в Политехническом институте Кишинева. – **Прим. авт.**) вызвали в военкомат и предложили переквалифицироваться из сапера в дозиметриста. На кафедре в родном институте были организованы двухнедельные курсы, которые мы тоже воспринимали как-то несерьезно. Курсы закончились, и о нас словно забыли. А через полгода вызвали повесткой в военкомат и сообщили об отправке на сборы. Не сказали куда, это была военная тайна. Правда, она стала известна на следующий же день, о ней проговорился кто-то из знакомых сотрудников. А скрывали ее от нас,

ФОТО АВТОРА

Председатель Товарищества русских художников Молдавии «М-АРТ» Сергей Сулин и его «Чернобыльский репортаж»

чтобы удержать народ. В Чернобыль мало кто хотел ехать добровольно. А я считал, что защита Отечества – долг каждого гражданина Советского Союза. И поехал.

– Тогда из Молдавии каждый день отправляли пополнение в Одесский полк, – продолжает Сергей Сулин. – Там еще были люди из Севастополя, из Днепропетровска... Всех отправляли якобы на сборы, а везли в Чернобыль. Офицерам положено было находиться там месяц, а солдатам – три месяца. Считалось, что за это время каждый может набрать дозу радиации не выше допустимой. Нормой, если можно так выразиться, для наших предшественников было 25 бэротов, для нас уже 10. Когда радиация доходила до этой планки, человека отправляли домой.

– Мы называли бэры «радиками», – грустно усмехается Сергей. – По вечерам измеряли, сколько набрали за день. Индивидуальных дозиметров, кстати, у нас не было. Они были у гражданских специалистов, а у военных нет. Нам только на один день выдали. И когда мы измерили дозу, выяснилось, что за сутки набрали вдвое больше нормы. У нас дозиметры тут же забрали, чтобы не было никаких разговоров.

– А в другие дни как вы подсчитывали дозу радиации?

– Там было – как бы сказать поточнее? – три круга ада, три зоны,

в зависимости от близости к реактору. Наш полк стоял в третьей зоне или уже за третьей. А круг возле станции считался первым. Попадаешь в него, получаешь 0,75 бэра в день, так считалось, работаешь на отстойнике техники – 0,25... А когда стоишь на крыше самого реактора, сбрасываешь радиоактивный мусор, по одному-полтора бэра тебе обеспечено. После работы там человеку давали двое суток отдохнуть, чтобы компенсировать удар. Но у нас вообще не было никаких упражнений – ни зарядки, ни шагистики, никаких учений, разумеется, только вечерняя поверка. А утром мы только завтракали – нас кормили очень хорошо – и на работу.

– Вы лично чем занимались?

– Я был командиром взвода радиационно-химической разведки. Командиром нашей роты был капитан, который едва вернулся домой из Афганистана, как его перебросили в Чернобыль. После войны он воспринял это как своего рода отдых. Передал нам все в управление, в дела не вмешивался, особо ничего не требовал. Нас отправляли на станцию убирать мусор в помещениях. Давали веники, тряпки, ведра, стиральный порошок «Лотос». Считалось, что тщательная уборка снижает радиационный фон. Мы весь день драили окна, стены, полы... Я постоянно измерял фон дозиметрическим прибором. Больше всего

Сергей Сулин
тридцать
лет назад
в Чернобыле

ФОТО ИЗ АРХИВА

радиации набирали металлические части – трубы там всякие, двери. В простенках, если был высокий фон, даже сбивали молотками штукатурку. К вечеру фон вроде снижали. Утром приходим – опять то же самое. Мы докладывали о том, что помещение невозможно полностью очистить, и его просто закрывали. Я скоро понял, что все наши действия бесполезны. И во время уборки просто запрещал своим ребятам подходить к металлическим частям и заглядывать во всякие закоулки, где скапливались загрязнения. Так мы выходили на станцию десять раз. Помимо этого мы ездили в мертвую зону. Ту самую 30-километровую зону, которая так напоминала фильм «Сталкер». Очень тяжелое впечатление произвели выселенные деревни, разбитые дороги, разбросанные прямо на улицах вещи, игрушки, книги, снятые крыши...

– А зачем их снимали?

– В деревнях было много домов с соломенными крышами. Солому снимали, сжигали, закапывали, потому что считали, что она набирает радиацию. Сначала ведь думали, что можно будет все реанимировать, восстановить. Но радиация никуда не девалась.

Мы обследовали местность. Должны были ездить по определенным маршрутам и в определенных точках снимать показания приборов, брать землю и воду на анализ. Маршруты каждый раз менялись, по ним вообще было сложно следовать, потому что даже карт не было. Были схемы

с какими-то названиями деревень, с какими-то точками. Не уверен даже, в тех ли местах мы брали пробы, в каких нужно было. Но маршрутов старались придерживаться.

– Меня водили на экскурсию на крышу, – рассказывает Сергей. – Не в самое пекло, разумеется, кто б меня туда пустил? Я был в третьем блоке ЧАЭС, который технически связан с четвертым, в зале с телеметрией. Наблюдал за тем, что происходит в четвертом блоке по телевизору. А там, в четвертом блоке, был помимо всего прочего настоящий робот. Его прислали японцы, он расчищал завалы. Так бедняга набрал столько радиации, что вышел из строя.

На крышу, к жерлу реактора, ребят отправляли в специальных противорадиационных костюмах, свинцовых фартуках, давали лопаты, напутствовали: «Две лопаты мусора скиньешь, сразу обратно». Пока переодевали и отправляли в «экспедицию» одних, другие ждали своей очереди. Помните, какие очереди в советское время стояли в Мавзолей Ленина? В третьем блоке ЧАЭС очередь была раза в два длиннее и раз в пять толще. Люди стояли, чтобы переодеться, выскоичить к жерлу реактора на 10–15 секунд, скинуть в трубу пару лопат мусора и бегом назад. И вот за это время они успевали набрать свою дозу.

– А им объясняли, куда и что и как кидать?

– Да, за ними следили по телевизорам и диктовали в микрофон,

что делать. А многие солдатики, очутившись на крыше реактора, от волнения, наверное, не понимали, откуда раздается голос, не все соображали, как выполнять команды. Один стоит, озирается. Ему кричат: «Бери мусор, кидай лопату!» Он подходит к жерлу реактора, выкидывает туда пустую лопату и бежит обратно.

Вообще, из-за того, что радиация не имеет никаких явных признаков – ни цвета, ни вкуса, ни запаха, – далеко не все понимали, какой опасности они подвергаются в Зоне. Я видел ребят, которые, например, загорали на речке. А еще видел сувениры, которые делали из дозиметров. Их можно было за большие деньги купить у умельцев, подарить кому-нибудь...

Через месяц я набрал свою дозу радиации, получил бумагу, меня отправили домой. Но сначала нужно было заехать в Знаменку за 500 почти километров от Припяти забрать свои вещи, потому что по дороге туда мы в Знаменке переодевались и все свое там оставляли.

«ДО» И «ПОСЛЕ»

Эта дорога разделила жизнь Сергея Сулина на «до» и «после». В его «Чернобыльском репортаже» точка не поставлена, да и не может быть поставлена. Тема катастрофы и всего, что с ней связано, из строгой лаконичной графики первых «постчернобыльских» работ перешла в философски-религиозные полотна «Серебряной серии», а затем и вовсе перетекла в слово. В 2014 году в российском издательстве «Художественная литература» впервые за долгие годы была выпущена книга молдавского автора. Это был роман Сергея Сулина «С Золотой Рыбы». И хотя сам автор пишет в предисловии, что книга эта «не о чернобыльской катастрофе и ее ликвидаторах», а «о любви и творчестве», она все равно часть «Чернобыльского репортажа».

Из Молдавии на борьбу с последствиями чернобыльской катастрофы было отправлено 3 с половиной тысячи человек. Год назад здесь оставалось 2311 ликвидаторов.

ОЛЕГ БОРОДИН

ИСПОВЕДЬ РЕПЕТИТОРА

АВТОР

ТАТЬЯНА ЛАНКАУ

ПОМНИТЕ РАССКАЗ ЧЕХОВА «РЕПЕТИТОР»? ГИМНАЗИСТ VII КЛАССА ЕГОР ЗИБЕРОВ ГОТОВИТ ВО II КЛАСС ГИМНАЗИИ ПЕТЮ УДОДОВА, СЫНА ОТСТАВНОГО ГУБЕРНСКОГО СЕКРЕТАРЯ. МАЛОЛЕТНИЙ УЧИТЕЛЬ ЗНАЕТ НЕМНОГИМ БОЛЕЕ УЧЕНИКА. НО ЗА СВОЙ УРОК, ПУСТЬ И НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ, ОН НЕ МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ С ПАПАШИ УДОДОВА ДЕНЬГИ – НЕСЧАСТНЫЕ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

3 ИБЕРОВ В КОТОРЫЙ РАЗ ЗАДАЕТ ПЕТЕ ВЫучить четвертое склонение латинских существительных. И Удодов-младший в который раз ничего не выучивает. Гимназист досадует:

- Опять вы не выучили! В шестой раз задаю вам четвертое склонение, и вы ни в зуб толкнуть! Когда же, наконец, вы начнете учить уроки?
- Опять не выучил? Опять? Почему же ты не выучил? Ах ты, свинья, свинья! Верите ли, Егор Алексеич? Ведь и вчера спорол! – вздыхает подошедший папаша Удодов.

Эта картина знакома многим репетиторам. Я преподаю русский и английский языки. Начинала, подав по совету мамы объявление об уроках в районную газету. Думала ли я, что своими глазами увижу Петя Удодовых? Или Незнаек. Так я называю детей, которые почти на все вопросы отвечают «Не знаю!». И их становится все больше.

Героям чеховского рассказа очень повезло. Они жили в эпоху, когда не было мощных отвлекающих моментов, таких как Интернет и гаджеты. Мои ученики ими пользуются непрерывно: из школы пришли – и до обеда в Интернете, репетитора ждут – играют или смотрят мультики. Итог – дети рассеянны и совершенно не способны сосредоточиться.

Вот приносит ребенок домой двойку по английскому и жалуется мне: за что учитель ее поставил? Смотрим задание: пять предложений нужно переписать в отрицательной форме, то есть просто вставить *not*. Одно предложение не дописано, в другом пропущено слово, в третьем отсутствует *not*. Что это? Ребенок не видит ошибки? Балуется или издевается? Нет. Ребенок рассеян и не может сконцентрироваться. И пока не укажешь на все три ошибки, ребенок будет жаловаться: вот, мол, какая злая в школе училка, влепила двойку.

Меня выучила и воспитала советская школа. Моим сверстникам помогали выработать концентрацию дисциплина и упорядоченное поведение: сидение за партой со сложенными руками, школьная форма, никаких украшений. И я могу просидеть несколько часов, чтобы довести начатое дело до конца. А мои ученики не могут.

Вот 12-летний мальчик Петя. Мы занимаемся второй год. И я помню, что объясняла ему год назад, а он нет. Наш урок выглядит обычно так. Расхлябанной походкой, нехотя Петя бредет к столу. О том, чтобы поболтать на языке Шекспира, речь не идет. Мальчик в пятом классе, но почти

каждое слово, которое он слышит на английском, у него вызывает вопрос: «Чего?» А мальчику через несколько лет на экзамене предстоит аудирование. О, это сладковзвучное слово с немецким суффиксом «-ир», который есть в таких прекрасных словах, как *studieren* (учиться) и *marschieren* (маршировать)! А с 2022 года обязательным станет и ЕГЭ по английскому, и там тоже будет аудирование. И еще вот это – не к ночи будет помянуто – говорение.

Петя залезает под стол – уронил ручку. Я читаю детских психологов, и я не садистка, а только репетитор. И я знаю, вертится ребенок на моем уроке или не вертится, а знания усваивает. Поэтому жесткой дисциплины я не добиваюсь, а начинаю урок, хотя мое внутреннее дитя посыпает мне привет из 1990-х и удивленно хлопает глазами: ты что, забыла, как сидела у репетитора тихо-тихо, ловя и записывая каждое слово?

Я начинаю урок с того, что спрашиваю, как дела по английскому языку и какие оценки. Мне интересно, как ребенок относится к своим оценкам, как рассказывает о школьных уроках. Петя сообщает, что ему поставили две двойки и что на уроках они с корешами по каждому поводу смеются, потому что англичанка все время что-то не по-русски лопочет, а они ничего не понимают, и вот это слово (какая-то абракадабра) он написал, как было на доске.

Одна двойка – за диктант, не выучил слова. Не теряет актуальности в наше время этот древний способ проверки знаний и наведения ужаса на школьников! Но детям надо помочь преодолеть языковой барьер. Не надо загонять их к этому непреодолимому барьеру и отсчитывать время, за которое они, сдирая кожу на руках и ногах, сумеют допрыгнуть и ухватиться за его край.

К сожалению, школьные учителя в большинстве своем не учат с детьми слова, а только проводят словарные диктанты. Приходится репетитору делать карточки, объяснять трудности написания и произношения каждого слова, показывать, с какими другими словами оно сочетается. Ведь задание «выучить слова» – не такое простое. Слова надо прочитать, осмыслить, то есть понять, в каких выражениях, в каких текстах их можно встретить. Если ребенку дать небольшой контекст, он запоминает слово очень быстро. Но на слух – это одно, а нужно еще уметь правильно записать то, что слышишь.

Когда дети у меня спрашивают, почему нужно писать так много букв, если слово всего из трех-четырех звуков (*daughter, through* и т.п.), я обычно отшутиваюсь, что британцам лень проводить реформу орфографии (вариант – нет на это денег). Сразу же ленивые и малообеспеченные британцы становятся более человечными в глазах детей. И, вызвав у них сочувствие к непутевым наследникам Шекспира, я получаю возможность объяснить пару-тройку правил и исправить пару-тройку ошибок. Наверное, в этом ключевое отличие репетиторских уроков от школьных. Репетитор с детьми английский язык изучает, а в школе его учат. И без особого успеха. К сожалению, многие дети не хотят ничего учить. Ученица второго класса объясняет: «Я за границу не поеду и буду работать уборщицей, мне не нужен английский».

Я уже привыкла, что мое домашнее задание не делается. «Я не знаю как». «Я не успел». Никогда ребенок не скажет, что ему просто неинтересно, ему непонятно, зачем он должен учить еще один алфавит, учить слова, состоящие из незнako-

мых букв, звучание которых ему ни о чем не говорит. На все эти вопросы нужно иметь ответы и родителю, и школьному учителю, и репетитору. Сейчас с этим проще. Ребенок приехал в страну изучаемого языка, открыл рот, его поняли, он на седьмом небе от счастья. А раньше помогало только воображение. Картинки были тусклые и размытые, но зато тексты, например с описанием достопримечательностей Лондона, были очень яркими. Наверное, до сих пор многие помнят по советским учебникам Биг-Бен и Тауэр.

Увы, до культурологической составляющей предмета «английский язык» дело ни в школе, ни на занятиях с репетитором, как правило, не доходит. Дети понятия не имеют, в каких странах говорят по-английски, где эти страны, какие там формы государственного управления, какая валюта, как называются люди, живущие там. Например, обсуждая с учеником пятого класса Германию, я узнала, что немцы на самом деле называются «германами». Спросила, какая валюта имеет хождение в Великобритании, в ответ получила радостный бессмысленный взгляд. Объяснила. А, говорю, какие еще страны не входят в зону евро? Наивная женщина! Перед тобой сидит маленький человек, который мечтает комментировать видео в прямом интернет-эфире и хочет сделать это своей профессией. Другой – тоже далекий от географии молодой человек – хочет стать путешественником и написать книгу о своих путешествиях, а сам не знает, как звали Чехова.

К слову, современному ребенку Чехова читать уже трудно. Много непонятных оборотов, затянутое повествование. Рассказ «Репетитор» – куда уж короче, но в Интернете к услугам школьников есть краткое содержание и этого рассказа. Что уж говорить о Толстом и Достоевском?

Учитель или репетитор, если не хочет потерять внимание ребенка, должен его постоянно удивлять: «Петя! На тебя надеется весь русский народ. Если не ты, то кто будет представлять нашу страну за рубежом? Ты должен понимать иностранную речь и уметь говорить что-то впрогад».

У меня есть час или два часа (астрономических, за академический час или два я не знаю, что вообще можно успеть) на то, чтобы вложить в головы учеников какие-то знания. Но это я так думаю. А головы интересует другое: «А зачем я должен это читать?», «Это все нужно прочитать?», «Зачем надо знать неправильные глаголы?», «Английский очень сложный».

Я себя часто вынуждена представлять обычным тренером. Сходство налицо. У меня есть ограниченное время занятия, я готовлю ребенка к сдаче экзаменов, которые также проходят на время. Приобрести умение писать, читать, говорить и слушать в определенных временных рамках – вполне спортивная задача. Поэтому иногда я отмечую все капризы детей словами: «Мама платит мне за наши занятия. Значит, одна наша минута стоит денег. Мы потеряли на «хочу – не хочу» три минуты. Это сколько стоит?» Это совершенно непедагогичные приемы, но они работают. Современные дети умеют считать деньги. Один мальчик, кстати, поразил меня знанием того, сколько стоит один слив воды в унитазе (около 20 рублей, кстати).

13-летняя девочка хочет сдавать ЕГЭ по английскому. При этом какую неделю я не могу добиться, чтобы она выучила хоть маленький диалог, или сделала хоть маленький перевод с русского на английский, или вот хоть словечки выучила. Нет, говорит, давайте лучше мы будем меня натаскивать по пробным тестам.

ЕГЭ, в принципе, неплохая идея, ориентирующая школьников на взрослую жизнь, в которой их навыки будут рассматриваться на предмет соответствия неким стандартам. Благодаря ЕГЭ дети постепенно будут подготовлены к тому, что их работа во взрослой жизни будет лицензироваться и сертифицироваться. Но ЕГЭ – это не знания. Это просто умение поставить галочку возле нужного ответа. Предмет не разбирается. Подготовка к экзамену сводится к натаскиванию.

Тащимся с девочкой по страницам тетради в мягкой обложке с российским флагом и эмблемой ФГОС, известной многим, кто интересовался примерными тестами к ЕГЭ. Ответы мы пытаемся угадать, а слова, которые мы знаем на слух, на письме мы идентифицировать не можем, и наоборот: «Ах, вот так пишется beautiful! Так я это слово сто лет знаю». Не знаешь, не знаешь ты это слово, раз не умеешь его писать! Хочется кричать, чтобы услышали и поняли. Но я сразу ловлю себя на мысли: а зачем кричать? Я же знаю, что делать. Разговор я начинаю издалека:

- А у вас в классе уже кто-нибудь сдает международные тесты по английскому?
- Не знаю. Это как ЕГЭ?
- Сложнее, но это дает возможность поступить в иностранный вуз.

Пробуждаю интерес к английскому, задействовав потребность в уважении со стороны окружающих – устроиться в жизни лучше, чем другие.

Сейчас государство всячески старается сдержать утечку мозгов. Ну и хорошо, я – патриотка. Если не рекламировать международные экзамены, можно пустить в ход другой аргумент. Английский язык надо учить, потому что это очень хорошо развивает мозги и потому что зарплата у людей, знающих английский, выше. Одна мама както услышала, как я это говорю ее сыну, и сказала мне потом: «Ну что он смыслит в зарплатах? Для него это умозрительно все. Нужно его заинтересовать на его уровне». На его уровне – это играми и другими уловками, с помощью которых принято дрессировать медведей в цирке. Не слишком ли цинично?

У многих детей, с которыми я занимаюсь, дефицит внимания. Каждый ребенок хочет пообщаться вне урока. Английский еще не понятен, далек, неинтересен. А репетитор – вот он, рядом, смотрит, с ним можно поговорить, задать ему вопрос не только об английском, но и о жизни. Если вдруг проявляешь нетерпение – тебе нужно куда-то идти, – ребенок сразу сдувается, тускнет. Ну вот, опять его оттолкнули! Видимо, родители не слушают его «бредни», которые для него самые важные новости. Одна девочка научилась рисовать собачку из четырех кружков, другой надо найти песенку на сайте YouTube, с третьим надо поиграть в компьютерную игру, пусть грамматическую, родители вообще к компьютеру не подпускают. И все это надо делать – иначе ты вызовешь неприязнь к себе, а через тебя неприязнь перейдет на предмет, который ты преподаешь.

Сейчас у нас есть уникальная возможность защитить русский язык, как это делают немцы и французы, или поставить торговлю русским языком на поток, как это сделали со своим английским британцы. Вот смотрите, все эти ступенчатые тесты на знание английского языка, которые обеспечивают право учебы или работы, все эти многоуровневые учебные пособия, системы сертификации – это все дает Великобритании огромный доход. Почему бы не

сделать то же самое с русским языком? Многоуровневые тесты. Хочешь торговать с нами, хочешь работать в России, заполняй все документы на русском, переговоры веди на русском. Почему так складывается, что Россия веками то французский язык учила, то немецкий, а теперь английский? А почему бы иностранцам не учить наш язык? Хорошо, что дети не задают таких вопросов. Ответы на них не понравились бы никому.

Потому что у нас нет Главного товара. Нефть и газ не в счет. И нет Главной услуги. В Великобритании – английский язык, в Китае – дешевая рабочая сила, в Швейцарии – часы, шоколад и горные курорты. А у нас нет ничего такого, ради чего обращались бы только к нам. Не знаю, понимают ли это дети, но только они не учат ни русский, ни английский, ни китайский. А знают только какой-то птичий язык Интернета и язык сокращений из эсэмэсок. Кем станут эти мечтатели? Критиками видео с сайта YouTube и путешественниками-писателями?

Эталоном потребительского поведения у нас теперь служат США. Посмотрим на нынешний перечень самых востребованных в Америке профессий. В него входят в основном медики, компьютерщики, статистики, анализирующие потребительское поведение, и социальные работники. У нас с поправкой на национальные особенности всегда будут востребованы чиновники, различные силовики, медики и педагоги.

Вот, например, как быть репетитору по английскому языку, если речь у него заходит с ребенком о профессиях? Ну выучили мы названия профессий, а чтобы их актуализировать, нужно обсуждение. Так вот, как быть? Объяснять на английском, кто такой депутат и в чем заключается работа Госдумы или посвящать в тонкости профессии загадочного американского врача-подиатра?

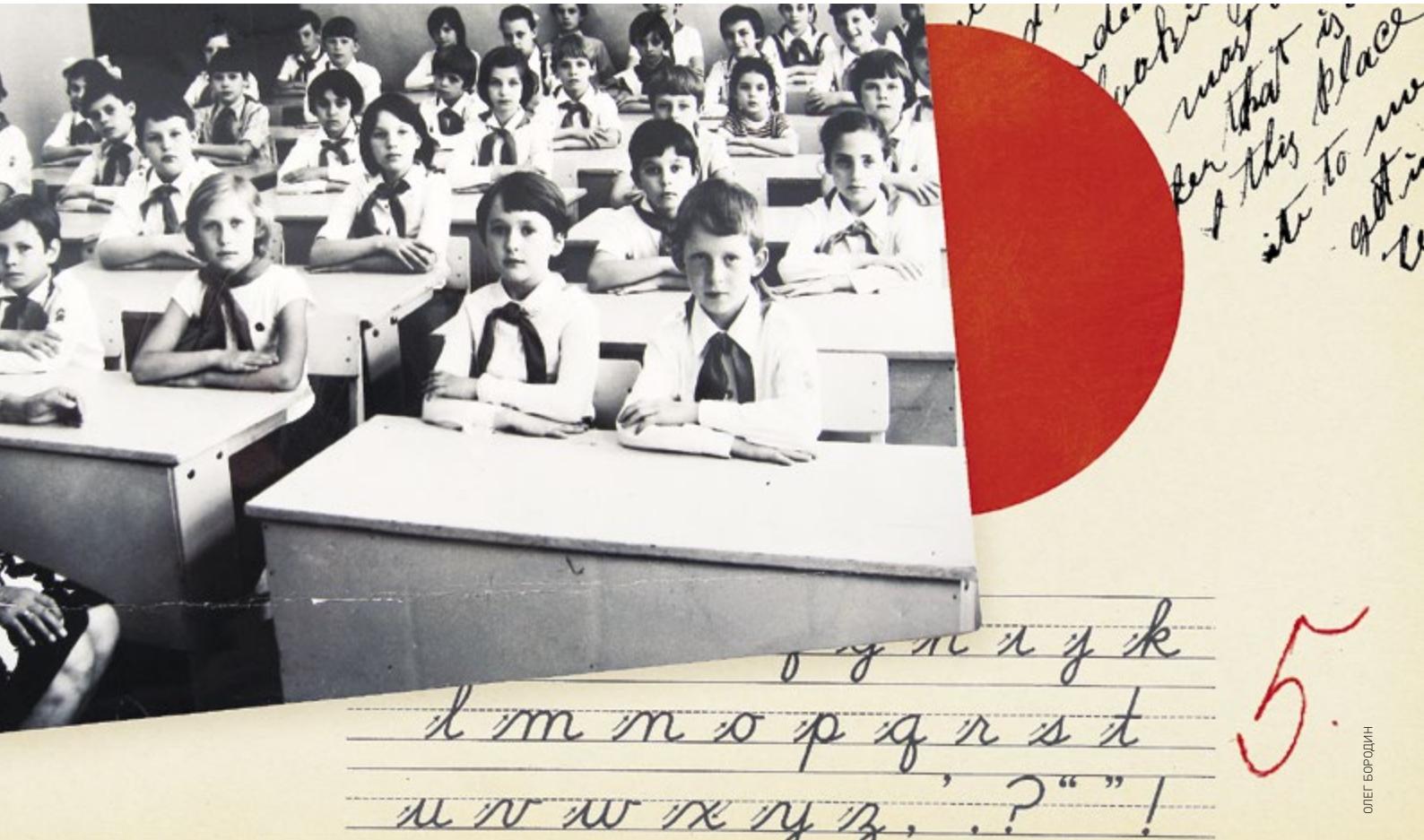
Дети всегда востребуют другие модели, чем им предлагаю учителя в школах и авторы учебников. И те, и другие катастрофически не поспеваю за временем. Когда на уроке, посвященном профессиям, начинаешь с ребенком общаться, выясняется, что его очень даже интересует, кто такой оптометрист, и совершенно не интересует, что делает секретарь. Потому что секретарь – наполовину автоматизированная должность, а оптометрист – это человек, создающий вам новые глаза, имидж и т.д.

В английском две главные проблемы – преодолеть языковой барьер и выучить грамматику, чтобы заговорить правильно. Языковой барьер легко преодолеть с носителем языка. Идет занятие, тебе волей-неволей нужно общаться. С русскоязычным репетитором сложнее. Даже если вам попался хороший репетитор, который способен проговорить весь урок по-английски, он не сможет игнорировать что-то, что ребенок не понимает. Начинаются объяснения по-русски – и обратный переход очень сложно сделать.

Остается грамматика. Научить английской грамматике несложно, если самому хорошо понимать ее принципы. Не все репетиторы могут похвастаться этим.

Но проблема не только в этом. Огромная проблема нашего времени заключается в том, что многие современные дети не владеют родным русским языком. И это настоящая беда. Репетитору нужно поставить иностранную речь, а у ребенка и родная-то еще неустойчива.

Например, мы переводим фразу из учебника: First people lived in caves and wore skins of wild animals – «Первые люди

жили в пещерах и носили шкуры диких животных». Ребенок седьмого класса в тупике: skins of wild animals. «Кожаные костюмы», – переводит он. Я тоже в тупике. В школе, где я училась, первобытных людей проходили в пятом классе, как и в остальных советских школах, я думаю. Как забыть иллюстрацию с палкой-копалкой? С тех пор я твердо знаю, что древние люди одевались в шкуры диких животных. Далее, если помните, в учебнике было красочное описание охоты на мамонта.

У современных детей все эти знания вытеснены фрагментированными образцами эмоционального интеллекта. Что я этим хочу сказать? Современные дети больше понимают эмоции, чем доводы рассудка. И ждут этого от взрослых. Если им удается высечь из взрослого искру, контакт удается. Это эмоции всех спектров: и негативные – взрослый не может справиться с ребенком и начинает на него кричать; и позитивные, что реже удается, – ребенок и взрослый вместе смеются и контакт между ними устанавливается. Кстати, как только контакт установлен, ребенку можно преподавать с большой буквы. Можно ему рассказывать, показывать, он будет слушать и смотреть, можно его просить читать и писать – все будет сделано. Но вот в какой-то момент эмоции утихают, становится скучно, требуется новый взрыв. Если взрослый к этому не подготовится, он быстро истощится, перейдет на крик.

Конечно, я не школьная учительница, я только скромный репетитор. Я не учу ребенка с нуля, я только исправляю чужие ошибки. Так меня и зовут на уроки: «Вы знаете, Петя нахваливал двоек по английскому. Он сам не справится. Пожалуйста,

помогите». И я помогаю. Но даже таких занятий достаточно, чтобы сделать некоторые выводы. Возможно, они субъективны. Ведь мои ученики – двоечники, троичники и четверочники. Но, к сожалению, мои выводы неутешительны и нелицеприятны для современной российской школы.

Я не скажу, что мы теряем наших детей. Я вынуждена сказать, что мы их уже потеряли. Выросло поколение, которое просто неспособно учиться.

Выросло поколение, которое искренне считает, что «земля имела и имеет форму плоского диска и омывается со всех сторон величественной рекой, называемой Океан. Земля покоятся на шести слонах, а те стоят на огромной черепахе». Выросло поколение, которое ничего длиннее эсэмэсков не пишет и не читает. Пушкин, Гоголь и Тургенев – слишком сложны и однообразны. Они вытеснены из детского ума американским ширпотребом китайского производства, «танчиками», куклами Monster High в гробах, целителями 25-го уровня, свинками Пеппами, чудо-женщинами и прочим аудиовизуальным хламом.

И все это ничему не учит. Никакого развития не несет. Тотальная «фасилитация восприятия». А восприятие уже давно пора не упрощать, пришло уже время загадок и ребусов. Наступило уже. Пора, пора снова учить детей думать. Я – скромный репетитор. Я нахожусь внизу образовательной лестницы. И, к сожалению, от меня ничего не зависит. Но когда я поднимаю глаза и смотрю на тех, кто стоит наверху этой лестницы, я мысленно прошу их изменить хоть что-нибудь в нашей системе образования. Ну хоть что-нибудь. ●

ОРГАНИЗАТОР ПРОМЫШЛЕННОСТИ

БЕСЕДОВАЛА

АЛЕКСАНДРА ПУШКАРЬ

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК, ВХОДИВШИЙ В ЧИСЛО КРУПНЕЙШИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ РОССИИ, ПОСТРОИЛ ПЕРВУЮ В ИМПЕРИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ СТАНЦИЮ НА БАЙКАЛЕ И ПЕРВЫЙ СНАРЯЖАТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД. ОН ОБЕСПЕЧИЛ МАNUФАКТУРНЫМ ТОВАРОМ ВСЮ СИБИРЬ. ОН ДАЛ СТРАНЕ ПЕРВУЮ ЛЕГИРОВАННУЮ СТАЛЬ. ЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ КОВАЛИ ПОБЕДУ ДЛЯ ТРЕХ ВОЙН И, ЧТО УДИВИТЕЛЬНО, РАБОТАЮТ ДО СИХ ПОР.

Но что еще удивительнее: имя этого человека известно лишь специалистам. О нем нет монографий. Его архив не исследован. Память о Николае Второве хранят лишь музей основанной им Электростали да немногочисленные энтузиасты. О «русском Моргане» «Русскому мируги» рассказывает старший научный сотрудник Института энергетических проблем химической физики РАН, краевед, историк московского купечества Михаил Дроздов.

— Почему современники называли Николая Второва «русским Морганом»?

— Как и Джон Пирпонт Морган I, Николай Александрович Второв был стальным магнатом. Но мне кажется, это неудачное сравнение. Моргены — прежде всего династия банкиров. Второвы же банковским делом занялись за год до революции. Был ли Николай Александрович самым богатым человеком империи — тоже не до конца ясный вопрос. Второв создал концерн, но он не был единственным. Похожие финансово-про-

Старший научный сотрудник Института энергетических проблем химической физики РАН, краевед, историк московского купечества Михаил Дроздов

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Александр
Федорович Второв
(1841–1911),
русский купец,
предприниматель,
отец Николая
Второва

мышленные группы строили Рябушинские, Стасеевы, Путиловы, Батолины... Автор «Москвы купеческой», известный предприниматель Павел Бурышкин, говоря о московских купеческих фамилиях, на первых позициях видит Морозовых, Бахрушиных, Найденовых, Третьяковых, Шукиных, Прохоровых, Алексеевых, отводя Второвым только 24-е место. Может быть, это субъективно. По мнению Бурышкина, семью Второвых нельзя причислить к московскому купечеству, хотя с 1897 года их главная контора помещалась в Москве. Они из Сибири, а сибиряков немного в московской «обойме» было. Но так или иначе, роль Второва столь велика, что о нем написали даже в сталинской Большой советской энциклопедии и в сборнике «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы», вышедшем в 1957 году к 40-летию советской власти. То есть ругать – ругали, но замолчать не могли.

– В 2005 году журнал *Forbes* опубликовал рейтинг богатейших российских предпринимателей начала XX века, в котором Второв занимает первое место...

– Список этот не совсем серьезный. Например, в нем отсутствует Путилов, а у него масштаб больше, чем у Второва. На мой взгляд, о Второве точнее можно сказать так: не самый богатый, а один из богатейших.

– А как складывалась его империя?

– Дело начинал его отец – Александр Федорович Второв. Он родился в 1841 году в городке Лух Костромской губернии, происходил из низов. После реформы 1860-х годов отправился в Сибирь, которая тогда многим казалась «золотым дном». Происхождение его капитала не совсем ясно. Начинал он с торговли тканями, но, в отличие от многих, не ограничился только ею. Торговал чаем и мехами, мыл золото, первым наладил массовую поставку товаров на большие рассто-

ния, когда железной дороги в Сибирь еще не было, создал мощную систему пассажей в 11 городах Зауралья. В мире *Grands magasins* уже вошли в моду, и даже в Центральной России появились «Мюр и Мерилиз» (российский торговый дом, основанный в 1842 году жившими в России шотландцами Арчибалдом Мерилизом и Эндрю Мюром. – Прим. ред.). Но в Сибири такого не видали. Торговали в лавках, а это были настоящие европейские «большие магазины» с различными отделами, складами, инфраструктурой и прочим...

– Так это же деньги надо вкладывать, и вдруг...

– «Большой магазин» требует больших затрат, но они окупаются. Второв нигде не учился, был не очень грамотным человеком, но такие вещи просчитывать умел. Даже про образование Николая Александровича мы ничего не знаем, хотя известно, что в 1880-х, спасаясь от армии, он устроился работать народным учителем, а значит, образование имел. Но ни о нем, ни о его отце нет монографий, их личная судьба мало изучена.

– Записок и дневников они не оставили?

– Они потому и достигли многого, что им было не до рефлексии. Правда, в парижском Нантере, в Библиотеке современной международной документации, сохранился архив Второвых. Он описан, но не исследован. Архив принадлежал сыну Николая Александровича, Борису Николаевичу, который жил во Франции, умер в 1971 году и похоронен на кладбище Банье.

– Когда Николая Второва хоронили в 1918 году, рабочие его фабрик несли венок с надписью «Великому организатору промышленности»...

– В России предприниматели если уж вкладывались в производство, то не просто открывали десятки заводов, а создавали целые отрасли индустрии. Николая Второва справедливо считают одним из основателей химической промышленности в России. Долгие годы краски для текстиля везли из Германии или производили в российских филиалах немецких компаний. С началом Первой мировой войны встал вопрос об импортозамещении, и в 1914 году по инициативе Второва в Москве было создано Товарищество «Русско-Краска». В 1915–1917 годах оно построило завод на станции Рубежное Харьковской губернии – сейчас это Луганская область. Одновременно там же, в Рубежном, Второв открыл еще одно предприятие – «Коксобензол». Оно производило сырье для изготовления взрывчатки, которое прежде тоже поставляла Германия. Вокруг возвели водопровод, больницы, школы, молочные фермы, дома для сотрудников и фабрики по производству кирпича и черепицы. В советское время заводы объединили. Рубежанский химический комбинат снабжал красителями весь Советский Союз, страны СЭВ, государства третьего мира.

При акционерном обществе «Русско-Краска» была создана лаборатория по синтезу и исследованию красителей – нынешний НИОПИК (Научно-исследовательский институт полупродуктов и красителей). Сам не очень грамотный, Второв понимал значение науки. И не он один был такой. Например, у Прохоровых на Трехгорке была лаборатория химии тканей, накануне Первой мировой войны московское купечество приступило к созданию своей «академии наук» – Московского научного института. Они учредили Институт экспериментальной биологии, Институт физиологии, Институт физики и должны были строить Институт химии – как раз на деньги Второва. Но не успели.

– Цемент в России тоже, кажется, начал производить Второв?

– Нет, цементная промышленность была в России и до него. Но он серьезно вложился в этот бизнес, приобрел несколько цементных заводов в Рязанской губернии, Подмосковье и Малороссию. Занявшись строительством, Николай Второв одним из первых начал применять железобетон, который тогда был новейшей технологией, а для его производства необходим цемент. Заводы эти в основном были куплены им во время войны, по дешевке. Он брал их «впрок», зная, что война кончится и возникнет потребность в строительных материалах. А вот что Второв начал буквально с чистого листа – это производство легированной стали. В России не было высококачественных сплавов, необходимых для автомобилестроения, авиации, судостроения, и он взялся этот недостаток восместить.

– На Западе он деньги заимствовал?

– Крайне редко. К сожалению, только наше государство занимало у Франции и Англии и в результате попало в страшную долговую зависимость, которая стала одной из причин, почему мы ввязались в Первую мировую войну. А купцы если и кредитовались, то в России. Исключения известны, но это было очень нетипично. И выводить средства за рубеж не было принято, хотя какую-то часть капитала предприниматели, конечно, держали за границей. Эти деньги предназначались обычно для закупок. Надо было приобретать хлопок, станки, у нас не производившиеся...

– ...И технологии. Например, производство стали наладить своими силами было невозможно...

– Наладили все же, хотя электропечи для плавки Николай Александрович покупал у англичан. Но инженеры были наши, с Путиловского завода – самого передового в России. На нем была маленькая лаборатория, в которой экспериментировали со сплавами. Второв оттуда всех переманил, а также пригласил профессоров Петербургского политехнического института. То есть все, что он делал, он делал по высшему классу. Если нанимал людей, то это были лучшие специалисты.

АНДРЕЙ СЕМШКО

– Кстати, насчет специалистов. В уставе Товарищества «Электросталь» было прописано иностранцев не привлекать. Почему? Потому что шла война? Или из личного патриотизма?

– По большому счету, все наши крупные предприниматели были патриотами. Но, скажем, у Морозовых работало много иностранцев, как правило, англичан. А у Второвых я не припомню немецких и английских фамилий. По крайней мере, в Сибири большинство сотрудников были не просто русские, а выходцы из родного Луха. И позже, когда они перебрались в Москву, инженеры и архитекторы, с которыми они работали, были по преимуществу русские.

– Если говорить о двух поколениях Второвых, можно ли их сравнивать? Как строил бизнес отец и как – сын?

– Размах Николая Александровича и степень диверсификации дела несравнимы с отцовскими. Он был более грамотным, чем отец, и своих детей выучил. Сын Борис окончил Томский университет. В 1916–1917 годах он возглавил оборонные заводы Второва, в эмиграции работал на угольных и металлургических предприятиях Франции. Дочь Ольга училась в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и стала художницей. В 1920 году с братом и матерью она переехала в Париж, где выставлялась, участвовала в Русских сезонах, в том числе в постановке «Жар-птицы» Стравинского.

– Николай Александрович был не только промышленником, но и финансистом, открыл свой банк. А отец его деньгами занимался?

– Вообще, ростовщичество у русских не приветствовалось. Но те же Рябушинские, хоть и староверы, имели банк, и Второв-отец втихую давал деньги в рост. А сын стал профессиональным банкиром. В 1911 году вошел в совет директоров Сибирского торгового банка, а в 1916-м обзавелся собственным, купив его хитрым образом. Его Московский промышленный – это бывший

АНДРЕЙ СЕМАШКО

банк Юнкера на Кузнецком Мосту, 16 – так называемый Немецкий банк. Когда после 1915 года началась кампания против иностранцев, его у Юнкеров отобрали, и он оказался поначалу у Митьки (Дмитрия Львовича) Рубинштейна – крупного петербургского банкира, главы Русско-французского банка, кредитора правительства, акционера газеты «Новое время», друга Григория Распутина и императрицы. Но Митьку посадили за махинации с российскими ценными бумагами, и Николай Александрович оказался тут как тут, может, даже поспособствовав этой посадке. Банк у Митьки отобрали и передали Второву. Но наличие банка – не единственное, что отличало сына от отца. Александр Федорович занимался преимущественно торговлей, а Николай Александрович обратился и к производству. В начале XX века он приобрел две крупные золотопромышленные компании – Николо-Сергиевскую и Нининскую, химические, металлургические, машино- и вагоностроительные заводы, угольные шахты, кирпичные и цементные пред-

приятия. Купил даже фабрику по производству фотографических пластинок «Победа» – одну из трех, существовавших в России. К 1917 году Второв владел уже двумя сотнями предприятий, его отец об этом и мечтать не мог. Правда, расширяя свой бизнес, он действовал не всегда честными методами, и были люди, которые не подавали ему руки. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях купец Варенцов. Но отец Второва работал более грубо. Например, просто объявлял себя банкротом и несколько миллионов себе оставлял. И не раз такое проворачивал. Тогда это называлось перевернуть шубу.

– За шесть лет – со смерти отца в 1911 году и до революции – Николай Второв в несколько раз увеличил унаследованный капитал. За счет чего?

– Благодаря войне. Во время войны – госзаказы, и в случае Второвых они – миллионные. Но каков точно был их капитал в октябре 1917 года, никто толком не знает. По одним оценкам, 60 миллионов рублей, по другим – 100–150 миллионов рублей. Однако рубли 1917 и 1911 годов сильно отличались. Покупательная способность снизилась в несколько раз. Некоторые считают, что приведенные цифры – не личные средства Николая Второва, а капитал его фирм. Но тогда он кажется маловатым.

– «Визитной карточкой» Николая Второва стал его «Деловой двор» на Варварской площади – первый в России «бизнес-центр» в современном смысле этого слова и первый вне исторических рамок «Московского Сити» – Китай-города. Насколько рискованным было это предприятие?

– Этот деловой центр не был первым. Десятью годами ранее, в 1903-м, Торговый дом Московского страхового общества на Старой площади построил Сергей Иванович Морозов. Это был огромный офисно-гостиничный комплекс с конторами, гостиницей «Боярский двор» и жилыми квартирами в верхних этажах. Но Второв переплюнул его. Его центр был больше по площади, в советское время на его территории размещалось несколько министерств. Кстати, личный кабинет Второва занимал Куйбышев. Николай Александрович, конечно, рисковал – найдутся ли арендаторы? Так вот, комплекс еще не был достроен, а все конторы уже расхватали. В 1913 году в еще не оконченном здании он вместе со Степаном Павловичем Рябушинским и Алексеем Викуловичем Морозовым открыл грандиозную выставку икон, которая перевернула представление о древней живописи.

– Вообще-то как меценаты Второвы себя не проявили. Возможно, поэтому сегодня они не столь известны, как Мамонтовы, Бахрушины, Третьяковы...

– Второвы не были ни большими благотворителями, ни меценатами. Все деньги тратили на

развитие и сотрудников держали в скромности. Первая серьезная забастовка рабочих в Сибири началась именно на их предприятиях. Однако специалистам платили сколько запросят и на науку денег не жалели. Например, на театр в Иркутске Александр Федорович дал тысячу рублей при среднем размере пожертвований 5–10 тысяч, а Николай Александрович на исследования Байкала выделил 16 тысяч рублей. Он был первым, кто их поддержал. Как и многие другие его начинания, это пережило своего инициатора. В 1928 году экипаж его научного судна «Чайка» получил благодарность Международного лимнологического конгресса в Риме, а открытая в годы Первой мировой войны байкальская биологическая станция в советский период продолжила деятельность как Институт лимнологии.

— А чем прежние «олигархи» тягались между собой? Вот сейчас — у одного самолет, у другого — два, у третьего — суперяхта. А как было тогда?

— Тогда мерялись объемом и качеством производства, новизной оборудования, казармами для рабочих, клубами для служащих, капиталиами. Ну, конечно, я думаю, могли хвастаться особняками. Савва же не зря построил нынешний Дом приемов МИДа, а Арсений — нынешний Дом приемов Правительства РФ. Сразу видно — морозовские! И Второв-отец особняк в Иркутске имел небедный — с собственным водопроводом и второй в городе домашней электростанцией. В Петербурге тогда еще пользовались керосиновыми лампами! В 1917 году в этом доме было объявлено об установлении новой власти, в советское время в нем разместился Дворец пионеров. Николай Второв по приезде в Москву в 1911 году поселился в скромном доме в Староконюшенном переулке, который сейчас занимает посольство Канады. А в 1913 году по проекту Маята и Адамовича начал строить особняк на Спасской площадке, ныне в нем располагается резиденция американского посла. Правда, прожил он в нем только три года, ведь строительство здания завершилось в 1915 году.

— Крупный бизнес всегда действует в связке с властью. О Второве говорили, что он «вхож в кабинеты». В какие?

— Документальных свидетельств по этому поводу нет, но я уверен, что у него в Петербурге было все схвачено. Он был знаком со всеми министрами торговли, промышленности и финансов и даже с премьер-министрами. Когда в 1917 году в Петроград приехал французский министр вооружений Альбер Тома, его принимали на высшем уровне. В числе встречающих был и Николай Александрович, который возил его на свои заводы в Электросталь. Сохранилась фото- и киносъемка этой поездки.

Особняк
Н.А. Второва на
Спасской
площадке

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

— Политикой Второв занимался?

— Он старался держаться от нее подальше, но полностью абстрагироваться, конечно, не получалось. Его партнеры, с которыми он деньги вкладывал в ту же «Электросталь» — Михаил Терещенко, Александр Коновалов, — стали министрами иностранных дел и торговли и промышленности во Временном правительстве. Коновалов к тому же был женат на сестре Второва. Консультант по вопросам металлургии и акционер «Электростали», профессор Петербургского университета Николай Саввин был помощником министра Коновалова. Как тут быть вне политики!

— У него были свои лоббисты в Думе?

— Об этом сведений нет, но, скажем, Прогрессивный блок (партийное объединение октябрьских, кадетов и прогрессистов в IV Думе. — Прим. авт.) на 90 процентов состоял из знакомых и партнеров Второва. Но, мне кажется, у него были более прямые пути влияния. На его предприятиях работали бывшие министры и заместители министров.

— Словосочетание «мобилизационный проект» принято связывать со сталинской эпохой. Но примеры подобной концентрации сил мы находим и в годы Первой мировой. Всего за два года — с 1914-го по 1916-й — в империи был утолен «снарядный голод», открыты предприятия химической промышленности и машиностроения, налажено снабжение армии. Какую роль в этом играл Николай Второв?

— Все началось летом 1915 года, когда у нас кончились снаряды и мы стали отступать. Фабриканты создали военно-промышленные комитеты, государство — Химический комитет и Организацию генерала Ванкова. Буржуазия и правительство пошли навстречу друг другу. Нечто подобное случилось в Петровскую эпоху, да и товарищ Сталин это повторил. Но тогда власть действовала грубым образом, первый опыт всеобщей и добровольной мобилизации,

Памятник
Н.А. Второву
в Электростали
был открыт
в октябре
2002 года

то есть основанной на финансах, а не на принуждении, – это Первая мировая война. Вклад Второва в этом смысле огромен. Первые два снаряжательных завода он открыл в Лужниках, в зданиях бывших байеровских предприятий, которые государство отобрало у немцев. Это были первые военные заводы в России, но они были небольшие, и он задумал открыть третий, в Богородске (нынешний Ногинск), производительностью 30 тысяч гранат в день. Его заложили весной 1916 года, а уже в августе начали строить еще один, сталелитейный, на станции Затишье (ныне город Электросталь). Богородск дал первую продукцию в феврале, Затишье – в ноябре 1917-го. 17 февраля выпустили первую сталь, кстати, в советское время говорили «первую советскую сталь». Оба этих предприятия – пример мобилизационной экономики, на их строительство ушло менее года. Такое мы повторили только в 1941 году, когда наши заводы эвакуировали за Урал. Поэтому я считаю, что это был тоже подвиг русского народа, может, даже более важный, чем на фронтах. Без промышленности мы бы ничего не сделали.

– Николай Второв снабжал армию не только снарядами, но и обмундированием – новой формой по эскизам Васнецова и Коровина.

– Новую форму выпускало акционерное общество «Поставщик» – бывший Торговый дом «Тиль», который Второв приобрел в 1913 году совместно с купцами Каштановым и Дербеневым. Изначально он занимался шорным производством, но во время войны стал шить одежду и получил казенный заказ. Однако до армии новая форма не дошла: ее копили на складах, ожидая парада победы. А потом большевички нашли ей применение. Всю Гражданскую воевали в обмундировании Второва и его снарядами.

– Военные заводы Николая Второва начали строиться в 1916-м и открылись в ноябре 1917 года. Он как будто не замечал, что происходит в стране...

– С весны 1917 года на его предприятиях участились забастовки и начали действовать рабочие комитеты. Но национализация произошла уже после смерти Второва, в 1918–1919 годах, так что Февральской революции, думаю, он даже обрадовался. Временное правительство – свои ребята... Между прочим, окажись Николай Александрович на их месте, он умнее себя повел бы. Третьяков, племянник Павла Михайловича, обижался: он тоже вошел во Временное правительство, но Коновалову дали автомобиль, а ему только бричку! Им всем хотелось войти во власть, а Второву это было не нужно.

Что касается Октябрьского переворота, по некоторым сведениям, Второв пытался договориться с большевиками и даже встречался с Лениным. Но все окончилось внезапно. В 1918 году в возрасте 52 лет Второв был убит в своем кабинете на Варварке. В Москве ходили слухи, что убийца – агент большевиков. Но тогда в стране была неразбериха, новой власти было не до него. По официальной версии, покушение осуществил незаконный сын Второва, прижитый им в Томске. Он приехал в Москву, требовал денег. Второв ему что-то дал, он пришел опять, и Николай Александрович отказал. Тот вынул пистолет и застрелил его, а потом себя. Второва провожала вся «бывшая» Москва. Как и его отец, он был похоронен на кладбище при Скорбященском монастыре, на который при жизни много жертвовал. В 1929 году монастырь и кладбище были разрушены, могила «русского Моргана» утеряна. На ее месте теперь МГТУ «Станкин» и парк... В этом году Второву исполнилось 150 лет. Хорошо бы поставить там памятный крест из лучшего, «космического» металла его «Электростали»...

ВРЕМЯ ГРОЗНОГО

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ИНТЕРЕС К ПРАВЛЕНИЮ И ЛИЧНОСТИ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО СО ВРЕМЕНЕМ НЕ ТОЛЬКО НЕ ОСЛАБЕВАЕТ, НО И СТАНОВИТСЯ ВСЕ ОСТРЕЕ: СЛИШКОМ ПРОТИВОРЕЧИВОЙ ЛИЧНОСТЬЮ ВИДИТСЯ ОН НАМ СЕГОДНЯ. ТАК КЕМ ЖЕ БЫЛ ИВАН ГРОЗНЫЙ – ЗЛОДЕЕМ, ГОВОРУНОМ-НАЧЕТЧИКОМ, ПОТЕРЯВШИМ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, ИЛИ РАДЕТЕЛЕМ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО, ИЗБАВИТЕЛЕМ ОТ УДЕЛЬНЫХ РАСПРЕЙ? ОБ ЭТОМ «РУССКИЙ МИР.RU» БЕСЕДУЕТ С ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ РАН, ПРОФЕССОРОМ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ, ЗАВЕДУЮЩИМ ОТДЕЛОМ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН БОРИСОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ФЛОРЕЙ.

— Б

ОРИС НИКОЛАЕВИЧ, ИВАН ГРОЗНЫЙ не сразу стал Грозным. Однако большинство наших классических историков – Карамзин, Соловьев, Костомаров – полагали, что семена будущего гнева были посажены в душе осиротевшего царевича очень рано.

– Иван IV был старшим сыном великого князя Василия III и Елены Глинской. Его отец умер в 1533 году, когда Ивану было всего 3 года, и по старинному обычаю его мать, как опекунша малолетних сыновей – Ивана и младшего, Юрия, родившегося умственно отсталым, – оказалась вместе с «семичисленной» Боярской думой во главе государства. Ей не удалось избежать притязаний родственников на трон, ожидающий сына. Одним из первых дел нового правления было заключение в тюрьму сына великого князя Московского Ивана III (отец Василия III и дед Ивана Грозного. – Прим. ред.), Юрия, владевшего Дмитровским уездом. В 1537 году власть попыталась захватить младший сын Ивана III, Андрей Старицкий, но и тот был схвачен в Новгороде и умер в тюрьме. Однако интриги не прекращались: теперь власть «разыгрывалась» между двумя враждующими боярскими родами – Шуйских и Бельских. В 1538 году Елена Глинская умерла. Ходили упорные слухи, что она была отравлена. Шуйские отстранили от управления государством близких царевичу митрополита Даниила и дьяка Федора

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Царь
Иван IV Грозный.
Парсуна
XVII века.
Музей-заповед-
ник «Александ-
ровская слобода»

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЧЕРНОУЧАСТНИКОМ

Мищурина, а обоих братьев «начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков», вплоть до лишений в одежде и пище. Можно себе представить отношение Ивана к своим попечителям. Недаром Сергей Соловьев писал, что Грозный вырос из семян ненависти, посевянных Шуйскими.

– Но, венчавшись в 1547 году на царство, Иван довольно быстро снискал славу православного государя: «Обычай Иоаннов, – писал один из современников, – есть соблюдать себя чистым перед Богом. И в храме, и в молитве уединенной, и в совете боярском, и среди народа у него одно чувство: «Да, властую, как Всевышний указал властовать своим истинным помазанникам!» Суд нелицеприятный, безопасность каждого и общая, целость порученных ему государства, торжество веры, свобода христиан есть всегдашая дума его...»

– В 1547 году, вскоре после венчания Ивана на царство, в Москве случился ужасный пожар. Почти 2 тысячи человек погибло, и разъяренная толпа кинулась искать поджигателей: обвинили Елинских. Толпа бросилась к селу Воробьеву, где находился тогда Грозный, думая найти у царя скрывающихся родственников. Толпу разогнали выстрелами, и мятеж был быстро усмирен. Однако юный царь понял, что ему надо опираться на кого-то. Он сблизился с кругом лиц из молодых бояр, куда входили Курбский, Курлятов, Одоевский, Воротынский, Серебряный, новгородский священник Сильвестр и Алексей Федорович Адашев, образец гуманиста и филантропа своего времени, который и стоял во главе придворной партии. Это была партия, нацеленная на широкие реформы.

– Любопытно, что в это время царь Иван, вдохновляясь реформами, отправил в Германию саксонца Шлитте с просьбой прислать ему ремесленников, художников, аптекарей, типографиков, людей, искусных в древних и новых языках, и даже теологов. Но сенат города Любека арестовал Шлитте и его людей и не дал привезти специалистов, нужных для модернизации страны, – с чего потом начал Петр.

– Такой эпизод был, но он только характеризует отношение Европы к нарождающемуся Русскому царству. Оно было враждебным. Однако сравнение Ивана с Петром может быть только условным. Разные исторические фигуры в очень разной исторической обстановке. Можно, пожалуй, сказать, что за время правления Грозного стране пришлось столкнуться со всеми теми проблемами, которыми потом империя занималась на протяжении всего XVIII века: борьбой за выход к Балтийскому морю, борьбой с крымским ханом и Османской империей... Слишком много проблем для молодого государства. Вообще, наше общество мало знает о том, насколько тяжелая была ситуация перед приходом Ивана Грозного к власти, потому что к этому времени возникла перспектива объединения татарских ханств под протекторатом Османской империи. И казанский хан Сафа Гирей уже дани от Москвы требовал. Вот почему первые походы Грозного 50-х годов были направлены именно против остатков Орды на Волге...

– И еще был ряд внутренних проблем, непреодоленная феодальная раздробленность. Чем знатнее были бояре, тем независимее они себя чувствовали в своих вотчинах. Возможно, Иван полагал, что государство, состоящее из лоскутков земельных наделов, неэффективно и во внешнеполитической борьбе?

– Я думаю, все тогдашнее окружение царя, вся, так сказать, ближняя дума это понимала. Поэтому был проведен ряд реформ. В 1549 году был создан Земский собор с представителями от всех сословий, кроме крестьянства. Была проведена земская реформа: по ней города и сельские общины на севере России получили широкое самоуправление. Органы местной власти перешли в руки выборных представителей. Усилились определенные позиции дворянских организаций, появился так называемый институт губных – ну, чтобы было понятнее, скажем «уездных» – старост... Одновременно происходило создание эффективной системы центральных органов управления – в это время образовались приказы. Но итоги реформ никогда не сказываются сразу. Возникла противоречивая ситуация, когда развитие страны могло пойти в разных направлениях. Оно могло, как в Европе, пойти по линии усиления сословных организаций, приобретения ими больших политических прав, а могло, наоборот, пойти по линии усиления роли самодержавной власти.

– Собственно, введение опричнины перечеркивало реформаторство и ставило во главу угла одну фигуру – царя-самодержца. Почему-то неожиданно произошел срыв. Что повлияло на это? Смерть жены? Ливонская война? Стоглавый собор, где последователи Иосифа Волоцкого внушили царю, что он – единственный венценосный представитель власти, предназначенный править «Богоизбранной» страной?

– Эта, как бы сказать, система представлений – она сложилась не при Иване Грозном. Она начала формироваться раньше в связи с падением Константинополя (29 мая 1453 года после почти двухмесячной осады Константинополь был захвачен войсками османского султана Мехмеда II. – Прим. ред.). Дело в том, что существовало – и в этом смысле не было разницы между Западом и православным миром – представление о том, что есть одна мировая христианская империя. В популярном «Откровении Мефодия Потарского» говорилось о том, что в финале мировой истории эта империя объединит весь мир, утвердит во всем мире истинную веру и на этом, так сказать, историческое развитие закончится, глава этой империи придет в Иерусалим и возложит свою корону в храме Господнем. Падение Константинополя и представление о том, что Москва теперь является Третьим Римом, центром христианского мира, логически приводило к выводу о том, что финал мировой истории будет связан с Русским государством, с Москвой. Конечно, эта система взглядов оказывала очень сильное воздействие на Ивана IV. Он был, наверное, первым, кто почувствовал себя царем в настоящем, библейском смысле. Помазанником Божиим. Для него это было откровением. И с тех пор его царственное Я само сделалось для него предметом поклонения. Кроме того, видимо, когда он размышлял над итогами реформ 50-х годов XVI века, у него возникала глубокая неудовлетворенность их результатом.

– А почему возникала неудовлетворенность?

– Результаты реформ медленны... Иван Грозный был нетерпелив, он хотел ощущать себя венценосным самодержцем, а круг советников ограничивал его, стали возникать ситуации, которые царя не устраивали. Ливонская война за выход к Балтике началась до опричнины, а закончилась, когда большинство людей из опричного окружения Грозного были, в свою очередь, казнены. Так что решающим моментом стала не война. Война началась в 1558 году, и люди из ближней думы Грозного еще принимали в ней активное участие: до 1564 года, когда Курбский, опасаясь царского гнева, бежал в Литву, он был наместником в покоренной Ливонии; Адашев был воеводой в ряде завоеванных городов, покуда в 1560-м все его имения не были отписаны на государя, сам он заключен в тюрьму, а большинство его родственников просто вырезаны. Влиятельный член ближней думы Сильвестр спасся тем, что постригся иноком в Кирилло-Белозерский монастырь...

Прием послов в Александринской слободе. Гравюра XVI века из книги Яакова Ульфельдта, датского посла в Москве

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

– Но это – репрессии, а не политика. А опричнина была политикой, причем такой, что целое десятилетие определяла всю внутреннюю жизнь России. В чем суть этой политики?

– Суть опричнины состояла в том, что Грозный применил к владениям старых удельных князей тот порядок, какой обычно применялся Москвой в завоеванных землях: он в лучшем случае отбирал у них прежние вотчины, раздавал их опричникам, а прежним владельцам давал поместья на окраинах Русской земли. Он понимал, что упразднить разом все старые обычаи и произвести словесный переворот в государстве можно, только опираясь на физическую силу, стоящую вне старого государева двора. Поэтому Грозный, собрав из служилых дворян опричное войско, в 1565 году уходит из Москвы в Александровскую слободу, где и обосновывается на долгие годы. При этом территория страны была поделена на опричную часть, которой владел царь, и на земщину, в которой оставались княжеские и боярские владения. Из опричнины периодически совершались набеги на земщину.

Своебразие позиции Ивана Грозного заключалось в том, что идею нового государства, воплощающего правую веру, «изрушевшуюся» во всем остальном мире, он применил к современной ему Руси, участь которой по воле Господа была вверена в его руки. Главной задачей становились поэтому не реформы в государстве, а защита его от всех несогласных, от «заговоров» и «еретиков». Причем неверие в божественные предписания

царя уже рассматривалось как отступление от веры. А политика была одна: ослабление верхушки боярства. Исследования Руслана Григорьевича Скрынникова, очень крупного специалиста, и Андрея Павловича Павлова из Петербурга показали, что первыми жертвами опричнины стали виднейшие бояре: первый воевода в казанском походе Александр Борисович Горбатый-Шуйский с сыном Петром, его шурин Петр Ховрин, окольничий Петр Головин, чей род занимал место московских казначеев, князь Петр Иванович Горенский-Оболенский, князь Дмитрий Шевырёв и другие. С помощью опричников, освобожденных от судебной ответственности, Иван Грозный конфисковывал боярские и княжеские вотчины, передавая их дворянам-опричникам. Самим боярам и князьям предоставлялись поместья в другом месте, например в Казани. Крупнейшие города – Ростов, Ярославль – были взяты в опричнину; Сузdal был взят в опричнину с самого начала, и князья, лишенные своих родовых вотчин, были переселены на окраины государства. Я когда-то занимался Рязанским уездом – южной для того времени окраиной государства до границы со Степью, – так вот там к концу XVI века мы видим многих ярославских князей на поместьях.

– Мы говорим об опричнине так, будто речь шла о переделе земли каким-то царственным землемером. Но речь в большей, может быть, степени шла о потрясении всего человеческого, убийстве целых родов, пытках – и все это под личиной чуть ли не монашеского «смирения» и самого Ивана, и тех, кто его окружал: Малюты Скуратова, Басмановых, Афанасия Вяземского... Так что политика Грозного была не только в переделе земли, но и в терроре, который заставил бы безропотно повиноваться всю Россию.

– Сергей Михайлович Соловьев видел главную закономерность деятельности Грозного в переходе от «родовых» отношений к «государственным», которые завершила опричнина. Из лоскутной Московии он создал все-таки единую Россию.

П.П. Соколов-Скаля.
Взятие Иоанном Грозным
ливонской
крепости
Кокенгаузен

– А мне ближе позиция митрополита Филиппа, который отказался благословить Грозного, видя в его святошестве, покрывающем жестокость, худшее, что может случиться с христианством: христианство без любви, построенное на фанатизме. Разве это – не ересь?

– Митрополит Филипп – это из Жития его легко вычитывается – царя в ереси не обвинял. Ясно только, что он предлагал ему прекратить казни, прекратить разделение страны. Вот это действительно. Церковь тогда уже была очень жестко подчинена власти. Известен случай, когда одного новгородского епископа обвинили в заговоре против царя, зашили в медвежью шкуру и затравили собаками.

– Знаете, мне хочется вам зачитать: есть такой современный историк Андрей Юрганов...

– Да, знаю...

– И он пишет, что опричнина в восприятии Ивана Грозного была явлением не столько политического, сколько религиозного характера. «Опричнина – своеобразная мистерия веры, образ будущего на земной тверди. Опричные казни превращались в своеобразное русское чистилище перед Страшным судом. Царь добивался полновластия как исполнитель воли Божией по наказанию человеческого греха и утверждению истинного благочестия во спасение не только собственной души, но и тех грешников, которых он обрекал на смерть».

– Будучи в Александровской слободе опричным «игуменом», царь исполнял ряд монашеских обязанностей. Так, в полночь все вставали на полуночницу, в четыре утра – к заутрене, в восемь начиналась обедня. Царь сам звонил к заутрене, пел на клиросе, а во время общей трапезы читал вслух Священное Писание. Богослужение занимало девять часов в день. Историк Георгий Федотов считает, что, «не отрицая покаянных настроений царя, нельзя не видеть, что он умел... совмещать зверство с церковной набожностью, оскверняя самую идею православного царства...». Это, конечно, правильно все, но тут важно вот что: Иван преследовал вполне ясные для него и для теперешних историков цели... Другое дело, что о целях этих мы можем судить и по результатам, и по обширной переписке Грозного. А вот о том, что двигало им самим изнутри, что было причиной его неподконтрольной подчас жестокости, мы не знаем...

– Вот и гадай: что побудило его устроить резню в Новгороде? Правда ли, что Новгород собирался предаться Литве? И грозила ли православному миру ересь жидовствующих?

– Ну, с ересью жидовствующими было покончено задолго до Грозного, еще в конце XV века. А по поводу перехода Новгорода в подданство Польши и Литвы... Дело в том, что, слава богу, от Польши XVI века сохранилось большое количество источников – гораздо больше, чем от России XVI века. Сохранилась переписка, скажем, короля и литов-

ских магнатов Радзивиллов, которые командовали армией. Если бы такие переговоры с новгородцами были, они бы отразились в этих источниках. Но этого нет. Как у Ивана Грозного такое представление сложилось? Мы не знаем. Он, видимо, лично был убежден, что это вот так. Но на основании каких данных это у него сложилось, мы не можем установить.

Понимаете, в чем сложность вот этих дел с Иваном Грозным? Она заключается в том, что в нашем распоряжении нет ни одного следственного дела. А их было довольно много, судя по старым описям. Но они уже в XVI веке были в плохом состоянии. Крошились, распадались и так далее. Поэтому реально до нас ни одного дела не дошло. В конце жизни Иван Грозный составил синодик по опальным и убиенным, и есть в нем большой список людей, которых он казнил и за которых велел молиться: таким образом, мы знаем, кто был казнен, а вот за что – невозможно установить. Но там действительно были огромные казни, поскольку в этом самом синодике опальных часто пишется, что такой-то всеродно казнен. Со всеми близкими.

– Можно ли по этому синодику определить число жертв опричнины?

– Речь идет о сотнях лиц. Это у Скрынникова в книге – она называется «Царство террора» – все есть, и там синодик напечатан. Но все-таки в нем перечислены люди, о которых царю было известно, но у этих людей были свои слуги и так далее, и их тоже казнили вместе с господами – но об этом в синодике не говорится.

– Вопрос, связанный с Ливонской войной. Ведь это, собственно, рождение государства происходило. То есть попытка экономики пробиться к источникам питания, к торговле, к Балтике.

– Ну да.

– И первоначально война ведь шла не без успеха.

– Первоначально это очень успешная была война. После взятия Нарвы там образовался крупный порт. Ситуация на Балтийском море просчитывается просто. Там единственный выход из Балтики на запад – Зундский пролив. Он находился под контролем Дании в то время, и там все фиксировалось – все суда, которые проходили, и так далее. Там масса материала, и этот материал изучали наши западные коллеги, и из него видно, что большое количество судов ходило в Нарву для торговли с Россией. Это все имело место. Пока Нарва не была захвачена шведами в самом конце войны.

– А вам не кажется, что то «царство террора», о котором говорит Скрынников, и привело к плачевному концу этой войны: страна была слишком запугана и истощена опричниной...

– Для конца Ливонской войны это абсолютно верно: действительно, люди не хотели воевать, боялись ответственности, было большое дезер-

Иван IV Грозный.
С немецкой
гравюры
XVI века.
Из собрания
Д. Ровинского

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тирство. Есть такие документы. Этих людей приходилось разыскивать и отправлять силой на фронт. Но это в самом конце Ливонской войны.

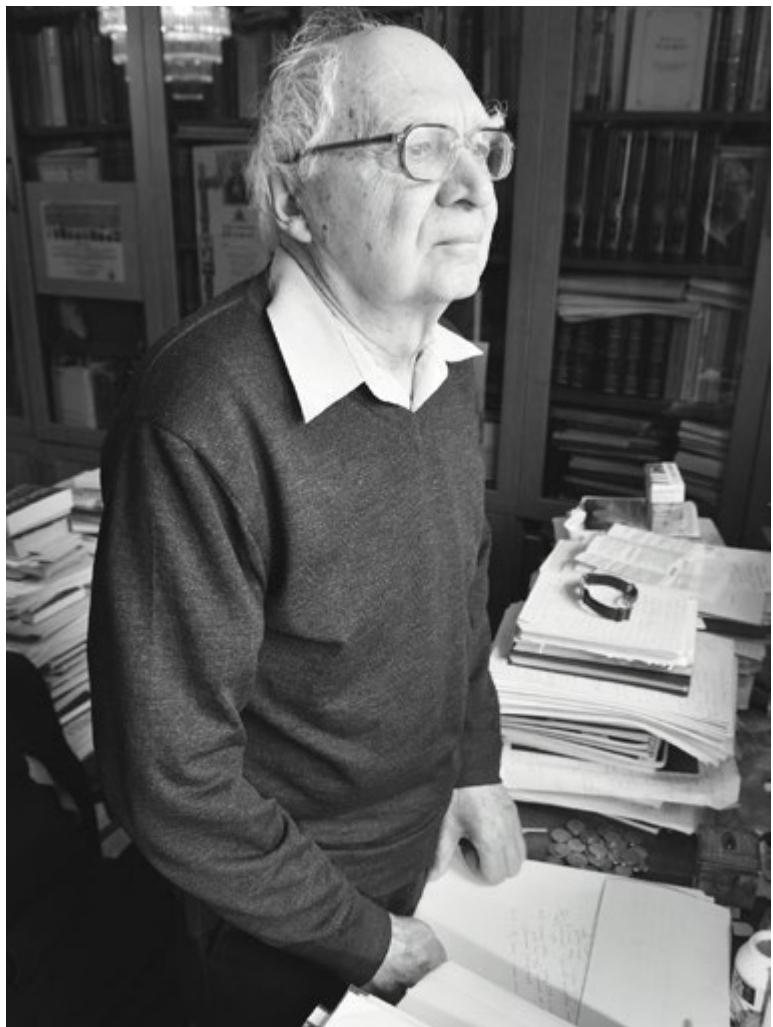
– Я о конце и говорю. Впрочем, меня интересует и другое: каковы были результаты опричнины? Я тут выписал красноречивую цитату из советского историка Кузьмина: «Следствием опричнины стало падение экономических, политических, социальных показателей жизни страны на многие десятилетия, и, главное, были утрачены многие перспективы внутреннего развития. Формально опричнина занимает 1565–1572 годы. За это время на Россию обрушился террор, какового не бывало, по крайней мере, после татаро-монгольского нашествия <...> такого не было ни при одном ливонском, литовском или шведском нашествии».

– Я вам больше скажу – в известной мере действия Ивана Грозного подготовили Смутное время. Есть такие писцовые книги: они фиксируют, что к концу царствования Грозного во многих уездах земля запустела, народ разбежался, поля поросли лесом в руку толщиной. Это огромное разорение стало одной из предпосылок Смуты. И, собственно говоря, первое введение крепостного права было реакцией на начавшееся массовое бегство населения в конце Ливонской войны, потому что население было не в состоянии платить свалившимся на него налоги. Но что тут надо иметь в виду? Грозный очень боялся аристократии, и он приложил максимум усилий, чтобы эта аристократия не представляла опасности. Помимо того что эти люди были лишены своих родовых владений, о чем я говорил, приложены были усилия к тому, чтобы эта аристократия находилась в Москве. В итоге знать из родовой аристократии превратилась в знать служилую и находилась в столице у двора.

Каков был результат? Эта аристократия перестала представлять опасность. Более того, она работала на государство.

– Вы это к чему говорите?

– К тому, что, как бы вы или я ни относились к Ивану Грозному, он построил свою политику на «усмирении» знати и добился своей цели...

АНДРЕЙ СЕМАШКО

– Курбский, основной идеиний оппонент Грозного, тоже считал, что Русь – это центр всего христианского мира, называл Русь Святой Землей в своих текстах, но Курбский рассуждал по-другому: если в такой стране, как Русь, появился такой тиран, как Иван Грозный, значит, приближается конец света, а Иван Грозный – это предтеча антихриста.

– Да. А вот один из историков начала XX века, Роберт Виппер, рассматривал Ивана Грозного как гениального организатора и творца крупнейшей державы, в частности он писал о нем: «Ивану Грозному, современному Елизаветы Английской, Филиппа II Испанского и Вильгельма Оранского, вождя Нидерландской революции, приходится решать военные, административные и международные задачи, похожие на цели создателей новоевропейских держав, но в гораздо более трудной обстановке. Талантами дипломата и организатора он, может быть, всех их превосходит. <...> Суровые критики как бы забыли, что вся вторая половина царствования Ивана Грозного проходила под знаком не-прерывной войны, и притом войны наиболее тяжелой, какую когда-либо вело Великорусское государство».

– В государстве диктатуры пролетариата любой террор мог быть легко оправдан. И действительно, государство Российское рождалось очень трудно. Как вы вообще смотрите на этот период русской истории? Ну, и на личность Грозного, конечно?

– Чтобы судить беспристрастно, надо смотреть по результатам. В молодости Иван IV предотвратил экспансию Османской империи на Русь: ему удалось взять Казань и Астрахань, на которые эта экспансия могла бы опираться. Территория государства расширилась на север, на юг и на восток: Россия в конце царствования Ивана Грозного почти вдвое больше, чем в начале. Полководцу Грозного князю Воротынскому удалось неподалеку от Москвы в 1572 году нанести такое поражение крымскому хану Девлет Гирею, что набеги крымчаков на Русь прекратились навсегда. Правда, Воротынский сам вскоре по навету в колдовстве умер под пытками...

Английский посол в Москве Джером Горсей пишет, что царь построил множество церквей, начал укреплять южную границу, строя города, острожки и устраивая засеки; под конец жизни он делал щедрые пожертвования монастырям, хотя во время опричнины подчас безжалостно грабил их.

Особенно прославился Иван Грозный как блестящий оратор и полемист. Его переписка ныне издана и заслуживает отдельного внимания. Корреспондентами царя были английская королева Елизавета I, польский король Стефан Баторий, шведский король Юхан III, один из ближних царю опричников, Василий Грязной, литовский гетман Ян Ходкевич, польский политик Ян Рокита, Кирилло-Белозерский монастырь. Но, конечно, нигде аргументы царя столь не выверены, а интонация так не выразительна, как в длительной и страстной переписке Грозного с Андреем Курбским – где он отстаивает принцип самодержавной власти. Потом этот принцип – за который в XVI веке было пролито столько крови – так и оставался нерушимым до самого последнего царствования, Николая II.

Может показаться странным, но Грозный был тонким ценителем музыки, любителем многоgłosого распева. Федор Крестьянин, Иван Нос были крупнейшими русскими композиторами того времени; Грозный их пристроил в хор государевых царских дьяков.

По распоряжению царя был создан уникальный памятник литературы – Лицевой летописный свод. В том, что касается опричнины, надо признать, что в нашем распоряжении до сих пор нет серьезных доказательств, что царь сталкивался с непримиримой, готовой на крайние меры оппозицией, и продолжают сохраняться серьезные сомнения в существовании целого ряда заговоров, которые Иван IV подавлял с такой жестокостью. Приходится честно сказать, что на вопрос об историческом значении деятельности Ивана IV мы до сих пор не имеем окончательного ответа...

СВИДЕТЕЛИ АПОКАЛИПСИСА

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«ТРАГЕДИЯ СОСТОЯЛА В ТОМ, ЧТО ВОИНЫ, НАПРАВИВШИЕСЯ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОСТУПА ХРИСТИАНАМ К СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ, ОБЕРНУЛИ ОРУЖИЕ ПРОТИВ СВОИХ СОБРАТЬЕВ ПО ВЕРЕ. ТО, ЧТО ОНИ ПРИНАДЛЕЖАЛИ К РИМСКОЙ ЦЕРКВИ, НАПОЛНЯЕТ КАТОЛИКОВ ГЛУБОЧАЙШИМ СОЖАЛЕНИЕМ». ТАК ПАПА РИМСКИЙ ИОАНН ПАВЕЛ II В 2001 ГОДУ ВО ВРЕМЯ ВИЗИТА В ГРЕЦИЮ ИЗВИНИЛСЯ ПЕРЕД ПРАВОСЛАВНЫМИ ЗА ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

ВАТИКАНУ ПОТРЕБОвалось почти восемьсот лет для того, чтобы решиться назвать эту позорную кампанию «трагедией». Некоторые западные историки пришли к подобной мысли гораздо раньше. Королевский историограф Шотландии Уильям Робертсон, живший в XVIII веке, именовал Четвертый крестовый поход «исключительным памятником чело-

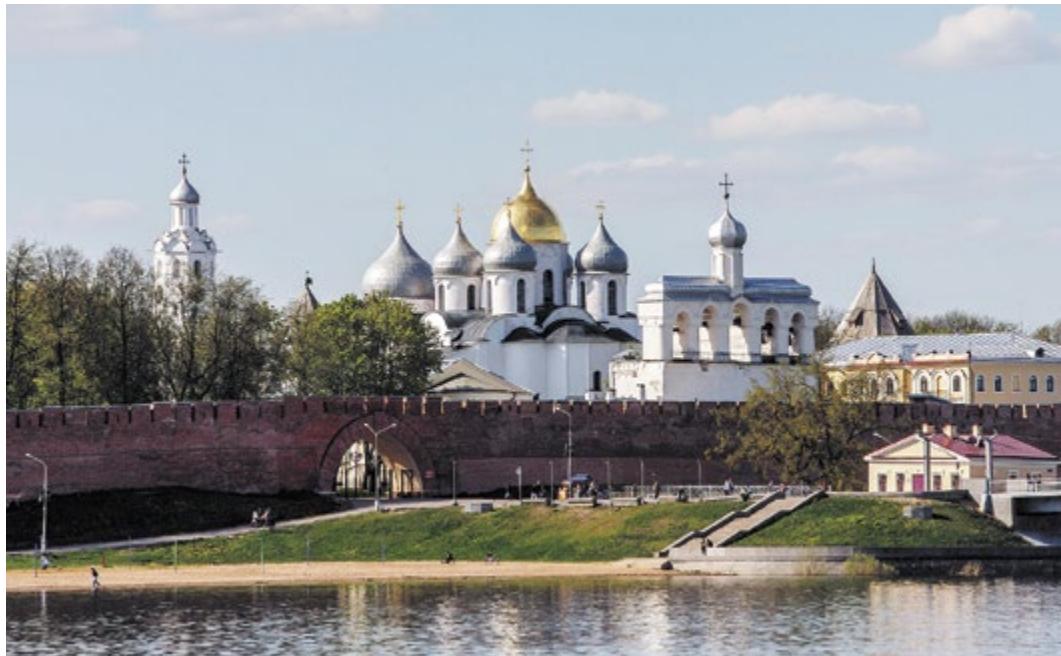
веческой глупости». Его друг, знаменитый британский историк Эдуард Гибbon, был уверен, что этот поход затормозил развитие Европы. Их современник, обитавший по другую сторону Ла-Манша, выражался более категорично. «Единственным плодом варварских крестовых походов христиан стало уничтожение других христиан», – писал Франсуа-Мари Аруэ, более известный нам как Воль-

тер. «Урон, нанесенный крестоносцами исламу, ничтожен по сравнению с тем, что был причинен восточному христианству», – считал один из авторитетных медиевистов XX века, сэр Стивен Рансиман. Ну а ряд специалистов по истории восточного христианства без обиняков называют Четвертый крестовый поход, в итоге которого в 1204 году был предательски сожжен и разграблен Константинополь, «малым апокалипсисом Средневековья».

История сохранила для нас немало свидетельств современников этого похода. В их числе мемуары, воспевающие доблести крестоносцев, которые оставили участники кампании – маршал Шампани Жоффруа де Виллардуэн («Завоевание Константинополя») и пикардийский рыцарь Робер де Клари (его труд тоже озаглавлен «Завоевание Константинополя»). Со слов участника похода – аббата

эльзасского цистерцианского монастыря Мартина – Гунтер Парисский написал «Историю завоевания Константинополя». А анонимное «Разорение Константинополя» явно принадлежит перу обычного священника, отправившегося вместе с крестоносцами и разочаровавшегося в знатных рыцарях, предавших, по мнению автора, дело Христа. Единственным значительным противовесом всем рассказам представителей нападавшей стороны долгие века оставался только труд византийского историка Никиты Хониата «История со времени царствования Иоанна Комнина». Хониат сам пережил осаду, штурм и разграбление Константинополя в 1204 году, едва спасаясь с семьей из горящего города, так что в его повествовании западные захватчики больше похожи на стервятников и шакалов. И немыслимо далеки от образа идеального рыцаря, воспетого трубадурами и миннезингерами.

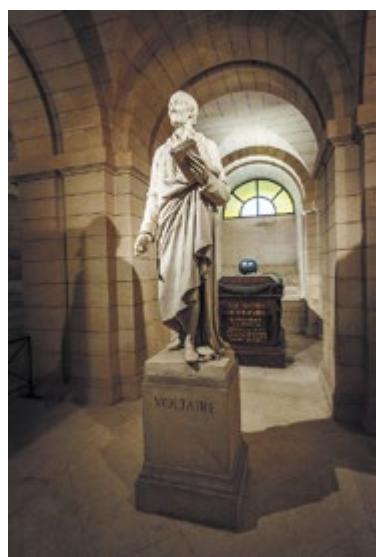
Лишь в XIX веке в распоряжении ученых оказались еще два важнейших и интереснейших свидетельства, оставленных русскими современниками тех страшных событий: повесть «О взятии Царьграда от фряг» и «Книга Паломник». О том, кто написал первую, ученые спорят до сих пор. А вот авторство второй не вызывает сомнений: она принадлежит перу новгородского

Сердце Великого Новгорода – храм Святой Софии был построен в 1045–1050 годах

архиепископа Антония. Его труд особо ценится и российскими, и западными историками: русский паломник описал монастыри, храмы и святыни Константинополя накануне разграбления великого города. Он дал возможность потомкам оценить масштаб ужасающих разрушений и грабежа, которые пришлось пережить в XIII веке столице восточного христианства.

Исследователи считают Антония Новгородского одной из самых загадочных фигур Руси конца XII – начала XIII века. Жизнь этого человека можно восстановить лишь фрагментарно, но и этих «осколков» достаточно, чтобы понять: его судьба оказалась слишком богатой на удивительные события и не менее удивительные знакомства. Судите сами: его духовным отцом был один из самых почитаемых на Руси святых; он совершил паломничество в Константинополь, и, возможно, даже побывал там дважды; он тесно общался со знаменитыми русскими князьями; скопее всего, на его глазах взросел Александр Ярославич, будущий князь Невский; в конце концов, сам Антоний трижды возглавлял новгородскую архиепископскую кафедру и был канонизирован в 1439 году...

Вольтер был одним из тех западных мыслителей, кто осуждал крестовые походы. Гробница Вольтера. Пантеон, Париж

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Нам неизвестно, в каком году в Новгороде родился будущий автор «Книги Паломник». Можно лишь предположить, что произошло это в последней трети XII века. Зато мы знаем, что до пострига звали его Добрыня Ядрейкович. Принято считать, что Добрыня был сыном новгородского воеводы Ядрея, погибшего в 1194 году во время похода на Югру, которая в те времена находилась в зависимости от Новгородской республики, так что новгородцы, скорее всего, отправились за данью. Если предположение об отце справедливо, то это означает, что Добрыня происходил из влиятельной боярской семьи. В таком случае он был непосредственным участником и свидетелем важнейших событий политической жизни Новгорода. А во второй половине и в конце XII века она была весьма насыщенной и интересной. Ведь еще не так давно, всего лишь в 1136 году, Новгород, отстоявший свою независимость в раздорах с киевскими князьями, фактически стал средневековой феодальной республикой, управлявшейся местной знатью и епископом. А в 1165 году Новгород добился еще одной важной политиче-

ской и идеологической уступки от Киева: новгородский владыка получил титул архиепископа, что ослабило зависимость местной епархии от киевского митрополита. С того же времени архиепископ постепенно становится одной из самых важных фигур в управлении средневековым Новгородом.

Новгородская республика продержалась несколько веков, а Господин Великий Новгород, как его именовали сами новгородцы, их соседи и европейские купцы, был полновластным хозяином огромных территорий Северо-Западной Руси. На севере его границы доходили до Белого моря, на востоке они дотягивались до Северного Зауралья, на западе – до Чудского озера, а на юге простирались до верховий Волги. Новгородцы успешно торговали с Готландом, Данией и Любеком – русские «заморские купцы» совершали дальние морские путешествия. А готландские купцы в середине XII века уже имели свой торговый двор и церковь Святого Олафа в Нов-

Архиерейские посохи новгородских архиепископов. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник [НГОМЗ]

Новгородские энколпионы (крести-мощевики). XII век. НГОМЗ

городе. Иностранные продавали новгородцам ювелирные украшения, медь, вино, ткани, в том числе английское сукно и византийскую павлоку, а также восточные пряности. Новгородские купцы, в свою очередь, выгодно торговали весьма ценившимся за границей пушниной, медом, воском и рабами.

Богатый Новгород был желанным уделом для русских князей, а потому неудивительно, что представители сильнейших ветвей рода Рюрика стремились укрепиться на новгородском стolec. Даже несмотря на то, что кня-

зья, сидевшие в Новгороде, в отличие от других княжеств, были серьезно ограничены в правах. К примеру, дань с подвластных Новгороду земель князя собирать не могли, этим занимались сами новгородцы, а князь получал лишь долю с этих сборов, определяемую специальным договором. Кроме того, ни князь, ни члены его семьи не имели права покупать земли в новгородских владениях. Действия князя жестко контролировали посадник и архиепископ, а все важнейшие решения принимались исключительно городским

вече. Оно же могло в любой момент изгнать неугодного князя и призвать на его место другого. Чтобы продемонстрировать, насколько эта политическая система была действенной, достаточно сказать, что за полвека, прошедших после 1136 года, на новгородском столе князя сменили друг друга около тридцати раз! Главными соперниками в этой борьбе были киевские, черниговские и владимиро-суздальские князья. Причем у последних на руках была «коzyрная карта»: Новгород, окруженный болотами, реками и озерами, традиционно испытывал недостаток в зерне, которое в основном поставлялось из Владимира и Суздаля. Так что в случае очередного обострения соперничества, когда новгородцы изгоняли ставленника владимирского князя и приглашали кого-то из киевских или черниговских кня-

зей, суздальцы устраивали Новгороду хлебную блокаду. К такому испытанному и надежному приему прибегал как Юрий Долгорукий, так и его сыновья – Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо. И Новгород, поголодав, в итоге каждый раз покорялся владимирским «самовластцам».

Добрыня Ядрейкович родился в городе, в котором уже существовали деревянная мостовая и водопровод, чем не могли, к примеру, похвастаться в XII веке те же Париж и Лондон. Грамотность во времена Добрыни в городе была обычным делом, ведь еще Ярослав Мудрый создал в Новгороде первую школу, где обучалось до 300 детей (доказательство распространенности грамотности среди новгородцев – древние граффити и большое количество берестяных грамот, которые до сих пор

Так выглядели средневековые грамоты с печатями новгородских концов.
Дарственная о передаче Соловецких островов Новгородом во владение Соловецкому монастырю. НГМОЗ

находят во время археологических раскопок. – Прим. авт.). Еще задолго до рождения Добрыни в Новгороде уже велась летопись, именно здесь была создана древнейшая дошедшая до нас русская книга, Остромирово Евангелие, и написан первый русский математический и астрономический трактат, «Учение о числах». Его автором являлся диакон, доместик Антониева монастыря, музыкант и летописец Кирик – гениальный средневековый мыслитель.

Город уже давно делился на две стороны – Софийскую и Торговую, расположенные на разных берегах Волхова. Стороны, в свою очередь, дробились на пять концов. Три находились на Софийской стороне – Людин (он же Гончарский), Неревский и Загородский. Два – на Торговой: Плотницкий и Славенский. Каждый конец имел своего старосту и свое вече. Да и каждая сторона города могла собирать собственное вече. Между двумя сторонами Новгорода редко царило согласие в важнейших вопросах. Например, Софийская и Торговая стороны постоянно боролись за право поставить на должность посадника своего представителя, что нередко приводило к тому, что вече заканчивалось жестокой дракой «стенка на стенку». Подобное выяснение отношений часто происходило на «нейтральной территории» – на Великом мосту, который до сих пор соединяет два берега Волхова. В случаях, когда драки переходили в жестокие побоища, новгородские архиепископы, взяв почитаемые иконы, спешили на мост и вста-

В Новгородском государственном музее-заповеднике можно увидеть найденные во время археологических раскопок берестяные грамоты

вали между враждующими городами. Только так можно было угомонить новгородцев... Да и в выборе князей жители разных сторон города редко сходились во мнении. Так, горожане Софийской стороны, где обосновалось подавляющее большинство знатных боярских семей, как правило, выступали за киевских и черниговских князей. А жители Торговой стороны обычно поддерживали союз с владимирскими князьями. Кстати, косвенным подтверждением того, что Добрый Ядрейкович принадлежал к знатному боярскому роду, может служить и тот факт, что будущий Антоний Новгородский был последовательным противником именно владимирских князей.

Общегородское вече проходило обычно перед собором Святой Софии, которому к концу XII века исполнилось уже полторы сотни лет. К тому времени Святая София давно уж перестала быть единственным каменным храмом Новгорода. Уже были построены Николо-Дворищенский собор на Торговой стороне, церковь Успения на Торгу, церковь Иоанна на Опоках... Множилось и количество монастырей в Новгородской земле. Три святых пояса Новгорода (около трех десятков монастырей, «опоясывавших» Новго-

Свято-Юрьев монастырь – одна из древнейших обителей Руси, по преданию, основан в 1030 году князем Ярославом Мудрым

Новгородская деревянная заготовка для иконки с подписями, каких святых на ней следует написать. XII век. НГОМЗ

род и одновременно игравших роль оборонительных форпостов. – Прим. авт.) еще окончательно не сформировались, это произойдет позже – лишь в XIV–XV веках, но вокруг города уже появилось немало обителей-крепостей: Юрьев, Успенский, Аркажский, Пантелеимонов, Антониев, Духов, Шилов, Варламо-Хутынский монастыри... Но при этом в Новгороде по-прежнему были сильны языческие привычки и обычаи. И даже еще в начале XV века митрополит Фотий в своем послании к новгородцам обличает их языческие «наклонности», в числе которых не только уч-

стие в «поганых» праздниках, обращение за помощью к ведуньям и проведение судных боев (аналог разновидности европейского «Божьего суда» – судебный поединок. – Прим. авт.), но и, к примеру, многоженство. А свидетельство фландрского рыцаря Жильбера де Ланнуа, побывавшего в Новгороде в 1413 году, – то есть спустя всего три года после того, как было написано послание митрополита Фотия, – говорит о том, что в городе процветала и торговля рабынями. Вот что сообщается в «Путешествии Гильбера де Ланноа в восточные земли Европы в 1413–1414 и 1421 г.»: «Великий Новгород – удивительно большой город, он расположен на большой равнине, окруженной большими лесами, и находится в низкой местности среди вод и болот. <...> Город обнесен плохими стенами, сделанными из плетня и земли, тогда как башни каменные. Этот город независим и имеет общинное правление. Здесь есть епископ, который представляет как бы начальника. <...> Они имеют в своем городе рынок, на котором продают и покупают себе женщин <...> и покупают своих женщин одну вместо другой за кусок или за два серебра как сойдется...»

«ИБО ПОГИБЛО СОЛНЦЕ...»

Неизвестно, по какой именно причине Добрыня Ядрейкович решил отправиться в паломничество в Константинополь. В конце концов, в те времена хождения в Царьград и Святую землю уже не были чем-то необычным для Руси.

Выбор Добрыней в качестве цели паломничества Константинополя, а не Палестины также понятен: в результате мусульманского натиска к концу XII века европейские крестоносцы стали быстро терять земли, завоеванные чуть менее столетия назад – во время Первого крестового похода. Настоящая трагедия разразилась 4 июля 1187 года, когда в битве при Хаттине, неподалеку от Тивериадского озера, крестоносное войско было наголову разбито армией победоносного султана Египта и Сирии Саладина. Потери европейских рыцарей были ужасны. Достаточно сказать, что главные силы крестоносцев в Святой земле – военно-монашеские ордена тамплиеров и госпитальеров – потеряли в этой битве практически весь личный состав. Все тамплиеры, которых латинские хронисты гордо именовали «алмазным наконечником копья крестоносцев», погибли в бою. В плен

были захвачены лишь магистр ордена Жерар де Ридфор и несколько братьев, которые были обезглавлены после отказа принять ислам. Только магистр был отпущен на свободу, что породило кривотолки, из-за которых де Ридфор, пытаясь восстановить свое добре имя, фактически искал смерти в боях с мусульманами (это ему удалось сделать через два года – в битве при Акре. – Прим. авт.). Но поражение при Хаттине было крайне болезненно еще и потому, что во время сражения крестоносцы потеряли важнейшую христианскую реликвию – Честной Крест, на котором был распят Иисус Христос.

Следующий тяжелый удар также не заставил себя ждать: 2 октября 1187 года после непродолжительной осады пал Иерусалим. Крестоносцы с плачем оставили святой для иудеев, христиан и мусульман город, в который триумфально вошел Саладин.

На Руси эта новость вызвала уныние. Летописи в один голос твердят о том, что потеря христианами Иерусалима – «грех наших ради», а также сообщают о природных катаклизмах и бедствиях как о знаках грядущей катастрофы. Например, Лаврентьевская летопись

2 октября
1187 года
крестоносцы
сдали Иерусалим
султану Египта
и Сирии
Саладину

пишет, что зима 1187 года была очень злой, на Руси стояли страшные морозы, да к тому же началась эпидемия неизвестной болезни, косившей людей сотнями, так что в иных домах некому было «воды подати». Ипатьевская и Киевская летописи свидетельствуют о том, что во время падения Иерусалима «тьма была по всей земле на удивление всем человекам. Ибо погибло солнце и небо погорело огненными облаками...». Черниговский Летописец Игоря Святославича также сообщает о затмении солнца перед захватом Иерусалима «бездожными агарянами».

На Западе трагические события в Палестине вызвали настоящий шок. Когда новость о поражении при Хаттине дошла до Рима, папа римский Григорий VIII немедленно призвал всех христиан отправиться в Третий крестовый поход. Его возглавили сразу три европейских монарха: император Священной Римской империи Фридрих I, прозванный Барбароссой за свою рыжую бороду, король Франции Филипп II Август и король Англии Ричард Львиное Сердце. Этот «триумвират» и стал одной из причин неудач похода. Монархи враждовали между собой, отказывались подчиняться друг другу, армии действовали несогласованно, несли большие потери из-за засад и стычек с мусульманскими отрядами. И хотя благодаря некоторым победам, одержанным Ричардом Львиное Сердце, крестоносцам удалось продержаться на Святой земле еще около века, итоги похода можно считать провальными. Филипп II Август вернулся в Европу в 1191 году, Ричард отбыл из Святой земли в 1192-м, а Фридрих Барбаросса остался здесь навсегда. В мае 1190 года германское войско потеряло своего императора при переправе через горную реку Селиф. Облаченный в доспехи Фридрих упал с коня и утонул прежде, чем его свита успела прийти ему на помощь...

«СВЯТЕЙШИЙ ПРЕСТОЛ ВОПИЕТ...»

Итоги Третьего крестового похода погрузили Западную Европу в скорбь и раскаяние. Неизвестно, как долго пребывало бы в подобном настроении европейское общество, если бы в 1198 году на престол Святого Петра в Ватикане не взошел бы Лотарий ди Сены, представитель знатнейшей семьи Конти, давшей католической церкви аж девять пап. Это был блестящее образованный человек, обучавшийся сначала в римском бенедиктинском монастыре Сан-Андреа ал Целио, а затем изучавший теологию и юриспруденцию в Парижском и Болонском университетах. В 1190 году он стал кардиналом и прославился как автор весьма популярного в Средневековье трактата «К нищете человеческой». Современники описывают его как чело-

Спустя восемьсот лет Ватикан принес извинения православным за Четвертый крестовый поход. Собор Святого Петра в Риме – крупнейшая католическая историческая церковь в мире

Корона Карла Великого, которой с 1027 года короновались все императоры Священной Римской империи, включая Фридриха I Барбароссу

века среднего роста и приятной наружности, что вполне подтверждает фреска из церкви Сакро Спеко в Субиако, на которой изображен папа Иннокентий III. Именно такое имя 37-летний Лотарий ди Сены принял в январе 1198 года, когда коллегия кардиналов избра-

ла его римским понтификом. Иннокентий III оказался прекрасным управленцем (при нем в Ватикане была создана четкая система делопроизводства и стали вести регулярный архив. – Прим. авт.), хитрым дипломатом, талантливым публицистом и пламенным оратором,

умевшим убеждать даже своих заклятых противников. Историки католической церкви практически единогласно признают Иннокентия III самым выдающимся папой Средневековья. Именно при нем папская власть достигла своего апогея. Иннокентий искренне считал себя не только наместником Христа на земле, но и главой всего христианского мира. Он, ничтоже сумняшеся, вмешивался во внутренние дела стран, стремился свергать и сажать на престол монархов, вернуть Святую землю под контроль католиков и принудить к подчинению православную церковь. Именно в понтификат Иннокентия III были учреждены нынешествующие монашеские ордена францисканцев и доминиканцев. И именно Иннокентий III, жестоко искореняя ереси, объявил крестовый поход против

Кафедра
папы римского
в соборе Иоанна
Крестителя
на Латеранском
холме (базилика
Сан-Джованни
ин Латерано)

французских катаров, который привел к ужасающим трагедиям Безье и Монсегюра. И узаконил особый церковный суд, получивший название «инквизиция». Он же санкционировал так называемый Крестовый поход детей 1212 года, закончившийся немыслимой катастрофой. И он же призвал к крестовым походам против Руси. Организацию Четвертого крестового похода Иннокентий III, судя по всему, считал главным делом своей жизни. Он без устали рассыпал возвзвания и буллы, призывающие католиков освободить Святую землю, рекрутировал целую армию проповедников, выступавших в соборах и на рынках во всех крупных европейских городах, вел переписку с королями и знатнейшими сеньорами, убеждая их принять крест. В своих проповедях и эпистолах он неизменно указывал на тесную связь между греховным состоянием современного общества и утерей Иерусалима, обещал крестоносцам отпущение всех грехов и грозил загробными мучениями всем равнодушным к страданиям Святой земли. Вот, к примеру, великолепная по на-калу страстей выдержка из одного из его посланий: «Вслед за достойной сожаления потерей земель Иерусалима, вслед за плачевой резней христиан, вслед за прискорбным нашествием на

Гробница папы Иннокентия III
в базилике Сан-Джованни
ин Латерано в Риме

землю, на которой стояли ноги Христа и куда Господь, наш царь, снизошел до начала времен, чтобы дать нам путь ко спасению на земле, вслед за позорным падением из наших рук животворящего Креста Господня святейший престол скорбит, тревожась о многих бедах. Он рыдает и вопиет так, что от непрестанного крика охрипло горло его, и от беспрерывного плача затуманились очи его... Святейший престол продолжает взывать, вздымая голос свой, подобный трубному гласу, желая поднять все христианские народы на Христову битву и отплатить за посрамление Распятия... Гроб Господень, которому пророк предсказывал славу, ныне осквернен нечестивыми и обесславлен...»

В то время как подобные памятные возвзвания рассыпались по всей Европе, новгородский паломник Добрый Ядрейкович уже приближался к Константинополю. И еще никто ни в Европе, ни на Руси, ни в самом Царьграде не знал, какие испытания доведется пережить всем участникам этой печальной истории всего через несколько лет. Приближался 1204 год... ☩

Продолжение следует.

КРАЙНИЙ КАВАЛЕР

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

В РУССКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ СРЕДЕ СЛОВО «ПОСЛЕДНИЙ» НЕДОЛЮБЛИВАЮТ. ЭТО СТАРАЯ ФЛОТСКАЯ, ПОЗДНЕЕ – АРМЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ВСЕГДА ЗАМЕНЯТЬ ЕГО НА ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ «КРАЙНИЙ». ЕСЛИ ИСХОДИТЬ ИЗ ФОРМАЛЬНЫХ ПРАВИЛ ГРАММАТИКИ, ОНО, КОНЕЧНО, НЕПРАВИЛЬНО. НО ПО СУТИ – ВЕРНО.

ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ орденом Святого Георгия 2-й степени наградили только шесть человек. Любопытно, что первым и крайним стали иностранцы, французские генералы Жозеф Жоффр и Фердинанд Фош. В сентябре 1914-го и декабре 1916-го. Четверо остальных – генералы русские. Николай Иванов, Николай Рузский, великий князь Николай Николаевич-младший, Николай Юденич. Именно Юденич стал крайним русским, награжденным 2-й степенью высшего российского военного ордена.

В мирные годы службы в штабе Кавказского военного округа, когда познававший офицерскую азбуку в московском 3-м Александровском военном училище «тонкий худенький юноша со светлыми выющиеся волосами, жизнерадостный и веселый» под спудом лет, пережитых боев, тяжелой раны превратился в молчаливого, неулыбчивого, кряжистого мужчину с длинными запорожскими усами, Николай Николаевич Юденич приобрел кличку «Кирпич». На первый взгляд может показаться, что офицеры штаба так прозвали генерала не от большой любви. На самом деле смысл прозвища был исключительно позитивный. Николая Николаевича офицеры глубоко искренне уважали, а служившие под его началом солдаты, что называется, ели глазами от безмерной любви и преданности. Так что кирпич в нашей истории – это символ крепости, надежности, решительности. И не только в аллегориях дело. Кирпичи в России не любить нельзя. Это они, плотно смыкаясь, превратились когда-то в стены и башни наших кремлей. Это они скромно таятся под белой штукатуркой наших храмов.

Кстати, о белом. Николай Юденич, как и другие белые генералы, возглавившие после Октябрьского переворота 1917 года борьбу с большевиками и Красной армией, подвергся после победы последних «гражданской казни». Советская пропаганда «казнила» разными способами. Деникина, Колчака, Врангеля, Каппеля, Семенова, Унгерна регулярно «выводили к позорному столбу и публично пороли», поминая всуе в псевдонаучных исследованиях и беллетристике, кинофильмах и театральных постановках. Корнилова, Алексеева, Каледина, Дроздовского, Миллера, Маркова, Кутепова держали в дальних казематах, будто и не было их никогда. Так же поступали и с Юденичем. Только в школьных учебниках мелькали редкие строчки с на-

званными фамилиями. Из этих обрывков было невозможно понять, откуда взялись перечисленные господа и куда спустя несколько месяцев делись. Название «Эрзерум» вызывало стойкие ассоциации только с Пушкиным и его путешествием в чудный южный город. Но никак не с белым генералом Юденичем, пытавшимся в 1919-м взять красный Петроград, но не сумевшим. Да уж куда ему!

НЕНАВИСТНАЯ ФАМИЛИЯ

До самого Николая Николаевича строителям социализма дотянуться не удалось. После 1919 года последние четырнадцать лет жизни он провел в эмиграции. Зато с другими носителями старой и вполне заслуженной фамилии, попавшимися под руку, разобрались с пролетарской прямотой. Раз уж поколения советских да и постсоветских граждан мало что знают об одном из лучших полководцев Первой мировой войны, то что тогда говорить о других Юденичах!

Самое место исправить положение. Военный инженер, полковник Николай Петрович Юденич всю офицерскую жизнь посвятил усовершенствованию Кронштадтской и Севастопольской крепостей. Не только в мирное время, но и в годы Первой мировой. Генеральский чин получил уже во время Гражданской войны. У белых, разумеется. Расстрелян весной 1920-го. После того как под гаранцию сохранения жизни сдался в плен на Кавказе в Форт-Александровске. Генерал-майор Михаил Семенович Юденич. Пограничник. Участник Первой мировой. Дрался на Кавказе, в Персии и Месопотамии. Георгиевский кавалер. Генеральский чин получил за боевое отличие. В конце Гражданской войны попал в плен на Северном фронте и был расстрелян в 1921 году в деревне Косково на Северной Двине. Примерно в это же время здесь в местном женском монастыре возник печально известный Холмогорский лагерь смерти.

Епископ Владимир, в миру – Василий Дмитриевич Юденич. Духовное училище, семинария, академия. Кандидат богословия, педагог, воспитатель. В 1922-м принял постриг. И почти тут же был арестован ГПУ в сибирском Бийске. С 1927 по 1937 год служил епископом Барнаульским, Сергачским, Чебоксарским и Чувашским. Далее – повторный арест, приговор – десять лет лагерей, смерть в 1939-м в Вологодской пересыльной тюрьме. Был еще один Юденич, оставивший след в истории Отечества. Евстафий Петрович. Ему повезло, раньше родился, еще в конце XVIII века. И пусть судьба ему выпала непростая, прожил 73 года и умер своей смертью. Не погубили штаб-лекаря Митавского драгунского полка Наполеоновские войны, хотя с 1806-го по 1815-й находился выпускник Петербургской медико-хирургической академии в боевом строю. После выхода в отставку тридцать лет проработал в Смоленской губернии уездным и старшим губернским врачом. Пережил три эпидемии холеры и помог их пережить многим другим. Награжден тремя орденами и двумя бриллиантовыми перстнями.

КАКОГО РОДУ-ПЛЕМЕНИ?

Интересный факт: утверждать, что все перечисленные Юденичи – «листья одного дерева», нельзя. Нет тому доказательств. Но и обратное – что все они лишь однофамильцы – недоказуемо. Тиражируемый штамп о происхождении самого Николая Николаевича гласит: выходец из старинного мелкопоместного шляхетского рода. Один из современных историков-фантастов так и пишет в биографической книге о Юдениче: «Далекие предки будущего кавказского полководца свои корни вели из числа небогатых мелкопоместных польских шляхтичей, служивших то местным всесильным и своеобразным магнатам Вишневецким и Радзивиллам, то королю Речи Посполитой, то герцогу Курляндии. Больших по-

стов не занимали и в высоких чинах не хаживали. Хотя в войнах участвовали часто и, как правило, доблестно».

Пассаж, противопоставляющий магнатов Вишневецких польскому королю, сам по себе многое говорит о глубине исследования. Потому как среди польских королей был и магнат Вишневецкий, а среди королев – представительница рода Радзивиллов. Но куда важнее, откуда взялись остальные данные. Равно как и последующее утверждение о том, что «минское губернское дворянство, и в их числе Юденичи, на протяжении почти двух веков верой и правдой служило пресветлейшему дому династии Романовых». Эти бездоказательные заявления, к сожалению, перепечатывают (как правило, без ссылки) многие, кто касается биографии Юденича. В результате у обыкновенного читателя возникает ощущение: так оно все и было. Ведь разные авторы утверждают одно и то же.

На самом деле что-либо утверждать по части истоков рода Юденичей весьма затруднительно. Например, как доказать факт принадлежности к минскому губернскому дворянству, если в российском гербовнике нет и намека на родовой герб Юденичей, а в дворянских родословных книгах этой самой губернии фамилия также отсутствует? Куда больше доверия вызывают исследования белорусского военного историка Вячеслава Бондаренко. Согласно им, одна из ветвей рода Юденичей дала рост в Москве

в начале XIX века. Дед будущего полководца, Иван Николаевич, жил на Новинском валу, служил по военному ведомству, но гражданским чиновником, завершил карьеру в должности дистанционного смотрителя провиантских магазинов Московской губернии по причине смерти в 1856-м. Чин имел титуллярного советника. То бишь по Табели о рангах – армейского капитана. С 1845 года этот чин давал личное дворянство. Правда, не факт, что он в нем нуждался, если уже числился в дворянском сословии.

Отец генерала, Николай Иванович, тоже был генералом. Правда, штатским, то есть – действительным статским советником. В этот генерал-майорский чин он был произведен в 1889 году, когда его сын, капитан Генерального штаба, отбывал цензовое командование ротой в родном ему лейб-гвардии Литовском полку в Варшаве. И вот тут начинается интересное.

Вступив на престол, император Александр II решил ужесточить правила получения потомственного дворянства. И с 1856 года право на оное автоматически распространялось на офицеров в чине полковника, а на гражданской службе – на чиновников в чине действительного статского советника. Карьера Юденича-старшего развивалась следующим образом: после окончания Константиновского межевого института в Москве в 1856-м получил чин прапорщика (межевое ведомство было структурой военизированной, подобно нынешним РЖД. – Прим. авт.). 1861-й – подпоручик, 1863-й – поручик. Далее – коллежский асессор в 1868-м, надворный советник в 1870-м, коллежский советник в 1874-м, статский советник в 1886-м, действительный статский советник в 1889-м. Иными словами, личное дворянство Николай Иванович мог гипотетически заслужить примерно в те годы, когда его единственный сын едва родился. А вот потомственное дворянство мог получить только в 1889-м. Все эти

Москва, улица
Знаменка.
Александровское
военное
училище

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕНЫМ

подробности вот к чему. Они доказывают, что эта ветвь Юденичей была дворянской. Иначе как бы здорово ни учился в Александровке «тонкий юноша со светлыми волосами», в гвардию бы он не вышел ни при каких обстоятельствах. Полковые офицерские собрания в гвардейских частях, без одобрения которых ни один офицер в полк попасть не мог, пропускали сквозь сито отбора только представителей дворянского сословия.

САМ ПО СЕБЕ

Николай Николаевич Юденич родился в Москве 30 июля 1862 года. В сугубо гражданской семье. Уже ясно, что, по крайней мере, два поколения по мужской линии прямого отношения к воинской службе не имели. Матушка Николенъки, которой приписывают родство с составителем словаря русского языка Владимиром Далем, также не могла похвастаться наличием в роду представителей военного сословия. Агния Никитична Даля (Даль) не только к военным, но и к Даю никакого отношения не имела. Ее дед переселился в Россию в последней трети XVIII века из Франции, видать, вовремя почувствовал, чем кончится дело для дворян в королевстве Бурбонов, после того как пламенные революционеры одному из этих Бурбонов отрубят голову. Род Даля был внесен в дворянские книги Московской губернии в 1839 году.

Еще одна распространенная провокация заключается в том, что юный Николай Юденич, проживая рядом с Александровским училищем, не мог не влюбиться в стать красногоронных юнкеров, а посему и предпочел отказаться от отцовской профессии специалиста по межеванию. В 1870 году, когда Николаю было 8 лет, семья жила на Старой Басманной, позже на Новинском валу. В первом случае до Александровки, расположенной на Знаменской улице (ныне – перестроенное здание Генштаба ВС РФ) – топать и то-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЁВЫМ

Знамя лейб-гвардии
Литовского полка

пать, во втором – тоже не близкий свет: от нынешнего Садового кольца до Бульварного. Так что объяснить тягу юного Юденича к воинской службе чистой географией не получается. Но – тяга была!

Отучившись малое время в Межевом институте, Николай, вопреки воле отца, перевелся в то самое Александровское училище. Ни протекции, ни корней, ни связей в военной среде у Юденича не имелось. Стало быть, уповать надо было только на самого себя. И Николай старался. После первого года обучения он – портупей-юнкер. То есть командир взвода на своем курсе. В 1881-м вышел из училища среди лучших, почему и получил право определиться в гвардию.

В то время – непростой выбор для молодого офицера из среднего класса. С одной стороны – престижно. Но с другой – дорого и сомнительно по части карьерного роста. В гвардии в чинах росли медленно, а особенностями службы съедали не только скромное обер-офицерское жа-

лованье, но и много сверх того. Отчего подпоручик Юденич выбрал именно лейб-гвардии Литовский полк, мы уже никогда не узнаем. Но допустимы предположения. Уже в 21 год в молодом офицере проснулся стратег. При трезвой самооценке собственных неординарных способностей он понимал, что и блестящий Петербург, и дальние армейские гарнизоны могут помешать реализации здоровых амбиций. А служба в «варшавской гвардии», как иронично отзывались преображенцы и кавалергарды о полках 3-й гвардейской дивизии, дислоцированной в Польше, позволит и опыта набраться, и не отправиться по дорожке, так яростно описанной Александром Куприным в одиозной повести «Поединок». Сама повесть

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЁВЫМ

Офицеры
на занятиях
в Николаевской
академии
Генерального
штаба

увидела свет после того, как погиб Юденич окончил Николаевскую академию Генерального штаба, куда Куприн, кстати, так и не попал. Но замечательный писатель описал тот рутинный армейский быт конца XIX века, в котором вполне мог сгинуть и совершенно реальный обер-офицер Юденич.

Сказанное вовсе не означает, что в Юдениче с первой звездочки на погонах жил эдакий карьерист. Вся его дальнейшая офицерская судьба подтверждает, что службы он не боялся. Более того, добровольно выбирал такую стезю, ступив на которую о гвардейских балах и прочих столичных чудесах строевые офицеры на просторах державы судили лишь по газетам и слухам. Однако с той самой первой звездочки хотелось Юденичу быть звездочкой, профессионалом, мастером, знатоком.

Через три года службы сдал вступительные экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба. Учился как проклятый. Распространен миф о военных «академиках», будто в этом качестве офицер преодолевал некую черту, отчуждаясь от гарнизонной рутины и превращаясь в существо эфирное и ничем никому не обязанное. Тому способствуют и различные мемуары офицеров, окончивших (или не окончивших. – Прим. авт.) академию. На самом деле учили жестко, если не сказать – жестоко. Нет, «дедовщины» не было. Какая «дедовщина» в офицерстве? Но насыщенность программы, объем занятий, экзаменационные сессии – все требовало от слушателя академии максимума сил и воли. Не случайно после каждой сессии отсеивались десятки офицеров, возвращавшихся в свои части несолено хлебавши. Юденич учился так, что через год за «отличные успехи в науках» получил следующий чин – поручика. Академию Николай Николаевич окончил по первому разряду с присвоением чина капитана по Генеральному штабу. Было ему – 25 лет.

Закаспийская область.
Военный лагерь.
1880-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЁВЫМ

ПО СЛЕДАМ СКОБЕЛЕВА

Итак, о карьеризме. После академии Юденич возвращается в Варшавский военный округ. Штабная работа. Уже – положение в обществе. Впереди – радужные перспективы «паркетного» генерала. Но в 1892 году он без всякого неудовольствия принимает перевод в Туркестанский военный округ. Интересно? Нужно? Полезно? Спустя десять лет, если б Юденич вел дневники и подводил бы в них итог, уверен, записал бы: «Интересно. Нужно. Полезно». А еще – «к счастью». В 1895 году подполковник Юденич женился на дочери уже покойного к тому времени полковника Николая Жемчужникова – Александре. В Туркестане Жемчужников слыл за личность легендарную. Впервые о нем заговорили в 1865 году, когда неподалеку от Чимкента случился Исанский бой. Комендант города Туркестан Жемчужников рискнул отправить уральских казаков под командой есаула Серова – 105 человек при одной единствен-

ной пушке – против... 10 тысяч кокандских всадников. Сотня держала удар, а когда Жемчужников приспал подкрепление, и вовсе разогнала вражеские конские рати. В том же году полковник стал одним из героев взятия Ташкента. После чего Николай Павлович вышел в отставку и превратился в преуспевающего коммерсанта. Юденич женился на его дочери по любви, о чем свидетельствуют 47 лет счастливой совместной жизни. Но приданое и наследство Александры Николаевны были столь велики, что избавили генерала от финансовых проблем в годы вынужденной эмиграции. И все попытки его недоброжелателей связать спокойную и безбедную жизнь генерала во Франции с недостачами в кассе белой Северо-Западной армии разбиваются о сейфы иностранных банков, где хранились деньги его супруги.

Перед свадьбой Юденича ждало необычное испытание. Неприятности с афганскими племенами Россия впервые изведала задолго до 1979 года. В конце XIX века интересы империи упирались в вершины Памира, за которыми нервничали хозяева индийской земли – британцы. Крупных инцидентов там не случалось, но в пограничном горном Бадахшане афганцы вели себя неприлично, собирая дань с местных таджиков и киргизов на русской территории.

В 1894 году в сторону таджикского селения Хорог в юго-западной части Бадахшана на реке Гунт отправилась небольшая русская экспедиция под командованием генерал-майора Михаила Ионова. Чуть более полутора-

Михаил Ефремович Ионов (1846–?), генерал от инfanterии, командующий Памирскими экспедициями русских войск в 1891–1894 годах

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЁВЫМ

чи человек. Начальником штаба Памирского отряда был назначен подполковник Юденич. Для Николая Николаевича это был первый боевой опыт. Но какой! Его группа двигалась в сердце Памира долиной Гунта. Высоты – 3–4 тысячи метров. Об этом уникальном походе вспоминал в книге «Русские над Индией» военный писатель и востоковед Борис Тагеев, известный также под псевдонимом Рустам-Бек: «Тяжелым показался отряду 28-верстный переход; пять раз горная тропа, усеянная оstryми осколками скал, за которые ежеминутно задевали выюки и сваливались, спускалась в реку, и столько же раз приходилось переходить ее вброд. Кто знает, что такое горная речонка, даже самая маленькая, тот поймет, что должны были вынести люди, переправляя 40 лошадей и 4 верблюда через кипящую реку... Лошади фыркали, храпели и не шли в реку. Выюки подмокли, развязались и сносились сильным течением ее. Солдаты и казаки положительно выбивались из сил, и, если бы не таджики, привыкшие к своим рекам, ни одного бы выюка не удалось отряду переправить на ту сторону... Не менее ужасным препятствием для движения отряда служили узкие, еле проходимые карнизы, по которым завьюченная лошадь ни в коем случае проходить не могла, так что каждый раз при переходе через по-

Ташкент.
Военное
собрание

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Карта Памирских
экспедиций
1891–1894 годов

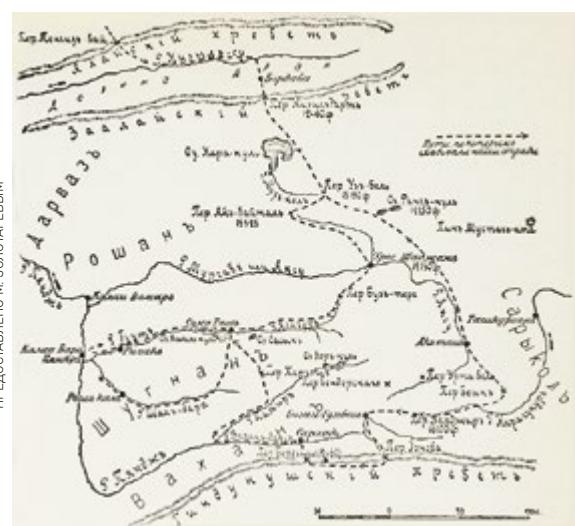
добный карниз приходилось развязывать ее и, придерживая на арканах, положительно протаскивать по скользкому, с сильным уклоном к реке граниту...» Все эти приключения происходили под обстрелом. Однако русская экспедиция выглядела убедительно, и афганцы аппетиты поумерили. После Памирского похода Юденич прослужил в Туркестане еще восемь лет. Если не считать четырех месяцев, проведенных в Москве, где полковник отбывал ценз. Все офицеры, окончившие академию Генштаба, для получения должности в ГШ должны были откомандовать строевой ротой в течение года. Старшие офицера, готовившиеся принять под команду полк, были обязаны отбыть цензовое командование батальоном. Юденичу выпало командовать 4-м батальоном 12-го гренадер-

ского Астраханского Императора Александра III полка, одного из самых заслуженных полков Русской армии, получившего боевое крещение в Нарвской битве 1700 года. Несколько месяцев этим полком командовал Суворов. Это везение было инспирировано новым военным министром, генералом Куропаткиным. Начальником штаба самого Михаила Скобелева во время его знаменитых походов в Среднюю Азию. Когда-то Алексей Николаевич, еще полковник, командовал 1-й Туркестанской стрелковой бригадой. И, навсегда прикипев душой к древней и горячей азиатской земле, внимательно приглядывался к офицерам, оказавшимся в этой части. Даже сидя в кресле министра на Дворцовой площади в Петербурге. Присматривался он и к Юденичу, принявшему после памирских приключений должность начальника штаба бригады. Видимо, с симпатией. Присматривался ли к Юденичу еще один персонаж, в будущем также военный министр страны? В мемуарах ученика Ташкентской гимназии в 90-х годах XIX века Александра Керенского об этом ни слова. Но одно из первых его распоряжений в должности военного министра России был приказ 20 мая 1917 года о снятии Юденича с должности командующего Кавказским фронтом как «сопротивляющегося указаниям Временного правительства».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ташкент. Ворота крепости.
1880-е годы

Рота
стрелкового
полка с взятыми
ею горными
японскими
орудиями.
1904 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТОРЕВЫМ

РАНА НА ШЕЮ

18-й стрелковый полк дислоцировался в Кальварии, уездном центре Сувалкской губернии, нынче это городок в Литве близ польской границы. В канун своего 40-летия полковник Юденич был назначен командиром этой воинской части. Сбылась его мечта послужить в строю, а случись война – получить фронтовой опыт. И когда война случилась, он ради поставленной цели отказался от теплого – и в прямом, и в переносном смысле – местечка: должности журнального генерала Туркестанского военного округа в Ташкенте. Генеральская должность – генеральский чин...

В распоряжении Юденича оказалось два года, чтобы превратить обыкновенную заштатную часть в образцовый полк. Во время одного из торжественных обедов еще в Ташкенте сослуживец и друг Юденича штабс-капитан Дмитрий Филатьев, произнося тост, сказал: «Уже нельзя было не замечать и не оценивать основные черты характера Николая Николаевича: прямота и даже резкость суждений, определенность решений, умение и твердость в отстаивании своего мнения...» Для командира качества незаменимые. Что полковник и продемонстрировал на русско-японской войне. 18-й стрелковый полк участвовал в нескольких серьезных сражениях и всякий раз доказывал свои отменные боевые качества. Впро-

чем, в Маньчжурии Юденичу довелось командиновать не только своими стрелками. Семь раз в течение войны обстоятельства складывались так, что полковник водил в бой всю 5-ю стрелковую бригаду.

«Водил в бой» – это не штамп. Как минимум четырежды Юденич лично водил солдат в бой. Первый раз – в сражении под Сандепу в январе 1905-го. Командир бригады генерал Чурин выбыл из строя из-за травмы. 20-му стрелковому полку предстояла ночная атака, но солдаты мчались в неуверенности. И тогда Юденич, выхватив револьвер, первым двинулся в сторону японцев. Личного примера хватило, чтобы поднять полк. Второй раз – когда стрелки брали деревню в излучине реки Хунь-Хэ. Юденич под артиллерийским и пулеметным огнем шел в первой шеренге. В феврале, когда завязались бои под Мукденом, Юденич в третий раз испытывал судьбу. В штыковом бою полковник махал не револьвером, а обыкновенной солдатской трехлинейкой с примкнутым штыком. Тут-то и нашла его левую руку японская пуля-дуря. Сквозное ранение залатали быстро, и Юденич вернулся в полк. В четвертый раз лихость полкового командинира едва не закончилась для него трагически. В сражении под тем же Мукденом стрелки Юденича обороняли редут №8, прикрывавший подходы к железнодорожной станции. В историю войны этот

бой вошел под названием «сражение при деревне Янсытунь». Две японские дивизии наступали на этом участке, уверенны, что сомнут два русских батальона. Но стрелки не только не дрогнули, но даже устремились по слуху в контратаку...

Пуля попала Юденичу в шею, прошла рядом с сонной артиллерией. Но – Бог миловал. Хотя рану пришлось лечить два года. К прежним орденам «без мечей», то есть полученным за успехи в службе и выслугу лет, произведенный в генерал-майора Юденич присовокупил Золотое оружие «За храбрость!» (с 1913 года – Георгиевское оружие), боевые ордена Святого Владимира 3-й степени и Святого Станислава 1-й степени. Офицеры его полка удостоились уникальной коллективной награды – нагрудных знаков с надписью «За Янсытунь 19–23 февраля 1905 г.».

Русская Польша, Петербург, Туркестан, Москва, Дальний Восток, Татария... Где только не служил 50-летний генерал! Кстати, юбилей в 1912 году отмечал в Казани, где недолго возглавлял штаб Казанского военного округа. В целом же последние десять лет императорской службы Юденич провел на Кавказе и в Турции. В русской военной столице Закавказья Тифлисе самым гостеприимным домом вплоть до октября 1914 года был дом Юденичей. «Кирпич» был умен, внимателен, но что более всего удивительно – обаятелен. Тем обаянием, которым отличаются сильные, уверенные в себе, ответственные за каждое слово мужчины. Супруга дополняла хладнокровие и монументальность Николая Николаевича жизнерадостностью южанки. На жargonе императорской армии начальническое высокомерие определяли термином, близким к аптекарскому, – «генералин». В отношении Юденича все дружно признавали: в Николае Николаевиче «генералина» ни капли. ●

Продолжение следует.

КАРТЫ, ГУЩА, ОСЬМИНОГ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ОКТОПУС ПАУЛЬ ПОЧИЛ В 2010 ГОДУ. В «ЦЕНТРЕ МОРСКОЙ ЖИЗНИ» НЕМЕЦКОГО ГОРОДА ОБЕРХАУЗЕНА. ПОСЛЕ ФУТБОЛЬНОГО ПРОВИДЦА, ЖИВШЕГО В ОКЕАНАРИУМЕ И ДВА ГОДА СВОИМИ ПРОГНОЗАМИ ЛОМАВШЕГО БУКМЕКЕРСКИЙ БИЗНЕС ПО ВСЕМУ МИРУ, ПРЕДСКАЗЫВАТЬ РЕЗУЛЬТАТЫ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ – 2018 МАЛО КТО БЕРЕТСЯ. ОДНО МОЖНО СКАЗАТЬ ТОЧНО: ПЕРВЫЙ ПРОИГРАВШИЙ УЖЕ ИЗВЕСТЕН.

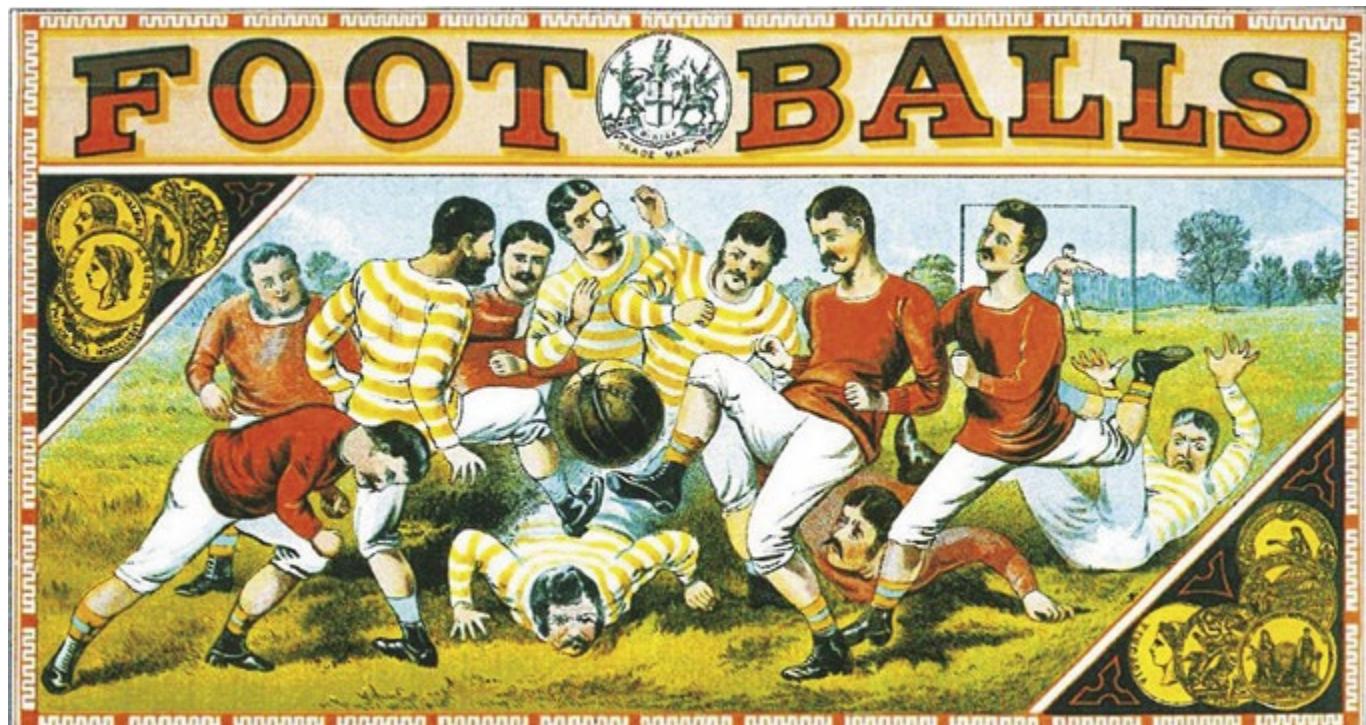
ЭТО – СОЕДИНЕННЫЕ Штаты Америки. Сколько сил было потрачено различными внефутбольными специалистами планетарного гегемона на то, чтобы перехватить власть в мировом футболе у традиционно доминировавших в ФИФА европейцев! Мастера мяча, плаща и шпаги одной отдельно взятой страны добились цели: Международная футбольная федерация потеряла своего президента – швейцарца Йозефа Блаттера, европейская федерация (UEFA) – своего, француза Мишеля Платини. Вместе с ними навсегда ушли в раздевалку десятки чиновников

от футбола. Заокеанским лоббистам оставалось реализовать последний пенальти. На февральских внеочередных президентских выборах ФИФА должен был победить давно и специально подготовленный к вполне выполнимой миссии президент Азиатской футбольной конфедерации (АФК) шейх Салман бин Ибрагим Аль-Халифа из Бахрейна. Но что-то помешало. То ли кочка на 11-метровой отметке, то ли совесть, проснувшаяся в членах главной футбольной организации. А может быть, более простое, но крайне эффективное чувство – чувство страха.

Плакат начала XX века

Мировой футбол – система самодостаточная. И до недавнего времени – отлично сбалансированная. В течение века из мощной стены иногда выпадали отдельные кирпичики, но на прочности самой стены эти случаи отражались мало. Защитники «стены» дипломатично, но последовательно не ввязывались в политические битвы. В отличие, скажем, от Международного олимпийского комитета (МОК). Консервативная система старательно отбивала атаки извне, посягавшие на ее «конституцию» – Правила игры в футбол, крайне редко внося в них незначительные поправки. Многие другие виды спорта воспринимали коррекцию куда как легче и быстрее.

Деньги... Ими спорт номер один не обижен. После первого прибыльного чемпионата мира, 1966 года, доходы растут как на дрожжах. О чем тут говорить, если чемпионаты мира собирают больше зрителей, чем Олимпиады, а рыночная стоимость самого титулованного клуба в мире – мадридского «Реала» – превышает

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

отметку в 3 миллиарда долларов! Многие, кстати, так и думают, что попытка посадить в кресло президента ФИФА своего человека – это сугубо экономические интересы группы товарищей по бизнесу. Отчасти верно, без финансовых смыслов американцы ничего и никогда не делают. Но в данном случае деньги ФИФА – это, что называется, побочный эффект. Стратегия в другом: вывести одну из мощнейших мировых структур из состояния нейтралитета и включить в глобальную политическую игру. Настолько глобальную, насколько глобален и сам футбол.

Но проголосовали уважаемые футбольные начальники (во втором туре – 115 из 207) в Цюрихе вовсе не за шейха, а за швейцарца итальянского происхождения, генсека УЕФА Джанни Инфантино, известного сподвижника Платини, умеренного консерватора. Чем поломали американским «тренерам» всю игру.

Почему-то уверен, одна из первых тактических комбинаций, которую использовала бы команда Аль-Халифи в случае победы, – изъятие у России права на проведение чемпионата мира – 2018. До Мундиаля более двух лет. В техническом плане перебросить чемпионат в другую страну с уже действующей современной инфраструктурой, как Англия, Германия, те же США – не самая большая проблема. Зато – какие дивиденды! Какой экономический и какой репутационный удар по политическому конкуренту! Аргументы бы нашлись. В том числе и такой: Россия – нефутбольная страна. Как будто ЮАР, где проводился Мундиаль-2010, или Катар, где запланирован чемпионат-2022, – такие из себя футбольные, что дальше некуда. Впрочем, двойными стандартами нас не удивить. Тем пуще, что в комментариях по поводу скандалов последнего года, потрясавших ФИФА, всяческие неспортивные, но весьма влиятельные СМИ довольно часто позволяли себе эскапады вроде «российский футбол молод», «профессиональный фут-

Игра в мяч.
Гравюра
Х. Гейслера.
Конец XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

бол в России находится в стадии становления», «советский футбол был силен за счет Украины и Закавказья» и т.д. Короче, зачем России чемпионат мира в частности и футбол в целом, у нее и других проблем хватает.

ПРЕДТЕЧА И АВВАКУМ

О времени и месте возникновения футбола спорят до сих пор и без всяких надежд на чью-либо победу. Среди претендентов кого только нет. От древних египтян до древних инков. Но на иррациональном уровне общепринято, что родиной игры является средневековая Англия. То, что такая игра была и пользовалась огромной популярностью, подтверждают многочисленные королевские указы, ее запрещавшие. Первым на сей счет отметился король Эдуард II в 1313 году (запрет в пределах Лондона), последней – королева Елизавета I в 1572-м. Спустя двадцать лет футбол был разрешен в Шотландии, еще через одиннадцать – в самой Англии. Следует лишь заметить, что доведись землянину XXI века увидеть футбол, скажем, времен Оливера Кромвеля, не брезговавшего в молодости этой забавой, то он вряд ли бы узнал в средневековом перформансе современную игру. На Руси события развивались похожим образом. В Средневековые кожаный мяч, набитый перьями, волосом или тряпками, гоняли на торговых площадях, а по

зиме – на озерном или речном льду. Как и в Англии того времени, четких правил не существовало. Равно как и футбольных ворот в современном смысле слова. Задача команды – завести мяч в чужой «город», то есть за заранее определенную черту. Но вот любопытная деталь: в том британском «футболе» делать это было можно как ногами, так и руками. В русской «шалыге» в бой вступали только нижние конечности. Под таким названием игра в мяч была известна в Новгородской и Псковской землях. И наверняка издревле, так как в Новгороде при археологических раскопках обнаружены кожаные набивные мячи X–XV веков. На Вологодчине шалыгой называли совершенно другую забаву. Игру в ножной мяч запрещали в XVI веке, а в следующем столетии на нее с присущей ему яростностью ополчился протопоп Аввакум, предлагая отправлять футбольистов в очистительный огонь. Царь Алексей Михайлович обошелся без крайностей, но все же издал совершенно конкретный указ: «...А которые люди от такого бесчиния не отстанут, а вымут такие богомерзкие игры и вдругорядь, и вы б тех ослушников велели бить батогами; а которые люди от того не отстанут, а объявятся в такой вине и в третье и четвертье, и тех, по нашему указу, ведено ссыпать в украинные города».

Николай
Герасимович
Помяловский.
С гравюры
В.В. Матэ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К XIX веку о шалыге забыли. Косвенное тому подтверждение – книга Ивана Сахарова «Сказания русского народа», первая часть которой вышла в 1836 году и рецензировалась Виссарионом Белинским. В ней целая глава посвящена русским народным играм, но о шалыге не поминается. Равно как и о другом футбольном прототипе, уцелевшем таки в народной культуре до наших дней. Игра называется «кила». Ударение на последней гласной. Килой назывался специально изготавливаемый для игры мяч. Сам термин впервые был публично представлен в когда-то очень популярных «Очерках бурсы», написанных выпускником Александро-Невского духовного училища Николаем Помяловским и изданных в 1862 году: «На левой стороне двора около семидесяти человек играют в килу – кожаный, набитый волосом мяч, величиной в человеческую голову. Две партии сходились стена на стену; один из учеников вел килу, медленно передвигая ее ногами, в чем состоял верх искусства в игре, потому что от сильного удара мяч мог перейти в противоположную сторону в лагерь неприятеля, где и завладели бы им. Запрещалось бить с носка, при этом можно было нанести удар в ногу противника. Запрещалось бить с закилька, то есть забежав в лагерь неприятеля и выждав, когда перейдет на его сторону мяч, прогонять его до города – назначенной черты. Нарушающему правила игры мыли-

ли шею... «Кила!» – закричали ученики, это означало, что город взят. Победители в восторге и с гордостью возвращались на свое место. Им весело...»

Спустя пять лет в газете «Вологодские ведомости» промелькнула заметка следующего содержания: «В зимнюю пору по вечерам на улицах больших деревень играли мячом. В этой игре принимали участие как молодые, так и довольно пожилые уже поселяне. Мяч делался из кожи, тут набитой куделей или мхом, и всегда значительной величины. Игравшие мячом разделялись на две партии, действовавшие одна против другой. Мяч пинали ногами, хватали его в руки и нередко бегали с ним, пока не встречали сопротивления с той или другой стороны игроков, которым хотелось одолеть свою противную сторону всевозможными манерами, догнать мяч до установленного места, которых было два: на том и другом конце пространства, представлявшем поприще этой

Перед началом
матча. 1910-е
годы

игры мячом. Победившая сторона начинала снова игру, и таким образом, она длилась часа два или три». Ежели случался гол, забившая сторона долго и протяжно кричала: «Кила!» Эта игра – нечто среднее между современным футболом и регби. По правилам она представляла собой «два в одном». Когда мяч находился на земле, играть разрешалось только ногами, когда в воздухе – подключались руки. О популярности килы свидетельствует гравюра лейпцигского мастера Христиана Гейслера. В 1793–1794 годах он путешествовал по России, подготовил несколько этнографических альбомов. В одном из них помещена гравюра Das Ballspiel. То есть «Игра в мяч». Переодень веселых бородачей из армяков в спортивные костюмы – чем не тренировка профессионалов из национальной сборной?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Футбольная
команда
1-й Конной
армии

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НОРМАННЫ И СКОТТЫ

100-летие российского футбола отмечали в 1997 году. Круглую дату привязали ко дню, когда в Отечестве был сыгран первый «официальный» матч. 24 октября 1897 года на площаду Первого кадетского корпуса на Васильевском острове в Санкт-Петербурге встретились команды КЛС (Кружка любителей спорта) и ВОФ (Василеостровского общества футболистов). Победу праздновали «vasileostrovцы» – 6:0. Но в данном случае дело не в счете. А в том, почему именно этот матч считается «первым официальным». И откуда взялись те самые футболисты, что участвовали в этой игре. По первому вопросу ответ простой: ВОФ вызвал всех желающих посоревноваться на первенство России. И поскольку победил в единственной дуэли, мог считать себя чемпионом страны. Что и не замедлил продемонстрировать в печати. Наивно? Безусловно. Но оспаривать случившееся в тот момент никто не стал.

По поводу состава команды секрета тоже нет. Список игроков приводить не имеет смысла. Достаточно сказать, что более половины из них были иностранцами – британцами и немцами,

жившими и работавшими тогда в России. Между прочим, в составе КЛС российские подданные также были в меньшинстве. Что, впрочем, неудивительно. Участникам «Спорта», как в просторечии именовали КЛС, любовь к футболу привили все те же англичане, обретавшиеся в Петербурге. Клуб, созданный дачниками в Царском Селе в 1890 году, изначально специализировался на легкой атлетике.

Итак, зачинателями футбола в России были в основном британцы, что неудивительно. В последней четверти XIX века именно на Туманном Альбionе игра обрела те основные черты, за которые сегодня ее обожают миллиарды людей. Первые команды возникли еще в 1870-х, когда то-

Орехово-
зуевская
футбольная
команда.
1920-е годы

Футбольная
команда детей
служащих
Никольской
мануфактуры.
Орехово-Зуево.
1910-е годы

скующие по футболу англичане, работавшие и служившие в столицах и портовых городах, затягивали первые частные соревнования. Ибо какой смысл создавать команду, если она не играет? Первый зафиксированный футбольный матч на территории Российской империи датируется 1879 годом, когда англичане, основавшие «Санкт-Петербургский футболь-клуб» сыграли «между-собойчик».

Потребовалось менее десяти лет, чтобы интерес к новой игре проявила пресса. В 1888 году замечена первая попытка объяснить публике правила игры в футбол в одном из московских спортивных журналов. Попытка, надо признать, неуклюжая. Автор перепутал правила футбола и регби, но внимание к предмету своих изысканий привлек.

Помнится, автор этих строк с таким же успехом пытался пропагандировать в 1987 году в одной из популярных газет заморское диво бейсбол, разбираясь в правилах диковинной игры по публикациям в американской печати. Других материалов под рукой не было. Бейсболу в конце XX века повезло меньше, чем футболу веком ранее. Хотя и тогда признание новой игры шло нелегко и под смех общества. Так, 24 сентября 1893 года на Семеновском ипподроме возле Царскосельского вокзала (ныне – Пионерская площадь и Витебский вокзал в Петербурге) в перерыве между соревнованиями велосипедистов был устроен показательный матч футболистов. Газета «Петербургский листок» красок не пожалела. Во время антракта «публику развлекали господа спортсмены игрой в ножной мяч (Football). Записалось человек 20, суть игры состоит в том, что одна партия играющих старается загнать шар – подбрасывая ногой, головой, всем, чем угодно, только не руками – в ворота противной партии. Площадь для игры была покрыта сплошь грязью. Господа спортсмены в белых костюмах бегали по грязи, то и дело шлепаясь

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

со всего размаха в грязь, и вскоре превратились в трубочистов. Все время в публике стоял несмолкаемый смех. Игра закончилась победой одной партии над другой...». В следующие выходные участников повторного эксперимента публика провожала криками «Довольно!».

МОСКВА – ПЕТЕРБУРГ. ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ

Но энтузиазм футболистов и суть самой игры довольно быстро взяли свое. С начала XX века футбольные клубы начали плодиться по всей стране в геометрической прогрессии. Перво-наперво откликнулась Первопрестольная. Еще в 1895 году английские рабочие завода Гоппера, принадлежавшего британским предпринимателям, создали кружок «Сокольники» на Ширяевом поле. Это тот самый завод, который в 1916 году приобрел некто Михельсон и где во время митинга выстрелом Фанни Каплан был ранен вождь мирового пролетариата, после чего предприятие стало носить имя Ильича. Команды возникли в Одессе, Харькове, подмосковных Орехово-Зуеве, Быкове и Дмитрове... Уже в 1901 году в Петербурге была организована футбольная лига, которая начала проводить первенство города. К основанным ранее английским и немецким командам – «Нева», «Невский», «Виктория», «Невка» – присоединились русские коллективы: «Нарвский кружок спортсменов», «Коломяги». В Москве набирали силу клубы «Новогиреево», «Замоскворецкий клуб спорта», «Унион», которые вместе с другими в 1909 году образовали Московскую футбольную лигу. В 1911-м возник Всероссийский футбольный союз. В него вошли футбольные лиги Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Харькова, Твери, Севастополя и Николаева. Появились дамские и детские команды. В 1912 году Россия вступила в Международную футбольную федерацию, ВФС к этому времени объединил 52 клуба. В 1913-м – 138.

Команда клуба спорта «Орехово» («морозовцы») перед началом игры с финнами. Орехово-Зуево. 1912 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С каждым годом британцы и уж тем более немцы теряли приоритетные позиции и в созданных ими некогда командах, и в русском футболе вообще. Яркий тому пример – история первенств Петербургской лиги. Если первым чемпионом в 1901 году стал клуб «Невка», состоявший из шотландцев и опередивший английских коллег, то после 1904 года лидером столичного футбола стала команда «Коломяги». В победном составе 1909 года из 15 футболистов 13 человек носили русские фамилии. Похожим образом обстояли дела в Москве, главном конкуренте питерцев на футбольных полях. В первом номере журнала «К спорту», вышедшем 16 декабря 1911 года в Первопрестольной, сообщалось: «Из всех видов спорта у нас в Москве в настоящее время самым распространенным является футбол. Еще 3–4 года назад футболистов насчитывалось всего несколько десятков, теперь число играющих, наверное, превышает тысячу». Вряд ли в городе в тот момент находилось столько британцев, способных бегать за мячиком.

И уж совсем ошеломляющий факт. Подтверждающий, что игра стала доминирующим видом спорта. Газеты рекламировали: «Величайшее производство в России ботинок для футбола. Предлагают лучшие ботинки для футбола. Чемпионы Московской футбольной лиги КСО («морозовцы») <...> и все лучшие команды Орехово-Зуевской футбольной лиги играют в наших ботинках. Издание магазина обуви А.П. Тихомирова». Не в «Адидас», заметьте!

Турниры и международные встречи начали приобретать некую внутреннюю логику. Спонтанно организованные и за редким исключением проигранные матчи с командами из Финляндии (входящее в состав Российской империи Великое княжество Финляндское развивало футбол самостоятельно. – Прим. авт.), Швеции, Чехии, Англии подсказывали необходимость создания национальной команды. Сборным Петербурга и Москвы поднадоело выяснять, какая из них круче. Тем более что стремительно развивающиеся губернские лиги наступали на пятки. Всем – функционерам, футболистам, болельщикам, народившимся спортивным журналистам – стало очевидно, что российский футбол подобрался к тому уровню, когда требуется проводить национальные чемпионаты.

Встреча футбольных команд «Унитас» и КСО («морозовцы»). Москва. 5 мая 1913 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Годом перелома стал 1912-й. На спех сформированная сборная провалилась на V Олимпийских играх в Стокгольме. Жеребьевка сразу вывела русскую команду в $\frac{1}{4}$ финала, где она уступила финнам – 1:2. Сюзерен проиграл вассалу! Но второй и последний матч за утешительный приз превратился в катастрофу. Немцы обыграли нас со счетом 0:16. К слову, с тех пор ни сборная империи, ни сборная СССР, ни сборная РФ столь сокрушительных поражений не знали. Любопытно читать репортаж русского корреспондента о том матче: «Главный недостаток нашей сборной команды – полная ее несыгранность. Ей пришлось сыгрываться уже в Стокгольме на решительных матчах. Можно усомниться в том, что выступление русских футболистов на Олимпийских играх было разумно организовано. На всех играх прекрасные судьи. Они всегда у мяча, видят ошибки и немедлен-

но свистят. Здесь совершенно запрещены наши толчки. Голкиперы вовсе нельзя толкать. У нас же постоянно стараются свалить голкипера – и получается дикая игра. Запрещение толкать игроков поднимает технику игроков. Сравнение игры русских команд с заграничными, к сожалению, показывает, что мы – еще дети в футболе, но... уже грубые дети». Обычно на этом в оценках первой национальной сборной и останавливаются. Но что было дальше? После Олимпиады и до начала Первой мировой войны – шесть товарищеских матчей со Швецией и Норвегией. Три поражения и три ничьи. Не то чтоб хорошо, но и не безнадежно.

В 1912 году состоялся первый чемпионат России по футболу. В финале, как и ожидалось, встретились сборные Москвы и Петербурга. У матча была дополнительная интрига. Еще не остывали страсти после

Олимпийская
сборная
Российской
империи
по футболу.
1912 год

стокгольмского унижения от германцев на Олимпиаде. В национальной сборной петербуржцев и москвичей было поровну. Зрители, которые забили 3-тысячные трибуны стадиона в Замоскворечье, ждали развязки: чьи игроки хуже, чья играя тактика лучше? Сборная Москвы выставила семерых англичан, питерцы – троих. Итог в пользу Петербурга – 4:1. Более чем убедительно. Эра британцев в российском футболе закончилась. Что подтвердили на следующий год одесситы, выигравшие финал второго чемпионата у петербуржцев – 4:2. В их золотом составе также доминировали российские игроки. Первенства сборную Одессы, правда, лишили. И за что? За наличие в составе четырех иностранцев вместо трех, положенных по регламенту. Третий чемпионат Российской империи по футболу стартовал 12 июля 1914 года. На турнир заявились сборные Ржева, Торжка, Орехово-Зуева, Москвы, Петербурга, Риги, Кишинева, Херсона, Елисаветграда, Николаева, Киева, Чернигова, Одессы, Ростова-на-Дону, Юзовки, Симферополя, Севастополя и Харькова. Определить чемпиона не успели. Началась Первая мировая...

Интересно, кто все-таки станет наследником осьминога Пауля, футбольного пророка, ставшего одним из самых известных существ на Земле благодаря великой игре? Какой импульс подаст нам инфузория Туфелька, что нажужжит шершень Джонни, в какую ногу после выбора ворот капитанами команд вцепится гиена Лаура? У кого храбости поменьше, сможет обойтись проверенными временем способами: гадальными картами, кофейной гущей, общением с душами ушедших, советами «жуточков»-букмекеров. Но кто победит на самом деле, мы увидим только 15 июля 2018 года. Зато без всяких карикатур уже знаем, где это произойдет.

Футбольный
матч Россия –
Швеция. Москва.
Апрель 1913 года

ЗАЧЕМ ОН ШЕЛ ДОЛИНОЙ ЧУДНОЙ СЛЕЗ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

О БАТЮШКОВЕ ВСЕ ТВЕРДО ЗНАЮТ, ПОХОЖЕ, ТОЛЬКО ТО, ЧТО ОН СОШЕЛ С УМА. НО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ЕГО МЕСТО НЕ ИСЧЕРПЫВАЕТСЯ МЕСТОМ «БЕЗУМЦА БЕДНОГО» ГДЕ-ТО НА ПОДСТУПАХ К ЗОЛОТому ВЕКУ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. БАТЮШКОВ, ТОНКИЙ ЛИРИК И ФИЛОСОФ С ЧУТКОЙ ДУШОЙ, ЛЕГКИМ ДАРОВАНИЕМ И ТРАГИЧЕСКИМ МИРООЩУЩЕНИЕМ, НЕ УЖИЛСЯ С ЭТИМ ВЕКОМ, НЕ ВМЕСТИЛСЯ В НЕГО – И ВЫЛОМИЛСЯ ИЗ НЕГО В ВЕЧНОСТЬ.

К.Н. Батюшков.
Портрет работы
неизвестного
художника.
Начало 1850-х
годов

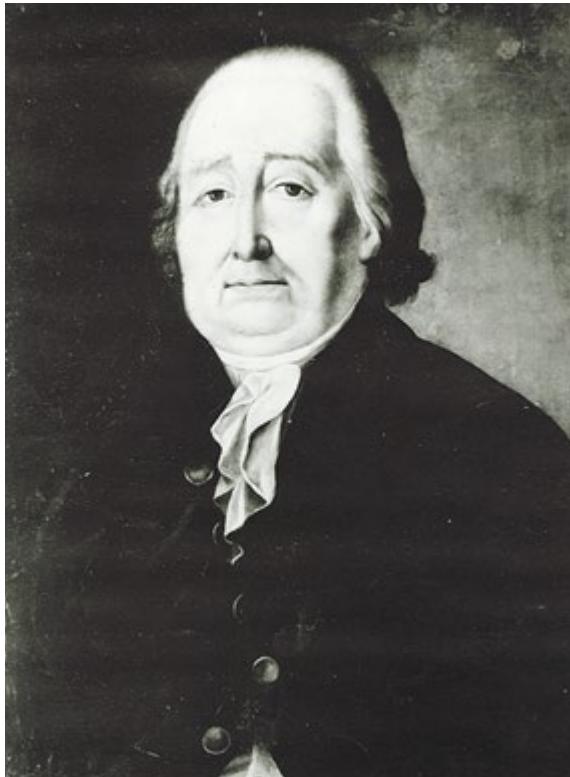
Родители Батюшкова принадлежали к древним дворянским родам; отец, Николай Львович, служил губернским прокурором в Вологде и Вятке. Мать, урожденная Бердяева, тяжело заболела душевным расстройством вскоре после рождения младшей дочери, Варвары, и умерла в 1795 году, когда Константину было 8 лет. Отец остался с пятью детьми на руках: в семье были еще три старшие дочери. Константин Батюшков чуть не всю свою сознательную жизнь занимался решением имущественных проблем сестер. Он был очень мало расположен к такого рода занятиям, но честно выполнял свой долг. Он вообще был человеком долга, воспитанным, как и многие в этом поколении, на высоких идеалах служения, чести и верности.

Дети Николая Батюшкова учились и воспитывались в петербургских пансионах; для сына отец выбрал пансион француза Жакино. Через четыре года он перевел мальчика в пансион подешевле – к итальянцу Триполи. Мальчик писал отцу, что учит французский, итальянский и немецкий, переводит, изучает математику и географию, рисует и играет на гитаре сонаты. Рисовать он любил всю жизнь, и рисовал выразительно, хотя и непрофессионально; рисование оставалось его любимым занятием и тогда, когда разум его померк. Знание языков тоже осталось с ним на всю жизнь – он и бредил на нескольких языках. Больше всего он любил итальянский и в стихах своих стремился добиться той же певучей легкости и благозвучия. Выйдя из пансиона, 16-летний Батюшков поселился в доме

поэта и философа Михаила Муравьева, отца будущих декабристов Александра и Никиты Муравьевых. Михаил Никитич приходился кузеном Николаю Львовичу Батюшкову и к племяннику относился как к собственному сыну. Он устроил юношу на службу и снисходительно относился к его служебному нерадению. Муравьев писал стихи, и его *pieces fugitives* – легкие стихотворения – возможно, стали одной из отправных точек для батюшковских жанровых поисков.

Главной задачей русской поэзии тогда было преодоление одической традиции XVIII века – пышной, торжественной, неповоротливой – и выработка нового поэтического языка: поэзии предстояло научиться говорить по-русски не только о земных и небесных властях, но и о более близких к обычной человеческой жизни предметах. В этом русле шли поиски Карамзина, Дмитриева, Муравьева; об этом же думал и юный Батюшков. Поэзия для него – средство гармонизировать мир; красота и поэзия для него – спасение от несовершенства мира, от тоски, от безумия, которое до поры до времени давало о себе знать только приступами уныния.

Печальный взгляд на вещи был присущ Батюшкову с ранней юности. Он умел видеть в мире и пронзительную, захватывающую красоту – даже в самом тяжелом состоянии,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай
Львович
Батюшков,
отец поэта.
Портрет работы
неизвестного
художника

в остром психозе, как замечал его доктор, он радовался прелести природы. Но при этом жизнь казалась тяжелой и мучительной, будущее безрадостным, и самому с собой ему было очень нелегко: «Сердце наше – кладезь мрачной: // Тих, покоен сверху вид, // Но спустись ко дну... ужасно! // Крокодил на нем лежит!»

На службе Батюшков познакомился с Николаем Гнедичем, который стал его другом на многие годы. Гнедич, уже тогда начавший работу над переводом «Илиады» Гомера, наста-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ж.-Л. Монье.
Портрет
Михаила
Никитича
Муравьева.
1800-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай Иванович Гнедич
(1784–1833), русский поэт.
Гравированный портрет
середины XIX века

ивал на том, чтобы друг занял себя серьезной переводческой работой. Батюшков взялся за перевод «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо, но не окончил его.

Петербургские годы Батюшкова были безоблачны: он впервые влюбился (как сам писал Гнедичу, «любил, увенчанный ландышами, в розовой тунике, с посохом, перевязанным зелеными лентами, цветом надежды, с невинностью в сердце, с добродушием в пламенных очах...»), писал стихи, охотно участвовал в литературных разговорах в светских салонах.

СОЛДАТ

Жизнь эта кончилась с началом войны с Францией. Батюшков ушел в ополчение и в феврале 1807 года отправился на войну сотенным начальником милиционного батальона. Поначалу он был вполне доволен своей судьбой, хотя и жаловался в письмах на занятость и усталость. Серьезный военный опыт Батюшкову достался в конце мая, когда произошло сражение под прусским городом Гейльсбергом. Об участии его в этом сражении почти ничего не известно, кроме того, что он выказал «отменную храбрость», за что его потом наградили орденом Святой Анны 3-й степени. Был ранен. Его современник, дипломат Александр Стурдза писал, что Батюшкова «вынесли полумертвого из груды убитых и раненых товарищей».

Поэта перевезли в Ригу, где он жил и лечился в доме местного купца Мюгеля. Батюшков писал Гнедичу в июле: «Любезный друг! Я жив. Каким образом – Богу известно. Ранен тяжело в ногу навылет пулею в верхнюю часть ляжки и в зад. Рана глубина в 2 четверти, но не опасна, ибо кость, как говорят, не тронута, а как? – опять не знаю. Я в Риге. Что мог вытерпеть до этого, лежа на телеге, того и понять не могу. Наш батальон сильно потерпел. Все офицеры ранены, один убит. Стрел-

Битва
при Гейльсберге
29 мая (10 июня)
1807 года

ки были удивительно храбры, даже до остервенения. Кто бы это мог думать? Но Бог с ними и с войной!..» В Риге выздоравливающий поэт был по-настоящему счастлив. В письмах он сообщал, что доктор у него прекрасный, самого его «окружили цветами и ухаживают, как за ребенком», «для меня музицируют...». У Мюгеля была дочь, в которую Батюшков влюбился. В стихах он называет ее Эмилией; больше о ней ничего не известно. Лето, цветы, выздоровление, счастье быть живым и любимым – кажется, никогда больше в жизни Батюшков не был так счастлив. Вскоре ему пришлось покинуть и Ригу, и прекрасную Эмилию.

В России его ожидали неприятные хлопоты: отец задумал жениться. Дети опасались, что в случае отцовской женитьбы все материнское приданое, на которое они могли рассчитывать как на источник доходов, отойдет к мачехе. Так начался мучительный процесс раздела имущества. В августе 1807 года Батюшков вместе с двумя незамужними сестрами переехал из отцовского имения Даниловское в материнское имение – село Хантоново Новгородской волости. В имении был ветхий деревянный дом, который стоял на холме

у реки Шексны. Батюшков писал Жуковскому: «У меня беседка в саду, четыре опрятные веселые комнаты <...> с балкона вид прелестный...» Зимой в доме было очень холодно, его трудно было прогреть. Батюшков подолгу жил в Хантонове, иногда проводил в нем целые зимы, в письмах жаловался на холод, тоску и одиночество, которое делил только с собаками и котом. Дом надо было ремонтировать, усадьбу приводить в порядок... Поэту пришлось влезть в долги, постоянно заниматься судебными и имущественными делами. В это время он даже почти ничего не писал.

Ополчение было распущено, а ополченцы получили возмож-

ность стать штатными военными. Батюшков выбрал этот путь и перевелся в лейб-гвардии Егерский полк в чине прапорщика. На фронт он отправился не сразу: долго и тяжело болел. А как только попал туда – начались жестокие бои. Батюшков писал сестрам из финского Иденсальми: «...Приезжаю в батальон, лихорадка мучит 7 дней. Прикладываю мушку к затылку; кричат: «Тревога!» Срываю, бегу в дело – и подивитесь, друзья мои, теперь здоров... Я оставался с своей ротой в резерве, но был близ неприятеля. Что Бог вперед даст, не знаю».

Сейчас Батюшков все чаще с тоской задумывается о смерти – не о геройстве, не о славе, а о цене воинских побед: «...эти уединенные кресты, вдоль песчаного берега или вдоль дороги водруженные, этот ряд могил русских в странах чуждых, отдаленных от родины, кажется, говорят мимоидущему воину: и тебя ожидает победа – и смерть!» – пишет он в «Отрывке из писем русского офицера». Дальше кампания тянулась относительно спокойно, Батюшков изнемогал от скуки, мерз, болел – и наконец подал в отставку. Весной он вернулся на родину, в свое Хантоново, которое в письмах друзьям изображал далеким северным углом, где он грубеет и дичает. В стихах Хантоново – угрюмая берлога, где «Ветер воет всюду в комнате // И свистит в моих окончинах, // <...> Посторонний кто взойдет ко мне, // Верно, скажет: «Фебом проклятый, // Здесь живет поэт в унынии».

И еще цитата из письма: «Если бы ты знал, что здесь время за веять? Что крылья его – свинцовые? Что убить нечем? Уже я принужден читать пряники Долгорукова, за неимением лучшего». И самое страшное, пророческое: «Если я проживу еще десять лет, то сойду с ума. <...> Я сто раз брал книгу, и книга падала из рук. Мне не грустно, не скучно, а чувствую что-то необыкновенное, какую-то душевную пустоту... Что делать?»

Обер-офицеры
лейб-гвардии
Егерского полка
1808–1809 годов.
Из издания:
Висковатов
А.В. Историческое
описание одежды
и вооружения
российских войск.
1841–1862 годы

СВОЙ КРУГ

Из Хантонова он уехал в Москву, куда его звала Екатерина Муравьева. Михаил Муравьев умер, его семья переехала в Москву, сыновья учились в университете. Батюшков относился к Муравьеву как к матери. В Москве он постепенно сдружился с Вяземским и Жуковским – на этом кончилось и его человеческое, и литературное одиночество; теперь у него были друзья и единомышленники, был литературный круг. Круг этот составляли новаторы-карамзинисты, убежденные в необходимости «писать как говоришь и говорить как пишешь». Здесь Батюшкова любили и ценили, здесь понимали природу его дарования. Из этого круга стихотворцев, соединенных дружбой, заботой друг о друге, общим пониманием задач поэзии, вырастет будущий «Арзамас», самое веселое и талантливое из всех русских литературных объединений. И Ахилл (превосходное имя для болезненного, маленького Батюшкова), хотя и редко будет принимать участие в заседаниях, окажется одним из самых крупных «гусей арзамасских».

Но жизнь в Москве требовала денег, а денег у него почти не было. Он искал места для штатской службы, а в ожидании его жил в Хантонове. Здесь, в деревне, он написал «Мои Пенаты» – легкий, динамичный, простой рассказ о своей деревенской жизни – в «хижине убогой», где «ветхой стол» и «жесткая постель», – но где жизнь настоя-

П.Ф. Соколов.
Портрет
Екатерины
Федоровны
Муравьевой.
1827 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

щая: где есть счастье писать, где есть возлюбленная Лила, и старый воин со своими рассказами о сражениях былых времен, есть друзья – хотя и в отдалении, и друзей он призывает:

Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упнемся сладострастием
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!

Через несколько лет Батюшков сформулировал для себя «пиитическую диэтику» – предписания особого образа жизни для поэта: «Первое правило сей науки должно быть: живи как пишешь, и пиши как живешь. <...> Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы». А второе правило – отказ от мирской суеты ради внутренней свободы.

Наконец по хлопотам историка и археолога Алексея Оленина

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Петр Андреевич Вяземский. Гравюра
резцом К. Афанасьева. 1828 год

его взяли на службу в Публичную библиотеку в Петербурге, где работал его друг Гнедич. В столице у него тоже сложился свой круг – и в нем были будущие арзамасцы Блудов, Уваров и Дашков. Но петербургская жизнь и библиотечная работа продолжались недолго: началась война 1812 года.

ЗЛО, РАЗЛИВШЕЕСЯ ПО ЛИЦУ ЗЕМЛИ

Батюшков сразу думал о том, чтобы отправиться на фронт. Помешала этому сначала очередная тяжелая болезнь, потом необходимость помочь старой и больной Муравьеву уехать из оставленной русскими войсками Москвы в Нижний Новгород, затем необходимость вызволять из беды ее сына Никиту, сбежавшего из дома на фронт и арестованного по подозрению в шпионаже.

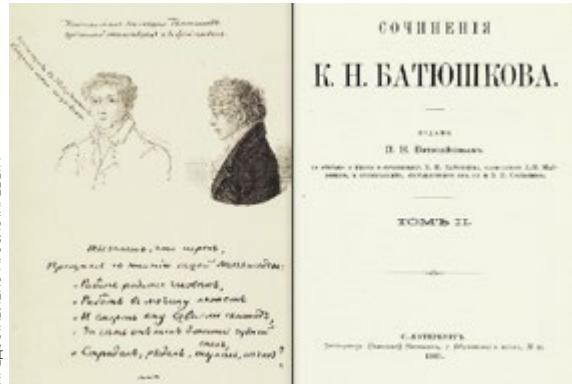
Везде по дороге от Москвы до Нижнего поэт видит картины всенародного бедствия. Мир, который никогда не казался ему особенно уютным, кажется, совершенно сошел с ума: «... зло, разлившееся по лицу земли во всех видах, на всех людей, так меня поразило, что я насилию могу собраться с мыслями...» Батюшков рвется воевать – мстить французам за поруганную родину, за разоренную Москву: «Ужасные поступки вандалов или французов в Москве и в ее окрестностях, поступки, бесприимерные и в самой истории, вовсе расстроили мою маленькую философию и поссорили меня с че-

К.Н. Батюшков.
Автопортрет
в письме
Н.И. Гнедичу.
1807 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сочинения
К.Н. Батюшкова,
изданные
Платоном
Николаевичем
Батюшковым
(СПб., 1885.
Том II).
Титульный лист
и фронтиспис
с автопортретами

Эпизод Лейпцигского сражения (Битвы народов) 4–7 (16–19) октября 1813 года. Раскрашенная гравюра 1810-х годов

ловечеством». Батюшков больше не может петь «любовь и радость, беспечность, счастье и покой и шумную за чашей младость», как пишет он в стихотворном послании Дашкову. Он долго ждал назначения в армию, но попал на фронт только в середине 1813 года, когда война шла уже за пределами России. За первые же сражения был представлен к ордену Святого Владимира. Он стал участником Лейпцигского сражения, известного как Битва народов; на поле боя из 500 тысяч человек 54 тысячи было убито, и почти половина – русские. В этом сражении погиб давний друг Батюшкова писатель Иван Петин. Победа не обрадовала поэта: гибель друга и чудовищные картины мировой бойни полностью занимали его мысли. Батюшков закончил войну в Париже. Парижские впечатления позволили ему пройти в себя после пережитого: бульвары, театры, музеи, сады, народные гулянья – это был долгожданный отдых. Для него сейчас очень важно вернуть вкус жизни, гармонию жизни, именно поэтому он чуть не каждый день ходит смотреть на статую Аполлона Бельведерского – будто заново настраивает даже не поэтическую свою лиру, расстроенную войной, а саму душу свою, выбитую из жизни. Гармонию он,

кажется, снова обрел, но она оказалась навсегда отравлена тоской. Его новые стихи – «Божественная высь! – Божественная грусть!», как сказала Цветаева: Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем вилася Гальциона,
И тихий глас ее пловцов увеселял.
Здесь тоскующий поэт видит тень погибшего друга – но напрасно вопрошает его, тень исчезает, и остается только печаль. Туманный Альбион на его пути в самом деле был: он возвращался на родину через Англию и Швецию; пожалуй, самое важное в этом путешествии – религиозный опыт, пережитый им в Харькове, где он зашел в местный храм. Вероятно, именно сейчас Батюшков почувствовал твердую опору в религии, которая останется для него утешением и тогда, когда ему изменит рассудок. Вернувшись, Батюшков отказался жениться; воспитанница

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

О.А. Кипренский.
Портрет
Анны Федоровны
Фурман.
1815 год

семьи Олениных Анна Фурман обещала выйти за него замуж, но он вернул ей слово: сомневался, что сможет обеспечить семью, что они будут счастливы. Отказ жениться надолго рассорил его с Алексеем Олениным. Анне Фурман разрыв помолвки тоже счастья не принес. Батюшков мрачен и не вполне помирится с человечеством; в 1815 году он встретился с юным Пушкиным – и, верный своему новому настроению, советовал ему не увлекаться поэтическими безделками, а писать о серьезном. Сам Батюшков снова на военной службе, но поет не «кровавый пир»; он вызван в Каменец-Подольский – именно там написаны чуть не самые знаменитые его строки, исполненные той самой «божественной печали»:

*O, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальней.*

С этого времени начинается в его жизни полоса странствий, блужданий и погружения в тоску, которая становится все гуще, все тяжелее: «...себя не узнаю под новым бременем печали», – признается он в стихах. Даже затяжное Жуковским издание его стихотворений не радует, а пугает его. Он все время болеет. Болит старая рана, он простужается, ему вообще нехорошо жить. В 1817 году умер его отец, оставив сиротами детей от второго брака – Юлию и совсем маленького Помпея. Батюшков взял на себя хлопоты о детях – и именно Помпей Николаевич, когда подрос, издал собрание сочинений старшего брата.

В ПУТИ

Чувствует он себя так плохо, что рвется к морю, в Крым – к морским купаниям, ему кажется, что они ему помогут. Одновременно просится на службу в Министерство иностранных дел – в Италию, чей мягкий климат должен его спасти. Все мечты сбылись – но Батюшкова это нисколько не обрадовало: им всецело владеет тоска. Получив назначение в Италию и хорошее жалованье, он пишет: «Я знаю Италию, не побывав в ней. Там не найду счастья: его нигде нет; уверен даже, что буду грустить о снегах родины и о людях, мне драгоценных». В его поведении все больше странностей: он должен был ехать через Варшаву, чтобы повидаться с Вяземским, но не поехал, горько обидев того. Неаполь, город его мечты, куда он так рвался, вовсе не понравился ему: «длинен и неопрятен», шумно, беспокойно, одиноко, ветрено... Он едет на теплые источники на остров Искусства – но лучше ему не становится. Думает ехать на воды в Германию, но не пускает начальство. В конце концов он бросил службу и отправился туда своеизвольно, и лечился старательно, брал по две горячие ванны в день – но кажется, ничего не помогало. Он становится все мрачнее и все подозрительнее – и в самом прямом смысле слова не находит себе места. Карамзин писал Вяземскому: «Между тем знаете ли вы, что наш поэт Батюшков склоняется и с потомством, и с современниками, не хочет ничего писать, ни служить, ни быть в отставке, ни путешествовать, ниозвращаться в Россию, то есть он в гипохондрии, по рассказам Блудова. Жалко и больно...»

Жуковский встретил Батюшкова в Дрездене в 1821 году и рассказывал, как тот рвал написанные прекрасные стихи. В этом же году Батюшков получил отставку по болезни (с сохранением жалованья) и вернулся в Петербург. Уже тогда

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

друзья понимали, что он сходит с ума, но он снова рвался в путь, опять лечиться – теперь на Кавказ и в Крым. В 1822 году симферопольский врач Мильгаузен диагностировал у Батюшкова манио преследования. Друзья стали думать, как его спасать; тем временем у Батюшкова в Крыму случился острый психоз. Он сжег свою дорожную библиотеку и несколько раз пытался покончить с собой. В итоге местный губернатор Перовский отправил Батюшкова в Петербург в сопровождении врача.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

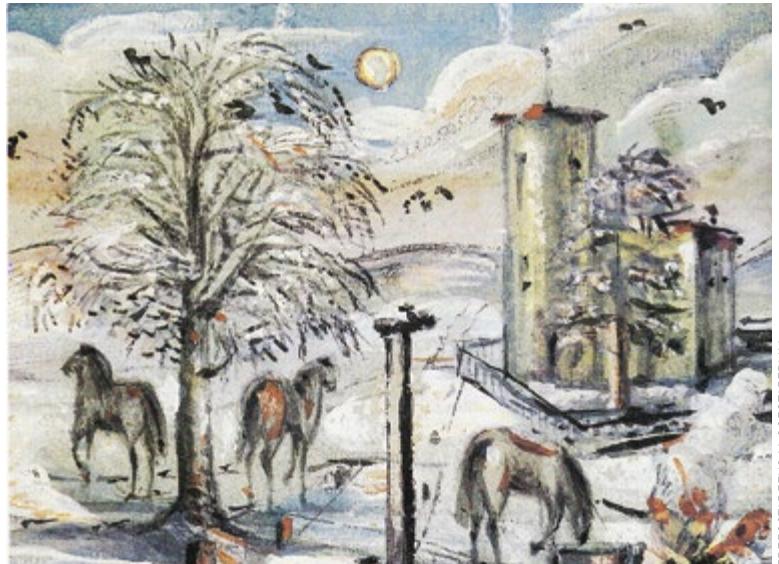
К.Н. Батюшков.
Наполеон.
1820-е годы

К.Н. Батюшков.
Автопортрет.
Около 1818 года

В столице, казалось, ему стало легче, но скоро умопомешательство возобновилось; он уже не хотел видеть ни Муравьевых, которых тоже считал своими гонителями, ни сестры. Больного поэта отправили в лучшую европейскую лечебницу для душевнобольных – немецкий Зонненштайн, где он провел четыре года. Лечебницу Батюшков воспринимал как тюрьму, врачей – как мучителей; ему казалось, что все окружающие состоят в заговоре и желают его погубить. В конце концов немецкие врачи признали, что вылечить Батюшкова нельзя. Он отправился на родину в сопровождении врача Антона Дитриха, человека доброго и умного. Из дневника врача нам известны драматические подробности этого путешествия. Большой то бросался на людей, так что на него приходилось надевать смирительную рубашку; то плакал, молился, разговаривал со святыми, то проклинал и плевался. Он живо радовался природе, собирая цветы, читал по-итальянски Торквато Тассо –казалось, в его сознании мерцали обрывки прежних мыслей и воспоминаний, перемешанных с фантастическими образами, видимыми только ему одному. Он спрашивал сам себя, который час, и отвечал: «Вечность».

П.Ф. Соколов.
Портрет
В.А. Жуковского.
Конец 1820-х
годов

К.Н. Батюшков.
Пейзаж
с лошадьми.
1830 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Дальше вся жизнь Батюшкова – это доживание. Еще четыре года он прожил в маленьком домике в Москве, где в 1830 году его на-востил Пушкин. Батюшков лежал с закрытыми глазами и молчал, друга не заметил. «Не дай мне Бог сойти с ума», – написал Пушкин после этого тягостного свидания. Со временем буйное помешательство Батюшкова утихло. Племянник его, Григорий Гривенс, назначенный поэту опекуном, перевез его в Вологду, где больной несколько лет прожил в специально нанятом доме рядом с компаньоном. Проходящие годы, кажется, не оставляли следа в его сознании: бред мешался с воспоминаниями 1820-х годов. Однако он твердо помнил, что он поэт, и радовался, когда ему об этом напоминали.

Потом Гривенсы взяли его к себе. Он любил их детей, особенно привязан был к младшему мальчику, Модесту, который рано умер. Батюшков очень горевал и просил похоронить его рядом с ним; эта просьба была выполнена. Он много рисовал – в основном пейзажи с лошадьми, птиц и цветы. Фигурки вырезал из бумаги, раскрашивал, приклеивал, охотно пользовался золотой и серебряной красками. Когда художник писал его портрет, Батюшков потребовал себе цветок в петлицу, с ним и

изображен на последнем своем портрете.

В последние годы жизни его сознание несколько прояснилось, бред утих. Он интересовался политикой, следил за ходом Крымской войны, читал газеты. Умер он от тифа; внучатый племянник свидетельствовал, что «конец его был тих и спокоен»: Батюшков трижды перекрестился и «уснул сном праведника»...

Когда бред оставил его, способность писать стихи вернулась.

В последнем стихотворении, написанном в Вологде 14 мая 1853 года, он говорит:

*Премудро создан я, могу на свет
сослаться:*

*Могу чихнуть, могу зевнуть;
Я просыпаюсь, чтоб заснуть,*

И сплю, чтоб вечно просыпаться.

Прелесть и грация этих стихов ровно та же, что была в ранних его сочинениях, – такой гармонии XIX век уже не знал, ибо все стало усложняться, дробиться, мрачнеть; но тема этих стихов совсем не идилическая – это автоматическое бытие спящего разума, ужас прижизненного забвения, утраты собственной личности, чье существование сводится к простым физиологическим реакциям. Но Батюшков «спит, чтоб вечно просыпаться», то есть забыть не вечно и забвение не окончательно; в каждую переходную эпоху, когда заново обозначается «грань веков», мы обращаемся к его опыту.

РАЗБИТЫЙ СОСУД

У безумия Батюшкова были очевидные причины: дурная наследственность с материнской стороны (с ума сошли и мать, и сестра поэта Александра); ипохондрический нрав, болезненность, слабость сложения. Но нельзя отдельяться от мысли, что душевная его болезнь была вызвана двойственностью его положения в литературе, неразрешимыми противоречиями, которые его терзали. Сам он говорил о себе Вяземскому – уже в безумии, – что похож на человека, несущего на голове сосуд с драгоценным миром, но сосуд упал и разбился, и поди разбери теперь, что в нем было. Ни один из русских поэтов не страдал так, как Батюшков, от пограничности и противоречивости своего положения: по темпераменту он преимущественно лирик, поэт элегический, а между тем время требовало иного. Из всех представителей своего блестящего поколения, к которому принадлежали и Жуковский, и Вяземский, и Гнедич, и Грибоедов, – Батюшков имел лучшие шансы стать первым поэтом, создать новый язык и новый национальный миф. Не зря Пушкин выделял его из всех старших современников и долго не хотел верить в неизлечимость его болезни.

Но Батюшков всю жизнь чувствовал недостаточность своих сил, и это противоречие между даром и задачей было одной из причин его меланхолии. Лучшее, что он написал, – элегии, без них немыслимы были бы

Могила
К.Н. Батюшкова
в Спасо-
Прилуцком
монастыре.
Фотография
М. Золотарева
начала
1980-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

пушкинские упражнения в этом жанре (в лучших из них – «Погасло дневное светило» или «Вновь я посетил» – слышатся интонации Батюшкова, его мысли, даже композиционная логика). Но талант его не был универсален, эпический жанр не давался ему вовсе, хотя задатки для эпоса у него, судя по прозаическим наброскам, явно были. Проза его, в особенности дневниковая, написана на диво современным слогом, но решительного шага для такого же обновления поэтического словаря он не сделал.

Батюшков весь – недостаточность, половинчатость; мысли его оригинальны и отважны, чувства новы, но он весь еще в тисках XVIII века, и для реформирования поэтики, для отказа от традиции ему недостает чисто человеческой смелости, той счастливой и гордой уверенности в себе, какая была у Пушкина с первых дней. Батюшков словно остановился в полуслаге от решительного прыжка, но на этот скачок недоставало ни физических, ни умственных его сил. Лучшие его стихи – такие как «На развалинах замка в Швеции», или «Тень друга», или знаменитые «Мои Пенаты» – уже свободны от оков архаики, язык в них ничем не отличается от современного, благозвучие удивительно, а чувства непосредственны и заразительны. Батюшков силен и в анакреонтической лирике, которую Пушкин называл «смелой и счастливой». Но он словно боится

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

собственного дара, словно опасается разрушить очарование ранней и невинной поры, того детства человечества, которым мы считаем античность. В самом деле, античная гармония в его стихах уже еле выдерживает напор нового, ледяного века; предчувствием всемирной катастрофы дышат предвоенные стихи, предчувствием личного упадка и безумия – стихи 10-х годов. Главные темы Батюшкова – не просто радости любви или наслаждение сельскими идилиями, но именно хрупкость, уязвимость, обреченность чувства. «Как ландыш под серпом убийственным жнеца» – самая откровенная его строчка. Дружба не спасает, ибо друг гибнет в сражении; любовь уязвима, ибо красота хрупка и смертна; труды тщетны, ибо время пожирает все и всех, – и самым полным выражением батюшковского мировоззрения стало последнее

К.Н. Батюшков.
Гравюра
С.Ф. Галактионова
по рисунку
О.А. Кипренского.
Первая четверть
XIX века

стихотворение, сочиненное им в здравом рассудке:

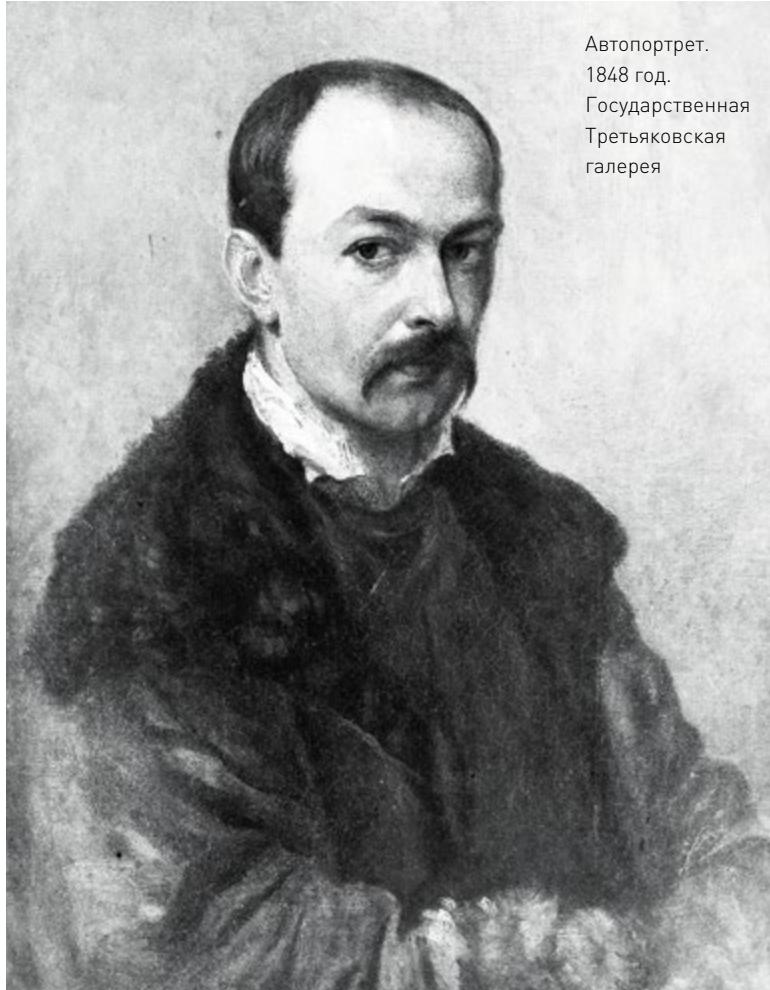
Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнию,
седой Мельхиседек?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

Батюшков – поэт, у которого почти отсутствует русская тема, то есть рефлексия на тему Родины; однако об этом, кажется, он умалчивает именно потому, что это самая болезненная тема. Он счастлив воевать за Отчизну и клянется в верности ей, но не может не видеть ее собственных неразрешимых противоречий. Он первый, еще в 1811 году, высмеял агрессивное славянофильство, которое идеологически еще не оформилось. Он не мог не видеть, что Россия перерождается и что архайсты не просто чтут традицию, но спешат затоптать все сколько-нибудь живое и оригинальное. Отсюда его памфлет «Видение на берегах Леты», где так достается архайстам. Батюшков – не борец, но его литературные шутки злы и прицельны. Иногда кажется, что случись его друзьям чуть упрямей и внимательней убеждать его в том, что он достоин великого по-прища, – и поэтика Батюшкова обрела бы ясные и строгие черты. Литературоведу Андрею Зорину принадлежит здравая мысль о том, что Батюшкова – как гири – могла бы удержать на земле служба, но он от нее отказался и улетел в те сферы, где литература уже ничего для него не значила.

Сто лет спустя Батюшкову суждено было довоплотиться в поэзии: появился Мандельштам, который был на него похож даже внешне и постоянно возвращался в стихах и статьях к его образу. «Батюшков нежный» казался ему благородным предшественником и в чем-то, пожалуй, помощником. Но у Мандельштама поэзия оказалась сильнее безумия – даже и в воронежских помрачениях ума он продолжал писать стихи и тем окончательно утвердил всемогущество лирики. ●

Дом Гревенса
в Вологде,
в котором
в последние
годы жил поэт.
Позже в доме
разместилась
1-я (Мариинская)
женская
гимназия

Автопортрет.
1848 год.
Государственная
Третьяковская
галерея

Чуткого зрителя и сегодня судьба и творчество художника не оставит равнодушным. Оно порой сентиментально до наивности, порой горько, но очень близко русскому сердцу. Единственное, что может смутить рассматривающего портреты самого художника, – это тревожный и как будто обреченный взгляд. Павел Андреевич не был борцом с самодержавием, хотя дружил с некоторыми петрашевцами. Он не претендовал на роль философа, что порой ставят ему чуть ли не в укор, несколько высокомерно препарируя творческое наследие самоучки, предвосхитившего передвижников. О Павле Федотове написано немало, но стоит снять штампы, как слои лака, чтобы под ними рассмотреть и полюбить живого человека – талантливого русского рисовальщика.

...Продрогший человек бредет по студеной пустынной улице, захватив под мышкой рулон бумаги. Куда идет, зачем, кто он? Сам Федотов или его друг и однополчанин Дружинин, которому он подарил этот «ландшафт», – не принципиально. Важно настроение этой картины, безусловно, очень значимой и личной в творчестве Федотова. В этом городе холодно, неуютно, одиноко. Пейзаж – вид на 20-ю линию Васильевского острова в Петербурге из окна дома на 21-й линии, в котором с осени 1849-го художник снимал квартиру.

«Картина «Зимний день. 20-я линия Васильевского острова» – это крик отчаяния, – размышляет заведующий отделом живописи XVIII–XIX веков Русского музея Григорий Наумович Голдовский. – Чем дольше вглядываешься, тем зримее становится стужа, тем холоднее зрителю. А у этого несчастного одинокого человечка и впереди, и позади огромный однообразный путь. Заметьте, из трубы не идет дым – в этом пространстве нет жизни. Поражает звенящая драматическая насыщенность ландшафтной миниатюры: обезличенная белесость зимнего дня, нескончаемый глухой забор, как на кладбище...».

РИА НОВОСТИ

СЛОМЛЕННЫЙ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

МОСКВИЧ ПО РОЖДЕНИЮ, ТВОРИВШИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ, ОН СОЗДАЛ ГАЛЕРЕЮ СЦЕН «ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ» СОВРЕМЕННИКОВ. СТЕПЕННЫЕ КУПЦЫ, БЕДНЫЕ, НЕУДАЧЛИВЫЕ ЧИНОВНИКИ, ДВОРНИКИ И ГОРНИЧНЫЕ И, КОНЧЕНО, ХУДОЖНИКИ – ГЕРОИ ЕГО ЖАНРОВЫХ ЗАРИСОВОК. И ЭТО НЕ СЧИТАЯ БАТАЛЬНЫХ АКВАРЕЛЕЙ, ПОРТРЕТОВ АВГУСТЕЙШИХ ОСОБ, ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХ.

П

ЕТЕРБУРГ И МОСКВА переплелись в судьбе русского живописца Павла Андреевича Федотова. Его самое знаменитое полотно – «Сватовство майора» – дошло до нас в двух вариантах. Один хранится в Русском

музее, другой – в Третьяковской галерее. Но если картину видели даже те, кто далек от живописи, о судьбе автора знают, увы, немногие. Художник прожил всего 37 лет, из них только восемь лет составляют его творческую карьеру.

ПРЕДОСТАВЛЕНО РУССКИМ МУЗЕЕМ

«У ХАРИТОНЬЯ В ПЕРЕУЛКЕ...»

Военный рапорт звучал бы так: родился в семье бедного чиновника, в 1833-м окончил кадетский корпус и в 18 лет получил чин прапорщика. До 1844 года служил в лейб-гвардии Финляндском полку, затем вышел в отставку, выбрав путь профессионального художника. Однако скучно. Давайте перепишем.

Павел Андреевич Федотов родился в Москве, в приходе Харитония в Огородниках, 4 июля 1815 года. «У Харитонья в переулке» жил в детстве Пушкин и там же он поселил Татьяну Ларину. Родители живописца были людьми простыми и небогатыми. Отец, отставной офицер, овдовел с двумя малыми детьми на руках. Новой женой стала купеческая вдова, у нее была маленькая дочь. В этом браке родились шестеро детей, но выжил только сын Павел. Он рос здоровым и крепким, и на его будущее можно было надеяться...

«Я всякий день видел десятки народа самого разнохарактерного, живописного <...>

Наша многочисленная родня <...> состояла из людей простых, не уложенных светской жизнью; наша прислуга составляла часть семейства, болтала передо мной и являлась нараспашку; соседи были все люди знакомые; с их детьми я ходился не на детских вечерах, а на сеннике или в огороде; <...> Представители разных словесных встречались на каждом шагу – и у тетушек, и у кумы отца, и у приходского священника, и около сенника, и на соседних дворах. Все, что вы видите на моих картинах (кроме офицеров, гвардейских солдат и нарядных дам), было видно и даже отчасти обсуждено во времена моего детства <...> Быт московского купечества мне несравненно знакомее, чем быт купцов в Петербурге; рисуя фигуры добрых старых служителей, дядей, ключниц и кухарок, я, сам не знаю почему, переношу мыслию в Москву. Сила детских впечатлений, запас наблюдений, сделанных мною при самом начале моей жизни, составляют основной фонд моего дарования», – рассказывал Федотов Дружинину.

Зимний день.
20-я линия
Васильевского
острова.
1850–1851 годы.
Государственный
Русский музей

КЛАССЫ, ПОЛК И ПЕРСТЕНЬ

В 1826 году Павла Федотова, как сына ветерана и офицера, зачислили в Первый московский кадетский корпус. «Способен к наукам, прилежен, честен, благонамерен», – отзывались о своем питомце преподаватели.

В корпусе его любили за веселый, общительный нрав, добродусть и остроумие. Он прекрасно пел, аккомпанируя на гитаре, сочинял песни и романсы, пел как тенор-солист в хоре корпусных певчих и почти без посторонней помощи выучился играть на фортепиано. У Федотова была изумительная зрительная память. Силу карандаша, писал Федотов в автобиографии, он испытал еще в корпусе. Тетрадки и книжки Федотова были изрисованы головами и фигурами всех, кто попадался ему на глаза. Он прилежно учился. За неуспешность в науках кадет лишали обеда или булки. Федотов поправлял рисунки других и за это получал булки от однокашников. Поэтому свои рисунки у него были всегда незаконченными. Как-то учитель рисования Каракалпаков осведомился у Павла, кем тот собирается быть. Мальчик ответил: поэтом.

«Ты будешь художником! Может быть, у тебя будет удача, может быть, у тебя совсем не будет успеха, но ты станешь художником. <...> Лучше быть художником, хотя бы небольшим, чем директором корпуса или даже командиром полка!» – пламенел Каракалпаков.

18-летний Павел Федотов получил чин прапорщика. Его имя как лучшего ученика было записано на мраморной доске золотыми буквами. Павел Андреевич выбрал вакансию в Петербург, в лейб-гвардии Финляндский полк, казармы которого находились на Васильевском острове, около Академии художеств. В свободные вечера Федотов стал посещать рисовальные классы академии.

За рисунки и портреты, которые Федотов делал сослуживцам, он денег не брал. Дело не только в

щедрости натуры, но и во вполне трезвых соображениях: чтобы в полку никто не мог относиться к нему, офицеру, как к наемному рисовальщику, готовому услужить. Иное дело портреты высочайших особ: императора и его августейшего брата. С одной стороны, самый предмет был более чем благороден и патриотичен. С другой – в этих портретах сохранялась отчужденность от личных сношений, что позволяло им не оскорбительно для чести художника становиться товаром.

В начале июля 1837 года великий князь Михаил Павлович приехал в лейб-гвардии Финляндский полк. Встречен он был по всем правилам: в воздух бросали шапки, кричали «ура». Федотов по этому поводу нарисовал большую акварель «Встреча великого князя». Картину передали великому князю, и за нее автору был пожалован бриллиантовый перстень. «Этим-то перстнем окончательно припечаталось в душе его художественное самолюбие», – простодушно признался Федотов в автобиографии.

«Федотов может показаться везунчиком, – размышляет Григорий Голдовский, – на которого обрушился успех, но давайте разберемся. Бриллиантовый перстень – не самая малая придворная награда, но жизни она не обеспечивала».

Тем не менее окрыленный Федотов начал другую акварель. Тоже – со стройным рядом солдат. В это время полк, в котором он служил, получил благодарность великого князя. Довольный начальник корпусного штаба, генерал-адъютант Веймарн объявил офицерам: «Приходите, дверь моя для вас не заперта!» Федотов понял буквально и пожаловал на следующий же день – показал неоконченное полотно, завершить которое не было средств. Веймарн направил Федотова к великому князю. Хлопоты прошли не зря. Михаил Павлович показал картину государю. В итоге художнику была объявлена воля монарха: «Его императорское величество всемилостивейше соизволил удостоить

СВАТОВСТВО ВЛАДИМИР ГАСС

Сватовство
майора. 1848 год.
Государственная
Третьяковская
галерея

вниманием рисующего офицера, предоставив ему добровольное право оставить службу и посвятить себя живописи с содержанием по сто рублей ассигнациями в месяц и потребовав от него письменного на это ответа». Видимо, Николай I рассчитывал, что офицер Федотов станет «певцом славы Отечества».

Федотов задумался. Хотя офицерского жалованья не хватало, он, находясь в полку, мог расчитывать на денежные награды, которые ему периодически выдавали «за успехи в прохождении службы». Надо было посыпать деньги отцу и сестрам. Родительский дом заложен. Сто рублей – немного! Как быть: оставить службу и гарантированное будущее или рискнуть и посвятить себя любимому рисованию? А вдруг не сможет, да и есть ли у него талант?

Гвардейский офицер Федотов пошел советоваться с великим Брюлловым: быть художником или не быть? Мэтр ответил: «Не советую, 25 лет, поздно... Но попытайтесь». Офицер решил остаться в полку и продолжить занятия живописью. Несколько его рисунков попали к Крылову.

Баснописец написал рисующему офицеру письмо, в котором рекомендовал «отдаться своему настоящему призванию – изображению народного быта». Письмо достигло цели. В 1844 году с высочайшего одобрения штабс-капитан Федотов оставил военную службу и посвятил себя живописи, определившись в ученики батального класса Академии художеств.

НА ВОЛЬНЫХ ХЛЕБАХ

Выйдя в отставку, Федотов поселился с денщиком Коршуновым в холодных комнатах домика среди пустырей Васильевского острова. Работал на износ, жил бедно, ведь на положенную ежемесячную пенсию он должен был не только содержать себя, денщика, но и помогать родным, а также покупать необходимое для работы. Оставив замкнутый мир полка, он принял изучать «натуру» и «попал в народ» – бродил по городу, знакомился с людьми. Наблюдал, подмечал, вел дневник, много рисовал. Начатые картины, изображающие «солдатиков» и «лошадок», пылились в углу. Наблюдательность у Федотова была исключительной. «Моего

труда в мастерской немного: только десятая доля. Главная моя работа на улицах и в чужих домах. Я учусь жизнью», – говорил художник Дружинину. К 1847 году он закончил «Свежего кавалера» и «Разборчивую невесту». С трепетом послал картины на суд Брюллова. Мэтр встретил Федотова с распластертыми объятиями и благословил новые замыслы. Сам Брюллов считал: «Счастье Федотова в том, что он смотрит на натуру своим глазом». С одобрения академии Федотов берется за новое полотно – «Сватовство майора». Если первые произведения Федотова заставляли художника сочинять подписи и стихи, поясняющие замысел автора, то со «Сватовством» все наоборот. Картина возникла в результате стремления художника дорисовать последнюю часть написанной им в 1846-м поэмы «Поправка обстоятельств, или Женитьба майора». Картина должна была завершить похождения бравого майора, положившего глаз на деньги купца Кулькова и собиравшегося жениться на его дочке. Потому что картина «Сватовство майора» произвела такую сенсацию, что демонстрировалась не просто зрителям, но зрителям-читателям. По ходатайству Брюллова Павел Андреевич получил звание академика.

Полотна Федотова впервые были показаны на академической выставке в Петербурге: успех был оглушительным! До того никому не известный живописец, представивший на суд публики три картины – «Свежий кавалер», «Разборчивая невеста» и «Сватовство майора», – в одночасье сделался знаменитым. К картинам было не пробиться из-за обступивших зрителей. Автор с трудом пробрался к картинам сквозь толпу. Затем обратился к публике и прочитал на манер ярмарочных коробейников заранее сочиненные стихи. Зрители были в восторге.

К Федотову пришла долгожданная слава. А впереди была Москва, семейные проблемы, восторги и унижения.

Завтрак аристократа.
1849–1850 годы.
Государственная Третьяковская галерея

ОПЛЕВАННЫЙ ФУРОР

Художник окрылен петербургским успехом. Он привез в Москву и выставил сначала в доме графа Ростопчина, а затем в залах Московского училища живописи и ваяния три картины и восемь сепий. Четвертая картина маслом – «Не в пору гость. Завтрак аристократа» – была завершена уже в Первопрестольной.

Москва художника приняла. Знаменитый московский коллекционер Кузьма Солдатёнков приобрел картину «Завтрак аристократа», положив начало собственному собранию русской живописи. Выставка в Академии художеств и приезд в Москву стали высшей точкой успеха Федотова: «Мои картинки производят фурор, <...> В участии моего отца и сестры-вдовушки первые лица города приняли участие...» – писал он знакомым.

Вскоре прочитал Федотов статью профессора Павла Леонтьева о своем творчестве. Называлась она «Эстетическое кое-что». В статье говорилось, что у Федотова нет истинно художественного, спокойно-восторженного мировоззрения. «Кому нужна

эта злоба, кому нужно это направление? – спрашивал профессор и отвечал: – В христианском обществе нет для него места».

«Статья Леонтьева в «Москвитянине», по мнению современных исследователей, вряд ли может быть трактована как «политический донос». Скорее, это эстетическая эскапада. Федотов опередил время и не был до конца понят. Не случайно цензор в письме к издателю «Москвитянина» Михаилу Погодину опасался: «Статья... не навлекла бы не приятности по толкованиям, которые делает этим картинам и эскизам». Навлекла! Однако не пресечением карьеры или репрессиями, а, скорее, общественным откликом, разрушившим и без того хрупкое душевное равновесие мастера. Никакой особой враждебности власти к Федотову не испытывали: жалованье он получал исправно, в том числе и ежемесячную прибавку в 300 рублей из средств Министерства императорского двора в связи с затруднительным материальным положением», – рассказывает Григорий Годовский.

Живопись не приносила ни славы, ни денег. На талант не прожить, особенно если ты беден и помогаешь семье. Стервятники быстро смеялись, что Федотова можно покупать по дешевке. На смену восторгам и упоительным мечтам пришло разочарование. В сохранившемся черновике письма он горько размышляет: «Мой оплеванный судьбой фурор, который я произвел выставкой своих произведений, оказался не громом, а жужжанием комара».

Федотов попробовал предложить «Сватовство...» миллионеру Кокореву. Не вышло. Писал безуспешно меценату Григорию Тарновскому, в доме которого часто бывал. Племянница Тарновского Юлия симпатизировала Федотову. Федор Прянишников, директор почтового департамента, коллекционер, выразил желание купить «Сватовство майора» за 2 тысячи рублей серебром. Федотов явился к Прянишникову. Тот дал полцены. 2 тысячи рублей были бы спасением: выкупленный дом на Огородниках, обеспеченная старость отца. А тысяча даст возможность только пердохнуть. Как быть? И почему такая цена? В сохранившемся черновике письма Прянишникову у Федотова настоящий крик отчаяния: «Понимаете, как мне дорого мое самолюбие... Меня нужда гнетет». В итоге Прянишников купил за полцены «Свежего кавалера» и «Сватовство майора». Депрессия не позволяла плодотворно работать: в Отчете Академии художеств за 1850–1851 годы отмечается, что академик Федотов «из-за болезни глаз» в этот период ничего не сумел закончить. В октябре 1851 года он выставил в академии единственную работу – вариант картины «Вдовушка», приобретенный Солдатёнковым.

Федотов надеялся издать две литографии по подписке – «Сватовство майора» и «Свежий кавалер». Цензура запретила вторую картину. Чиновник не

РИА НОВОСТИ/Э.КОГАН

Свежий кавалер
(Утро чиновника,
получившего
первый крестик).
1846 год.
Государственная
Третьяковская
галерея

может жить так бедно, потому или пусть велит служанке убрать бутылки со стола и прибрать комнату; или если этот беспорядок художнику нужен для искусства, то, сняв орден с халата, можно изобразить дело так, что чиновник просто запахивает его из стыдливости.

Художник работал на износ. Не имея возможности платить натурщикам, он просил позировать знакомых. Так, для фигуры невесты знаменитого «Сватовства...» ему позировал... Карл Флугт, для барыни («Модный магазин») – один из товарищей. Кухарка в «Свежем кавалерее» списана с горничной Флуга.

ГОГОЛЬ С КРАСКАМИ

Федотова нередко называют «Гоголь в живописи», что неудивительно. Оба творца – современники, умершие в один год. Обоих объединял талант меткого наблюдателя и знатока человеческой души, нежная душа и хрупкое здоровье, подорванное психическим заболеванием. И Гоголь, и Федотов оставили след в искусстве, но в личной жизни счастливы не были. В 1862 году критик Владимир Стасов писал: «С такими художниками, как Гоголь и Федотов, наше искусство вступило, наконец, на свой настоящий, единственный для него путь». О картине «Утро

чиновника, получившего орден, или Свежий кавалер» Стасов отозвался как о «чисто гоголевском создании по таланту, юмору и силе». Того же мнения был и Крамской, написавший Сурикову: «Федотов являлся отражением литературы Гоголя». Сам Николай Васильевич знал картины Федотова и высоко их ценил.

Современники вспоминали: Федотов не любил и не понимал Гоголя, оттого что находил у него слишком много карикатуры во всем. Впрочем, у самого Федотова уже не спросить, но известно, что после длительной беседы с Гоголем художник шепнул одному из присутствующих: «Приятно слушать похвалу от такого человека! Это лучше всех печатных похвал!»

Как известно, «вторым Гоголем» явился Достоевский. Видимо, Федотов – «третий». Федотов иллюстрировал в 1846 году коллективный фельетон Достоевского, Некрасова и Григоровича «Как опасно предаваться честолюбивым снам», а в 1848-м – рассказ Достоевского «Ползунков» для «Иллюстрированного альманаха» Панаева и Некрасова.

Павел Федотов много читал, хорошо владел немецким, играл на фортепиано, на гитаре и на флейте. Любил Крылова, Фонвизина, Островского, Лермонтова. Большинство своих рисунков художник снабжал развернутыми подписями, объясняющими мораль повествования.

Если его жанровые полотна и рисунки – проза, то портреты – поэзия, которая явно не вписывается в рамки понятия «критический реализм». Возможно, музы не всегда слушались Федотова, когда он слагал стихи, зато благоволили – когда он писал живую природу. Портреты художника, кого бы он ни изображал, удивительно добрые и чуткие. Он любовался своими моделями очарованно, а порой и сентиментально.

Нарядные дети завороженно и несколько картино рассматривают пеструю бабочку на руке девочки. Вторая – вспорхнула на ладонь мальчика. Одна деталь – но как трепетно она

РИА НОВОСТИ/СЕВЕРДОВ

Следствие
кончины
Фидельки.
1844 год.
Государственная
Третьяковская
галерея

Портрет детей
Жербины.
1850–1852 годы.
Государственный
Русский музей

передает настроение маленьких моделей! Это портрет Ольги и Федора Жербина. Художник обожал детей и легко с ними сходился. «Своим настроем, – рассказывает Григорий Голдовский, – живописные сочинения Федотова на темы детства заметно отличаются от всего, что было создано в этом направлении до него, и не знают аналогий в искусстве последующих периодов. В своих «детских» портретах мастер значительно более скрупулезен, чем во «взрослых» и уж, конечно, в жанровых ком-

позициях, намечает интерьер. Федотов отличался чувством формы и цвета и значимостью каждой детали. Ничто не отвлекает внимания от внутреннего мира моделей – естественных, живых и чистых». Помните знаменитый портрет Надежды Жданович? Тоненькая черноволосая девушка играет на клавесине. Если присмотреться, можно заметить, как под ее пальцами заглубляются клавиши. Или мистический образ полкового нотариуса Егора Гавриловича Флуга. Пожилой мужчина читает письмо. Его лицо озарено отблеском то ли свечи, то ли листа бумаги. Флуг кажется фигурой потусторонней, что не случайно, ведь это посмертный портрет, написанный по просьбе родственников с фигуры в гробу. Рисунки Павла Федотова менее знамениты, чем живописные полотна. А жаль. Ведь они – настоящая «русская человеческая комедия». Читатель, знающий Диккенса и раннего Достоевского, легко может представить рисунки Федотова иллюстрацией знакомых текстов. Взять, например, сепию с подписью «Бедной девушке краса – смертная коса». Миловидная бедная девушка, видимо белошвейка, понуро слушает проныру-сводню. Распахнутая дверь убогой каморки позволяет заметить, как дворник договаривается с офицером понятно о чем.

ПРЕДОСТАВЛЕНО РУССКИМ МУЗЕЕМ

«Вплоть до 1846 года акварель и особенно сепия – основная техника Федотова, – рассказывает Григорий Голдовский. – Наряду с программными батальными сценами («Переход егерей вброд через реку на маневрах») он выполнил серию из семи сепий, которые именовал эскизами, видимо, предполагая со временем воплотить их в сюжеты живописных произведений. Сепии 1844–1846 годов – федотовская классика. Вопреки ходульным представлениям юмор, пусть подчас горький, наблюдательность, басенная гротесковость в этой серии определенно преобладают над обличительным пафосом. Вспомните «Художника, женившегося без приданого в надежде на свой талант» или «Первое утро обманутого молодого», выяснившего наутро после свадьбы, что все имущество невесты, обещанное в приданое, выносят за долги, да и сама новобрачная без ухищрений способна внушить ужас! «Кончина Фидельки» и «Следствие кончины Фидельки» – хрестоматийные работы Федотова из этой же серии сепий – композиционно стройнее и сюжетно логичнее, хотя они вряд ли могли бы быть реализованы в живописной форме». Рисунков и акварелей Федотова сохранилось немало в том числе и благодаря современникам художника. Среди них был Андрей Иванович Сомов – художественный критик, историк искусства, хранитель Эрмитажа, отец знаменитого художника. Коллекция Сомова, подаренная Русскому музею, составила важнейшую часть графического наследия Федотова. Художник-литограф Александр Козлов пытался наладить издание федотовских рисунков, но Федотов к этому времени уже увлекался живописью. Книга «Сцены из вседневной жизни. Рисунки П.А. Федотова» вышла уже после смерти художника. На рисунках Федотова внизу подписи художника Семечкина, который подрисовал к рисункам обстановку и огрубил черты набросков. Оригиналы рисунков прошли долгие странствия: часть альбо-

Наброски, сделанные художником во время пребывания в больнице Всех скорбящих: Николай I смотрит на Федотова в лупу. Мужские и женские головы... Другие наброски. 1852 год.
Государственный Русский музей

ПРЕДОСТАВЛЕНО РУССКИМ МУЗЕЕМ

Разборчивая невеста.
1847 год.
Государственная Третьяковская галерея

мов были разрезаны и кусками продавались по дешевке. Людей, любящих художника, было довольно много, но они недооценивали своего друга, и случайные коллекционеры дарили друг другу рисунки, не очень ими дорожа. Случалось, Павел Андреевич рисовал во время разговоров, иногда оставлял рисунки хозяину, иногда просто бросал их на пол.

«ЧЕРВИВАЯ КАМОРКА»

«Последние работы художника – несколько вариантов «Вдовушки», «Анкор, еще анкор!», «Игроки» – трактуют тему трагической судьбы человека, не способного противостоять обстоятельствам, – объясняет Григорий Голдовский. – Все, что делает Федотов, особенно в поздних вещах, – автопортрет собственной души. Особенность связи домашнего пространства с внешним миром в интерьерной картине романтической эпохи – раскрытое окно. У Федотова роль такого элемента играют двери. Они прикрыты, полуоткрыты, распахнуты или плотно заперты и опечатаны (как во «Вдовушках»). Подобные приемы – очевидный мироощущенческий камертон. В последних полотнах художника не осталось ничего от безмятежной ясности, доброго наслаждения взгляда, юмора. В них отчаяние безвыходности, страх перед жизнью. Вспомните «Игроков». Картину считают незаконченной: утро, фигуры почти бесплотны, пустые рамы на стене... Мистика! Потусторонний мир, люди, существующие вне времени и пространства».

Вдовушка.
1851–1852 годы.
Государственная
Третьяковская
галерея

РИА НОВОСТИ/СВЕРДЛОВ

«С прекращением одинокой жизни кончится моя художническая карьера. <...> Нет, чтобы идти, и идти прямо, я должен оставаться одиноким зевакой

до конца моих дней», – признался Федотов Дружинину. Художник так и не женился, хотя «женили» своих персонажей не раз, и очень горько переживал свое

«Анкор,
еще анкор!».
1851–1852 годы.
Государственная
Третьяковская
галерея

РИА НОВОСТИ/ВЛАДИМИР ВДОВИН

одиночество... Спасти семью от разорения не удалось: отчий дом был продан за долги. Семья впала в нищету, будущее пугало художника, настоящее тяготило. Он заболел.

Федотов пропал. Говорили, что он заказал себе гроб и «примирял» его, накупил на полученный гонорар драгоценностей для воображаемой свадьбы... Федотов побывал в нескольких домах у знакомых и в каждой семье посватался, вызвав недоумение хозяев... Павел Андреевич был помещен в психиатрическую лечебницу. Друзья Лев Жемчужников и Александр Бейдеман навестили несчастного, оставил не только воспоминания об этой встрече, но и рисунок, который попал к государю, после чего художника перевели в другой дом скорби и выделили из казны на это средства.

В больнице Федотов продолжал рисовать, хотя рука ему изменила. Один из самых знаменитых рисунков: Николай I смотрит на художника в лупу. Дней за десять до своей смерти Федотов пришел в себя, попросил послать за друзьями. Но сторож, получивший от денщика на водку, запил... Друзья Федотова в живых уже не застали. В газетах о смерти прославленного художника не писали.

«Федотов был связан с петрашевцами. Но если для Достоевского это имело последствия, то для Федотова – нет. Да, власти запретили публиковать объявление о смерти художника. Но не стоит в этом усматривать исключительно политический подтекст. Известный живописец умер в сумасшедшем доме. Это ли не причина не шуметь?» – размышляет Григорий Голдовский.

«Червивая каморка» – эту похоронную метафору Жемчужников слышал от Федотова. Свою «каморку» художник обрел сначала на Смоленском кладбище, потом – в некрополе Александро-Невской лавры. Павел Андреевич Федотов умер 14 ноября 1852 года. ⚡

В.Н. Курдюмов.
Иллюстрация
к «Сказке
о царе
Салтане»

идут из книги, от книжных и западноевропейских и даже восточных (вернее, принимаемых Пушкиным за восточные) источников». По мнению Азадовского, сказки Пушкина стали его вкладом в спор о народности литературы: «В работе над сказками Пушкин шел тем же путем, каким шел во всей своей литературной деятельности, стремясь овладеть всем богатством мировой литературы. <...> Задачей же его является стремление передать чуждые сюжеты так, чтобы они стали подлинно-национальными». И с этой задачей поэт справился превосходно. Не только в России, но и во всем мире сказки Пушкина воспринимаются как бесценные сокровища русской культуры, неотъемлемое достояние нашего народа, его великое наследие. Со временем они даже оказали влияние на фольклор. Об этих сказках мы вправе с гордостью сказать: «Там русский дух, там Русью пахнет!»

Ведь Пушкин был не только выдающимся знатоком народной культуры, но и непревзойденным знатоком народного языка. Вот неоспоримое доказательство: Александр Сергеевич много лет записывал русские песни, а затем подарил тетрадь с записями собирателю фольклора Петру Киреевскому. Отдавая тетрадь, Пушкин сказал: «Там есть одна моя, угадайте!» Сколько ни искал Киреевский, но так и не смог отличить пушкинскую «подделку» от народного творчества. И до сих пор ученые не могут установить, которая из этих песен написана поэтом.

Песни и сказки с детства окружали Александра Сергеевича. Как всякий ребенок, он слышал их еще в колыбели. Замечательной рассказчицей была не только няня, о чем все мы знаем со школьной скамьи, но и бабушка маленького Саши – Мария Алексеевна Ганнибал. Она привила будущему поэту любовь не только к сказкам, но и к истории. От нее Саша услышал семейные предания Пушкиных и Ганни-

ТАМ РУССКИЙ ДУХ

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

В ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ ФАИНЫ РАНЕВСКОЙ ЧИТАЕМ:
«МАЛЬЧИК СКАЗАЛ: «Я СЕРЖУСЬ НА ПУШКИНА, НЯНЯ ЕМУ
РАССКАЗАЛА СКАЗКИ, А ОН ИХ ЗАПИСАЛ И ВЫДАЛ ЗА СВОИ».
ПРЕЛЕСТЬ! НО БОЮСЬ, ЧТО МАЛЬЧИК ВСЕ ЖЕ ПОЛНЫЙ ИДИОТ».

МНЕНИЕ О ТОМ, ЧТО няня Арина Родионовна наговорила Пушкину его знаменитые сказки, а он просто записал их стихами, распространено необычайно широко. Его разделяли даже такие знатоки творчества поэта, как Николай Смирнов-Сокольский – не только известный артист эстрады, но и не менее известный библиофил, автор книги «Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина». В фельетоне «Золотая рыбка» он писал: «Пушкин, будучи взрослым и уже знаменитым поэтом, любил слушать сказки няни Арины Родионовны и после перекладывал их в искрометные строчки. Помните, например, его сказку о золотой рыбке?»

Эти слова Смирнова-Сокольского тем более странны, что еще в 1936 году в первом выпуске

«Временника Пушкинской комиссии» литературовед и фольклорист Марк Азадовский напечатал обстоятельную статью «Источники сказок Пушкина». Ученый установил, что «из шести сказок, записанных Пушкиным, только одна («Сказка о попе и о работнике его Балде») идет непосредственно из устного творчества. Все остальные

П.И. Геллер.
Пушкин и няня.
1891 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

балов. В незавершенной поэме «Езерский» Александр Сергеевич признавался: «Люблю от башушки московской // Я слушать толки о родне, // Об отдаленной старине».

История в устном, народном или семейном, изложении близка фольклору. «Преданья русского семейства» переплетаются с былинами. А от них рукой подать до народных песен и сказок. Очень короток путь от князя Владимира Красное Солнышко до царя Салтана. Это важно помнить, ведь работая над сказками, Пушкин пользовался и былинами.

Впервые к фольклору поэт обращается еще в юности. В лицее он пишет сказочную поэму «Бова», оставшуюся неоконченной. В 1818 году приступает к поэме «Руслан и Людмила» и завершает ее в 1820-м. Но эти произведения, особенно «Руслан и Людмила», более близки к западноевропейскому рыцарскому роману и к происходящей от него русской лубочной литературе, чем к фольклору.

В 1822 году Александр Сергеевич пишет сказку «Царь Никита и сорок его дочерей», называемую пушкинистами «нескромной». Нескромна она до такой степени, что не только ребенку, но и не всякому взрослому стоит ее читать. Между тем это уже настоящая пушкинская сказка, в которой видны прообразы последующих. И начинается она обязательным «жил-был»:

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творил добра, ни зла,
И земля его цвела.

И заканчивается непременным пиром:

Царь на радости такой
Задал тотчас пир горой,
Семь дней сряду пировали,
Целый месяц отдыхали.

К подлинным народным сказкам Пушкин обратился во время Михайловской ссылки. В деревне он коротал вечера, слушая рассказы няни. В ноябре 1824 года поэт сообщал брату Льву: «Знаешь ли мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю позд-

Р.Ф. Штейн.
Иллюстрация
к поэме «Руслан
и Людмила».
1891 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

но. После обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки».

Приблизительно в это же время (конец 1824 – начало 1825 года) Пушкин пишет пролог ко второму изданию «Руслана и Людмилы» – с детства всем нам известное «У лукоморья дуб зеленый...». Это стихотворение можно назвать основополагающим – в нем показано все волшебное многообразие русского фольклора и намечены сюжеты, к которым поэт мог бы обратиться. Недаром безымянный пушкинский современник в газете «Северная пчела» писал о прологе: «Это перечень всего сказочного мира русского».

Живя в Михайловском, Пушкин приходил на деревенские праздники или на ярмарку у стен Святогорского монастыря.

Здесь поэт общался с крестьянами, в том числе с опытными певцами и сказителями, записывал их шутки, песни и побасенки. Бесценный опыт общения с народом впоследствии помог Александру Сергеевичу в работе над сказками.

Эта работа началась в 1830 году. Тогда Пушкин написал «Сказку о попе и о работнике его Балде». В 1831-м – «Сказку о царе Салтане». В 1833-м – «Сказку о мертвом царевне» и «Сказку о рыбаке и рыбке». В 1834-м – «Сказку о золотом петушке». К 1830-м годам относится и неоконченная «Сказка о медведихе».

Сам поэт причислял к сказкам и балладу «Жених», написанную в 1825 году. Но в наши дни «Жених» не входит в круг детского чтения, поэтому обычно не по-

мещается среди пушкинских сказок.

Происхождение «Сказки о попе и о работнике его Балде» Азадовский не стал подробно исследовать, поскольку считал этот вопрос «достаточно выясненным». Действительно, ее единственный источник – народная побасенка, записанная Пушкиным в 1824 году. И мы не будем на ней подробно останавливаться. Только вспомним, что при жизни поэта сказка не издавалась. Впервые ее напечатал в 1840 году Василий Жуковский. Причем по требованиям цензуры он поменял попа на купца Кузьму Остапопа. В искаженном виде произведение издавалось до 1882 года.

ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ БЕЛКА?

Пожалуй, важнейшая среди сказок Пушкина – «Сказка о царе Салтане». В ней не только раскрылся наиболее полно талант поэта-сказочника, но и отразились его чувства к красавице-невесте: любовь к избраннице и тревога за будущее. На это еще в 1933 году обратил внимание литературовед Александр Слонимский.

Действительно, в феврале 1831 года Пушкин пишет приятелю Николаю Кривцову: «Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей».

А летом 1831 года поэт пишет «Сказку о царе Салтане», в которой князь Гвидон вздыхает:

*Люди женятся; гляжу,
Неженат лишь я хожу.*

На это Царевна Лебедь замечает:
Но жена не рукавица:

*С белой ручки не стражнешь,
Да за пояс не заткнешь.*

И в ответ:

Князь пред нею стал божиться,

Что пора ему жениться,

Что об этом обо всем

Передумал он путем.

Сходство чувств и мыслей очевидно.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.А. Табурин.
Иллюстрация
к поэме «Руслан
и Людмила»

«Сказке о царе Салтане» предшествует несколько черновых записей разных лет. Исследуя их, Азадовский установил, что сюжет заимствован Александром Сергеевичем из литературных источников – европейских романов и русских

лубков. Один из источников – сказка «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» – встречается в рукописных книгах. Есть она и в известном собрании сказок Александра Афанасьева.

По всей Евразии распространен этот сюжет: царь подслушивает разговор трех сестер и женится на той, что обещает родить ему чудесного ребенка; после свадьбы царь отправляется на войну; в его отсутствие рождается чудесный ребенок, которого вместе с матерью хотят погубить завистливые сестры царицы, и проч.

Похожая сказка имеется, например, в сборнике «Приятные ночи» итальянского писателя Джованни Франческо Страпаролы. Этот сборник был известен Пушкину по французскому переводу баронессы д'Ольнуа.

Подобная побасенка также встречается во французском переводе «Тысячи и одной ночи», сделанном Антуаном Галланом. Но среди подлинных арабских сказок такого сюжета нет. Галлан совершенно произвольно включил его в свой перевод. Источник сказки Галлана неизвестен.

Когда-то литературовед Василий Гиппиус заметил: «Историческая роль Пушкина не сводится к роли передаточной инстанции, к роли комиссио-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.Я. Билибин.
Иллюстрация
к «Сказке о царе
Салтане».
1905 год

нера по поставке западноевропейского материала». И в этом случае Александр Сергеевич не просто перевел сказку с французского языка. Он переделал ее в подлинно народном духе. Из необработанного европейского алмаза получился чистый русский бриллиант.

Из побасенки «По колена ноги в золоте» Пушкин заимствовал волшебного кота: «У моря лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи. И по тем цепям ходит кот. Вверх идет – сказки сказывает. Вниз идет – песни поет». Это чудо, которым в сказке пытаются удивить и отвлечь царя.

У Александра Сергеевича кот перебрался в пролог к «Руслану и Людмиле». А его место заняла волшебная белка, которая «песенки поет и орешки все грызет». Азадовский отметил: «Что же касается мотива белки, грызущей золотые орешки с изумрудными ядрами, то его источник остается пока совершенно неясным. Русскому фольклору он совершенно чужд».

Чудесная белка Рататоск, живущая на исполнинском ясене Игтдрасиль, упоминается в скандинавских преданиях, в «Старшей Эдде». Но Пушкин не был знаком с этой книгой.

Было бы соблазнительно предположить, что белка заимствована из «Слова о полку Игореве», которым Александр Сергеевич увлекался. Он сам принял участие в обсуждении того, как понимать выражение «Слово» о вещем Бояне: «Растекашется мыслию по древу». Ученые до сих пор спорят: Боян растекался «мыслию» или «мысию» – белкой?

Увы, чтение «мысь» было предложено только в середине XIX века литературоведом Николаем Корелкиным. Сам Пушкин полагал в этом месте описку. По его мнению, Боян должен расстекаться по древу не «мыслию», а «славием» – словоъем.

И нам остается только согласиться с Азадовским – происхождение чудесной белки совершенно неясно.

Братъя въ турьору домъй разъерали я той пой

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Р.Н. Браиловская.
Иллюстрация
к «Сказке
о мертвом
царевне и семи
богатырях».
1915 год

КАМБАЛА, А НЕ ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Не меньшее впечатление, чем «Слово», произвело на русское общество сборник былин Кирши Данилова, впервые изданный в 1804 году. Из этого сборника, из былины о богатыре Потоке, Пушкин заимствовал белую лебедушку, обернувшуюся «душой красной девицей». Из шутливой песни о дурне – бабу Бабариху. Заимствования из сборника Кирши Данилова также попали в «Сказку о мертвом царевне». Это пятигорские черкесы, которые неоднократно упоминаются в былинах.

У «Сказки о мертвом царевне» Азадовский обнаружил два источника: русский и немецкий – сказку «Белоснежка и семь гномов» из сборника братьев Гримм. Пушкин не знал немецкого языка. Но в его библиотеке была книга *Vieux contes* – первый французский перевод сказок братьев Гримм, вышедший в 1830 году в Париже. Именно им пользовался Александр Сергеевич при работе над своими произведениями. Из книги *Vieux contes* поэт заимствовал начало: царица ждет возвращения мужа; она сидит у окна и смотрит на снег; рождается дочь, белая как снег; царица умирает; царь женится во второй раз; мачеха ненавидит падчерицу и хочет ее погубить. В сказке Гримм Белоснежка находит приют у семи гномов. Поэт заменил гномов, чуждых нашему фольклору, богатырями. С этого места немецкую побасенку сменяет русская – сказка о царевне, заблудившейся в лесу. Ее запись имеется в тетрадях Пушкина.

В своем произведении Александр Сергеевич выводит новое действующее лицо – жениха-королевича Елисея. Его нет ни в немецкой, ни в русской сказках. В них юноша случайно наталкивается на гробницу царевны, «влюбляется в ее труп» (так записано в тетрадях Пушкина) и воскрешает ее поцелуем. Азадовский считал, что образ жениха, разыскивающего пропавшую невесту, взят поэтом из западноевропейской традиции. Обращение королевича Елисея к солнцу, месяцу и ветру заимствовано Александром Сергеевичем из сказки братьев Гримм «Поющий и прыгающий львиный жаворонок». В ней молодая королева ищет мужа, превращенного в белого голубя, и обращается к солнцу, месяцу и четырем ветрам. И только южный ветер открывает королеве межстопребывание супруга. Целиком из сборника Гримм взята «Сказка о рыбаке и рыбке», пожалуй, самая русская из всех сказок Александра Сергеевича. Сложно поверить, но перед нами немецкая «Сказка о рыбаке и его жене».

И.Я. Билибин.
«Пришел
невод с одною
рыбкой...».
Иллюстрация
к «Сказке
о рыбаке
и рыбке». 1908 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Любопытно отметить, что первоначально поэт называл это произведение «песнь сербская» и хотел включить ее в цикл «Песни западных славян».

Конечно, и в русском фольклоре есть сказка о жадной жене, покорном муже и чудесном существе, исполняющем их просьбы. Но в наших побасенках вместо рыбки действует волшебное дерево-береза, птица-дрозд или коток-золотой лобок. Последняя просьба разбогатевших стариков – сделать их такими страшными, чтобы никто не осмелился похитить их сокровища. Эта просьба выполняется – старики превращаются в медведей.

В черновиках пушкинская сказка кончается так же, как и немецкая, – старуха заявляет мужу: «Не хочу я быть вольною царицей, я хочу быть римскою папой». Старик идет к морю, кличет рыбку, и та исполняет очередную прихоть «сварливой бабы». Рыбак возвращается к старухе – и что же видит?

Перед ним монастырь латынский,
На стенах латынские монахи
Поют латынскую обедню.

Перед ним вавилонская башня.
На самой верхней на макушке
Сидит его старая старуха.

На старухе сарачинская шапка,
На шапке венец латынский,
На венце тонкая спица,
На спице Строфилус-птица.

В немецкой сказке, побыв «римскою папой», старуха возжела-ла сделаться Господом Богом,

чтобы солнце и луна двигались по небу с ее дозволения. И в черновиках Пушкина старуха заявляла: «Хочу быть владычицей солнца». Но затем поэт зачеркнул эти слова и написал: «Хочу быть владычицей морскою».

Впрочем, Александр Сергеевич понимал, что конец у сказки получился слишком немецким. Русскому православному читателю образ римского папы не понятен и не близок. Поэтому он убрал последнее желание старухи. Впрочем, это не единственное отличие пушкинской сказки от гrimmовской.

В последней желания старухи исполняет не просто золотая рыбка, а большая камбала, которая к тому же оказывается очарованым королевичем. И попадается камбала не в невод, а на удочку. В немецкой сказке нет знамени того разбитого корыта. У братьев Гримм первая просьба жены ры-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иллюстрация
неизвестного
художника
к «Сказке
о рыбаке
и рыбке». Конец XIX века

бака – новый дом вместо землянки. В нее, лишенная всего, старуха и возвращается. У Пушкина же старуха возвращается не просто в землянку, а к разбитому корыту. Это корыто – символ крушения честолюбивых желаний – замечательная находка Пушкина, без которой уже невозможно представить русскую фразеологию.

И, естественно, в немецкой сказке нет тех тщательно выписанных деталей нашего старозаветного быта (тесовые ворота, дорогая соболья душегрейка, пряник печатный и проч.), что так украшают произведение Пушкина.

«Сказку о золотом петушке» исследовала Анна Ахматова и в 1933 году посвятила ей статью «Последняя сказка Пушкина». Поэтесса установила, что источником сказки является «Легенда об арабском звездочете» американского писателя Вашингтона Ирвинга. Она входит в сборник The Alhambra, изданный в Лондоне в 1832 году. Одновременно в Париже был напечатан и французский перевод – Les contes de l'Alhambra. В библиотеке Пушкина имелось французское издание сборника.

Современники восприняли The Alhambra как собрание подлинных испанских народных сказок. Скорее всего, так его воспринял и Александр Сергеевич. Первоначально он довольно близко следовал за сюжетом произведения Ирвинга. Например, Пушкин перевел стихами прозаический отрывок о чудесных шахматах, имеющийся у американского писателя:

Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою.
Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки сидят.

Но в русскую сказку этот отрывок все-таки не вошел. Цензура также несколько сократила сказку при ее печатании в 1835 году в журнале «Библиотека для чтения». Цензор Александр Никитенко убрал «крамольные» строки «Царствуй, лежа на боку» и «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок».

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

При жизни Александра Сергеевича критика по-разному относилась к его сказкам. Широко известны недоброжелательные отзывы Виссариона Белинского о «мертвых безжизненных сказках» Пушкина, о его «неудачных опытах подделаться под русскую народность»: «Самые его сказки – они, конечно, решительно дурны, конечно, поэзия и не касалась их. Но все-таки они целою головою выше всех попыток в этом роде других наших поэтов. Мы не можем понять, что за странная мысль овладела им и заставила тратить свой талант на эти поддельные цветы».

Менее известны, но не менее любопытны отзывы других пушкинских современников. Собственно говоря, большинство из этих отзывов касается «Сказки о царе Салтане», напечатанной в 1832 году в третьей части «Стихотворений Александра Пушкина».

Например, поэт и критик Георгий (Егор) Розен писал в газете «Северная пчела»: «В сей книге есть и новые пьесы, между коими особого внимания достойна «Сказка о царе Салтане...» – большая прелестная пьеса, которая отдельно составила бы довольно порядочную книжку... Отделанная от сора и нечистоты и сохранившая только свое золото, русская сказка

у него золотозвучными стихами извивается по чудесной области народно-романтического. Гений старины, омывшись, как лебедь, в Кастальском ключе пушкинской поэзии, носится мимо нас легким мелодическим полетом! Удивительно счастливо здесь соединена на-

Ф.Л. Соллогуб.
Иллюстрация
к «Сказке
о золотом
петушке»

родность выражения со всему очаровательностью пушкинской дикции».

Неизвестный критик в «Дамском журнале» восхищался: «Нам остается только поздравить читающую публику с новым птическим удовольствием, в котором, без сомнения, займет первое место «Сказка о царе Салтане...».

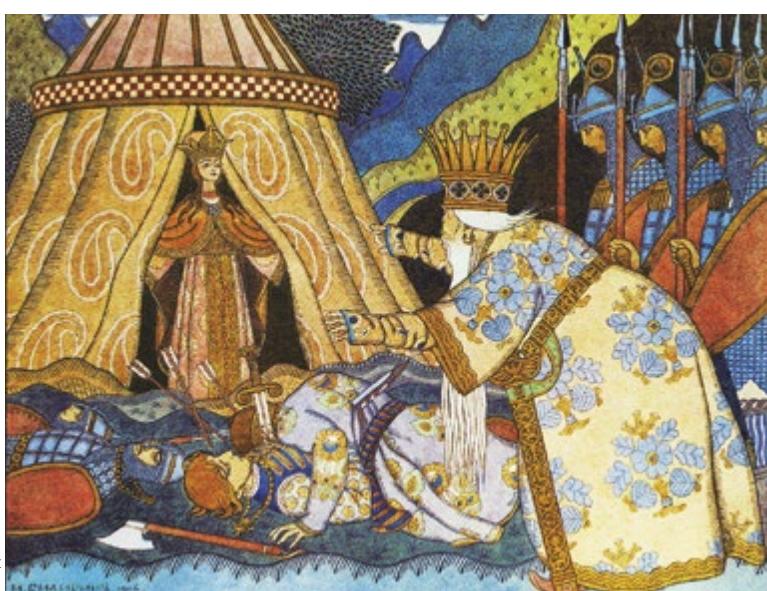
Недоброжелательно встретил сказки Пушкина издатель и критик Николай Надеждин. В своем журнале «Телескоп» он писал о «Сказке о царе Салтане»: «Одна сухая, мертвая работа – старинная пыль, из которой, с особым попечением, выведены искусные узоры».

Надеждину вторил писатель и критик Ксенофонт Полевой. Он находил в литературных сказках только «подражание предкам». Произведениям Пушкина и Жуковского Полевой посвятил особую статью, «О новом направлении в русской словесности», напечатанную в журнале «Московский телеграф». Она заканчивается призывом к поэтам: «Остановитесь! Довольно опытов и неудачных странствий в чужие владения. Будьте русскими не прошедших веков, но настоящего времени».

С тех пор минуло почти два века. Мудрое время расставило все на свои места. Сегодня, пожалуй, только ученые-филологи помнят о Полевом и Надеждине. Да и Белинского теперь мало кто читает. Гневные статьи критиков обратились в «старинную пыль». А «мертвые безжизненные сказки» Пушкина благополучно пережили испытание временем.

Сколько поколений выросло на этих сказках! Сколько детей испытало истинное, ни с чем не сравнимое удовольствие при первом знакомстве с ними! Пушкинское лукоморье устояло назло всем бурям. Не повалили буйные ветры чудесный дуб, не оборвали его зеленые листья. И еще не один век кот ученый будет радовать наших детей – заводить песни и говорить сказки. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.Я. Билибин.
Иллюстрация
к «Сказке
о золотом
петушке».
1907 год

МОРЖЕЙ БЛОКАДНЫЙ БАТАЛЬОН

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В ФИНЛЯНДИИ ИХ ЗОВУТ ВЫДРАМИ, НЕРПАМИ И ТЮЛЕНЯМИ, В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ, ГДЕ ИХ ТОЖЕ НЕМАЛО, – БЕЛЫМИ МЕДВЕДЯМИ. А В РОССИИ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЗИМНЕГО ПЛАВАНИЯ НАЗЫВАЮТ МОРЖАМИ. А МОРЖИ ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА – ОСОБЕННЫЕ. МНОГИЕ ИЗ ТЕХ, КТО И СЕЙЧАС С УДОВОЛЬСТВИЕМ НЫРЯЕТ В ЛЕДЯНУЮ ВОДУ, В СВОЕ ВРЕМЯ ПЕРЕЖИЛИ ХОЛОД И ГОЛОД БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА.

ДЛЯ МОРЖЕЙ НАЧАЛО весны – это уже «конец» купального сезона: лед тает, проруби делать не надо. Но оказывается, что январские и фев-

ральские морозы для пловцов гораздо более предпочтительны – чем холоднее на улице, тем теплее в воде.

– Самое неприятное – это плавать в талой воде, когда лед

уже сошел, – объясняют опытные моржи. – Температура этой воды стремится к нулю, она жесткая и колючая. Температура воды подо льдом всегда в районе 3–4 градусов тепла. Когда на воздухе минус 20, то окунаться даже тепло.

В Санкт-Петербурге есть несколько мест, где традиционно собираются любители зимнего плавания. Пожилые моржи предпочитают окунаться в парке Победы – в Матросском пруду всю зиму «работает» 25-метровая прорубь, в которой и в будни, и в выходные неторопливо плавает целая компания купальщиков, ныряя с головой и пофыркивая от удовольствия.

Гуляющих в парке эти люди давно уже не удивляют – клуб закаливания находится на этом месте уже более полувека. Поскольку в послевоенные годы практически все моржи, приходящие сюда «окунаться», воевали на Великой Отечественной войне, то еще в советское время родилась традиция устраивать праздничные заплывы в честь

годовщины полного снятия блокады Ленинграда.

– Помню, в годы перестройки столько зрителей приходило посмотреть на наши заплывы, что мест всем не хватало, поэтому мальчишки залезали на деревья и смотрели на наше купание сверху, – вспоминает президент петербургской Федерации закаливания и зимнего плавания Борис Ратушный. Именно он организует этот праздник из года в год. – В этом году зрителей тоже собралось немало. Нас, участников, было 35 человек, самому юному моржу не было и 10 лет, самому пожилому – 86. Это – наша легенда, житель блокадного Ленинграда Нариман Муртазаев. Сейчас из-за возраста Нариман Муртазаев проплыает лишь половину 25-метровой «дорожки», а прошлом он участвовал в международных соревнованиях, даже проходил многокилометровую дистанцию по проливу Босфор в Турции и озеру Балатон в Венгрии.

«А ВАМ НЕ ХОЛОДНО?»

У праздничного ежегодного заплыва есть свои традиции – сначала все участники выстраиваются в ряд на небольшой митинг: выносят флаг Советского Союза, ведь именно с ним ленинградцы воевали против немецких оккупантов. Борис

Ратушный представляет каждого участника, после чего все они берутся за руки и громко произносят: «Нас не согнуть!» После плавания никто не торопится бежать в раздевалку – купальщики греются у поминального костра и общаются со зрителями, отвечая на вопросы, самый распространенный из которых звучит так: «А вам не холодно?»

Борис Ратушный – предводитель питерских моржей уже более двадцати лет

Люди в купальниках и шлепках контрастируют с обычными посетителями Московского парка Победы

– Иногда еще и здоровья поже-лают, – смеются моржи. – Когда мы говорим, что нам не хо-лодно, нам часто не верят. Хотя доказательство налицо – даже мурашек нет!

– Это известный эффект, – до-бавляет Борис Ратушный. – При окунании в ледяную воду кровь приливает к коже через самые мелкие капилляры, кото-рые в обычной жизни не рабо-тают. Кожа краснеет, становится даже жарко. И можно несколь-ко минут после купания спокой-но находиться на холоде и не мерзнуть.

– Я лишь в этом году стала за-ниматься моржеванием, – рас-сказывает многодетная мама Лидия Шарапова. – Два месяца собиралась с духом, все не могла решиться. Зато теперь такое удовольствие получаю! Это как прыжок с парашютом! Столько адреналина и ярких эмоций по-том! Прихожу плавать и зани-маться физкультурай каждые выходные, спасибо мужу, что поддерживает и отпускает.

76-летний Александр Касьянчук – морж с 40-летним ста-жем. Он много лет работал начальником электротехниче-ской службы на атомных ледо-колах. Этот ленинградец стал легендой среди многочислен-ных иностранных туристов, которые путешествовали на ледоколах на Северный по-люс: Александр Касьянчук не только купался в Северном Ле-довитом океане, но и, вылезая из воды, садился на льдине в позу лотоса и просил присы-пать себя снегом.

– Вы не представляете, как это приятно! – горячо убежда-ет морж. – Снег после купания по ощущениям – как мягкое пуховое одеяло. Океанская вода холоднее пресной, ее темпе-ратура ниже нуля, поэтому вы-лезешь на воздух – и так тепло станови-тся! От тебя пар валит, ты словно дышишься! Мне уже скоро 80 лет, но я решил – пока ноги держат, буду обливаться. Поэтому каждый день выли-ваю на себя по два ведра ледя-ной воды.

«У СИБИРИЯКОВ МОРЖЕВАНИЕ В КРОВИ»

В начале марта в Тюмени прошел 10-й чемпионат мира по зимнему плаванию. Соревноваться в скорости в ледяной воде приехали спортсмены со всего мира, в том числе и жители таких теплых стран, как Бразилия, США, Аргентина. Питерцы не ударили в грязь лицом – команда Вячеслава Тихонова, который сам стал чемпионом мира в 2010 году, увезла несколько золотых медалей.

– Нас четверо: трое мужчин и одна женщина, – рассказывает Вячеслав Тихонов. – Соревновались в различных дистанциях – 25, 50, 100 и 400 метров, плавали кролем и брассом. У нас были приличные шансы на победу, но и соперники сильные – особенно сибиряки. У них моржевание в крови. У финнов тоже традиционно серьезная подготовка, а в последнее время очень удачно выступают китайцы. У нас хорошая команда, все мы – не только моржи, но и мастера спорта по «обычному» плаванию. Просто уметь быстро и технично плыть в зимнем плавании недостаточно, нужно знать особенности холодной воды. Она забирает больше энергии, скорость снижается, на длинных дистанциях подмерзают пальцы рук и ног. Если плывешь километр – это по времени занимает четырнадцать-пятнадцать минут, – то пальцы прилично «прихватывает», но это нормально, главное – не паниковать.

Вячеслав Тихонов знает, что говорит: 46-летний спортсмен участвовал в заплывах в Беринговом проливе при температуре воздуха минус 50 градусов.

Еще одни чемпионы из Петербурга – супруги Елена и Дмитрий Дроздовы. В январе они вернулись из Китая, где участвовали в Международном фестивале зимнего плавания. Оба привезли оттуда золотые медали – Елена первой приплыла на дистанции 50 метров вольным стилем, а Дмитрий – брассом.

– В Китае, по примерным подсчетам, около 600 тысяч моржей, – рассказывает Елена Дроздов

Ветеран
Нариман
Муртазаев
и в 86 лет
не боится
нырнуть
в прорубь

Бесстрашные
моржики
идут к проруби
первыми

дова. – Город, где проходили соревнования, называется Цзинань, там из-под земли бьют теплые минеральные источники, из-за чего температура в озере Даминг всегда около 8 градусов тепла. Поэтому там почти все жители купаются круглый год. С китайцами трудно бороться, но мне удалось сделать рыбок под самый конец заплыва и прийти первой.

БОЛЕЗНИ ХУЖЕ ФАШИСТОВ

Сам Борис Абрамович Ратушный тоже чемпион. Ему 78 лет, но два года назад он стал серебряным призером чемпионата мира по зимнему плаванию в финском городе Рованиеми. Борис Ратушный – блокадник.

– В 1995 году, в год празднования 50-летия Победы, мы создали «Моржей блокадный батальон», в который вошло много жителей блокадного Ленинграда и ветеранов, – говорит Борис Абрамович. – Все они активно участвовали в соревнованиях и купались круглый год. К сожалению, время неумолимо, и в этом году мы с Нариманом Муртазаевым остались только вдвое. Например, почетным членом клуба являлся генерал-майор Александр Иванович Коробицын, который на рассвете 22 июня 1941 года первым из советских летчиков сбил вражеский самолет. Он уже ушел из жизни. Кому-то здоровье уже не позволяет совершать заплывы. Галина Яковлевна Романова – ей сейчас 83 года – в августе 1990 года, будучи уже на пенсии, совершила уникальный десятичасовой заплыв по течению Невы – 53 километра от Шлиссельбурга до Володарского моста. Она хотела плыть и дальше, но сопровождающие ее на катере милиционеры взмолились о пощаде – они очень устали.

Сам Борис Ратушный никогда не был спортсменом – в детстве он был очень хилым ребенком. – Во время блокады нас с мамой спасло то, что под кроватью случайно нашлась банка с гусиным жиром, которую нам родственники прислали из Крыма. Поэтому мы выжили. Но из-за нехватки витаминов по пути в эвакуацию я, 5-летний мальчик, временно ослеп, – рассказывает Борис Ратушный. – Да и после войны я не занимался спортом, стоило добежать 150 метров до трамвая, как начинал задыхаться и кашлять. Лишь в 42 года вдруг стал делать зарядку и обливаться холодной водой. Потом начал бегать, вступил в клуб моржей. Мой девиз – все нужно делать постепенно, рассчитывая ресурсы своего организма. Это вообще удивительный феномен – люди, пережившие блока-

ду, мерзнувшие и голодавшие в нетопленых квартирах Ленинграда, должны были навсегда возненавидеть холод. Но почему-то именно они в послевоенные годы организовывали по всему городу клубы закаливания и моржевания.

– Известный факт – во время войны люди мало болели обычными болезнями. Просто им было не до того. Держались и верили в победу. Но после войны болезни накинулись на блокадников и ветеранов хуже фашистов! Люди возвращались с войны, но через несколько лет умирали от «гражданских» болезней. Сердечные проблемы, язвы желудка, онкология. Да и ужас пережитых лет давал о себе знать. Многие поняли, что здоровый образ жизни – это единственный путь к спасению. Так люди начинали закаляться, ста-

В оттепель лед на пруду тает, но таля вода для купания самая колючая

новились моржами. Например, среди наших ленинградских моржей была бывшая разведчица, у нее обнаружили рак груди. Она не сдалась и шестнадцать лет приходила купаться каждый день в любую погоду. И не давала болезни развиться. Да у меня самого радикулит как рукой сняло, с тех пор как я стал моржевать! Но, конечно, купание в ледяной воде – стресс для организма, в этом нужно отдавать себе отчет. Одно время было очень модно закаливать своих новорожденных детей, окуная их в прорубь с головой. Я этого не одобряю – все-таки моржом можно стать только по собственному желанию, а у малышей никто не спрашивает. Они плачут, кричат, а их все равно макают в ледяную воду. Я убежден, такие дети могут вырасти довольно жестокими людьми.

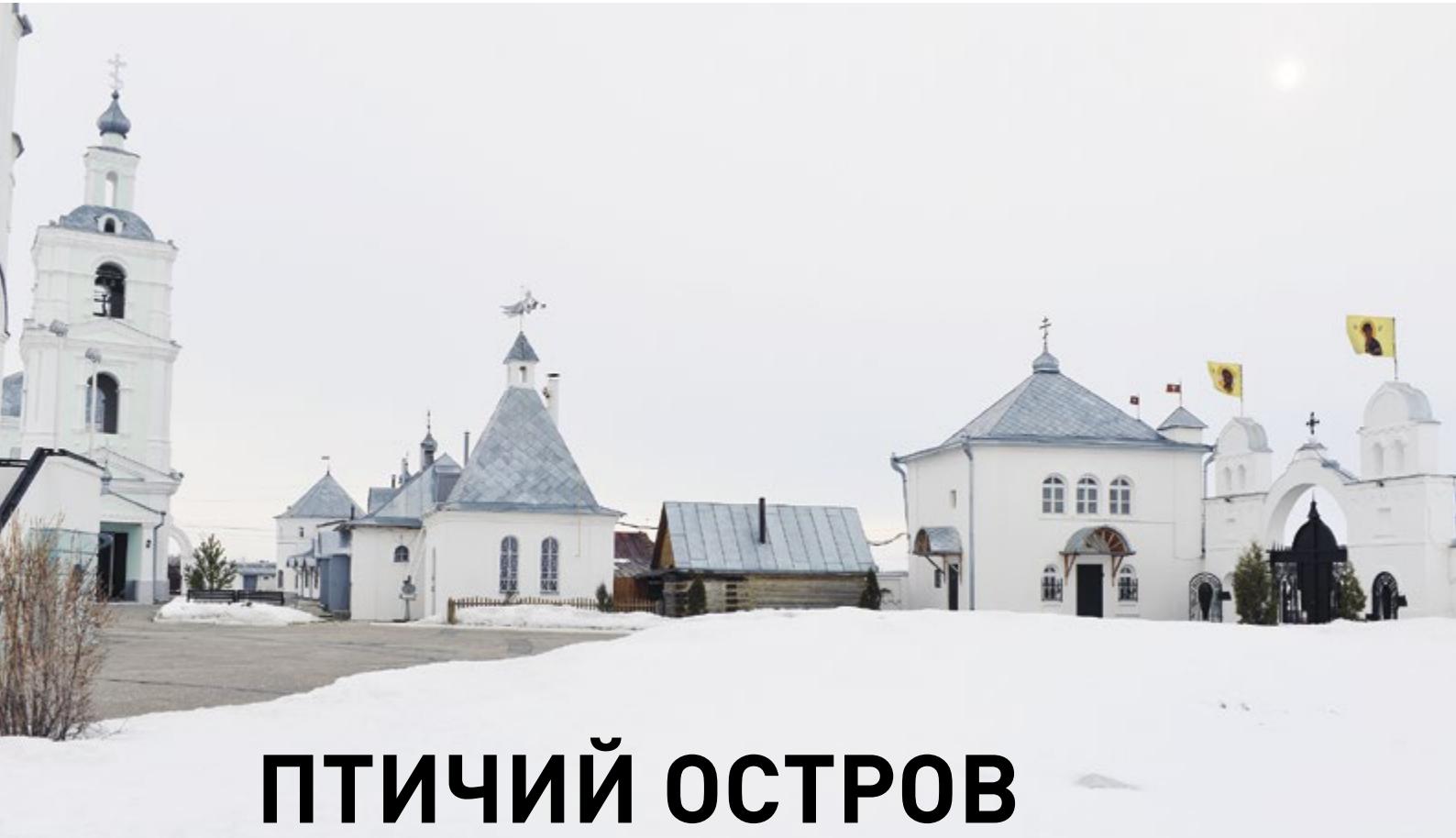
По мнению Бориса Ратушного, не всем стоит лезть в ледяную воду – например, людям с большими почками такие эксперименты противопоказаны. Всегда почки очень болезненно реагируют на холод.

– Когда к нам в клуб моржей приходят записываться новые члены, я без стеснения спрашиваю у них о состоянии их психического здоровья, – говорит Борис Абрамович. – Людям с нервными и психическими заболеваниями моржевание может нанести вред – ведь окунание в холодную воду сильно возбуждает нервную систему.

...Никто из купающихся толком так и не смог объяснить, почему же их так тянет в ледяную воду. «Кайф», «адреналин», «наркотик», «эйфория», «обновление», «прилив сил» – вот самые распространенные ответы. Но стоит лишь посмотреть на пожилых людей, переживших блокаду Ленинграда, которые, бодро улыбаясь, вылезают из проруби, всем своим видом опровергая стереотипы о «немощных блокадниках», и никакие дополнительные объяснения уже не нужны. ☺

Закаленные пловцы даже в ледяной воде чувствуют себя «как дома»

ПТИЧИЙ ОСТРОВ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КАЖДЫЙ ГОД В АПРЕЛЕ АРСКИЕ ХРАМЫ, ЧТО НАХОДЯТСЯ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ, ПРЕВРАЩАЮТСЯ В «ПТИЧИЙ ОСТРОВ». В ФЕВРАЛЕ И МАРТЕ СО ВСЕЙ РОССИИ СЮДА, В УДАЛЕННОЕ ОТ БОЛЬШИХ ДОРОГ СЕЛО АРСКОЕ, ИДУТ ТЫСЯЧИ ПОСЫЛОК С ИЗГОТОВЛЕННЫМИ ДЕТСКИМИ РУКАМИ ПТИЦАМИ.

СЕЛО КРОТОВКУ ОТ Арского отделяют все- го 4 километра. Та- кое расстояние можно одолеть и пешком, но Евгения Шмакова каждый день отправляется туда на машине. Потому что ту гору посылок, которые Евгения забирает в местном почтовом отделении, в руках не унести. Три-четыре рейса в день – и в Арском храмовом комплексе неуклонно растет пирамида посылок. Когда посылки распаковываются и из них, словно из скорлупы, появляются птицы, то кажется, будто в Арское слетелись пернатые со всех континентов планеты... Павлины, попугаи,

страусы, колибри, орлы, лебеди – кого тут только нет! Но с особой нежностью достаются и выставляются среди прочих работ наши родные щеглы, снегири, чечеты, синицы, воробы. К 7 апреля, когда будут объявлены итоги конкурса «Вестник добра», посвященного Благовещению, огромный молчаливый базар птиц из глины, стекла, теста, бумаги, камня оживят голоса настоящих чижиков и синиц. Это единственные птицы, которых здесь пока держат в клетках. Согласно русскому обычаю, открыть их и выпустить птиц на волю доверят победителям конкурса – авторам самых лучших работ.

БОЛЬШЕ ПТИЦ

Раньше вместе с Евгенией птиц ездили забирать настоятель Арских храмов отец Алексей Кормишин, потом ей помогали воспитанники детдомов, которые посменно проживают на территории храмового комплекса. Сегодня они колют остатки льда во дворе перед храмами, а я им помогаю.

Вот Евгения возвращается из очередного рейда на почту, и из машины мы достаем 20 коробок. «Не боитесь, что в этом году работ мало придет?» – интересуюсь я, оглядывая столы, заставленные птичками, которые остались от прошлогоднего конкурса. Несмотря на то, что птиц, которых присыпают со всей страны, после окончания конкурса может забрать каждый гость Арских храмов, да еще их раздают в центры творчества, институты и университеты Ульяновска, здесь остаются целые стаи пернатых. «Что вы! Никакого спада участников нет, – улыбается Евгения. – С каждым годом их становится только больше. Ведь число детей в стране растет!»

Если на подведение итогов конкурса раньше приезжали дети только из Ульяновской области, то теперь сюда добираются из всех соседних регионов! Малыши встают в четыре утра, чтобы приехать с родителями на праздник Благовещения в Арское и выпустить живых птиц.

...Вместе с очередной птахой, чьи бархатные черные крылья вышиты бисером, из посылки выпархивает письмо. Евгения его подхватывает, разворачивает и читает: «Я желаю родному краю процветания, чтобы на нашей земле жилось радостно, сътно, спокойно. Всем – и птицам, и зверям, и людям!»

По условиям конкурса вместе с поделками ребята должны прислать сочинение, которое оценивается в специальной номинации. На этом условии настоял отец Алексей – настоятель Арского прихода. Ему не очень нравится та «скоропись», к которой привыкают дети, набирая эсэмэски на мобильных телефонах. Сочинения, уверен отец Алексей, помогут привить детям любовь к эпистолярному жанру. Благовещенский конкурс, который проводит приход, не требует от участников денежного взноса, зато гарантирует каждому ребенку внимание настоятеля Арских храмов. Будь участников хоть 4 тысячи, как прошлой весной! И если сегодня Евгения осталась без его помощи, то это, скорее всего, потому, что отец Алексей занят подписыванием грамот, дипломов и благодарностей каждому участнику конкурса. Поскольку факсимиле он не признает, то приходится лично подписывать три стопки наградных листов – голубого, фиолетового и зеленого цвета. Каждая стопка – выше письменного стола. Другого отношения к детям отец Алексей не признает. Когда в Арском приходе восстанавливали храм Богоявления, то на стене пропустила фреска «Благословение детей». В этом было усмотрено некое знамение. Работа с детьми и стала основным направлением деятельности прихода Арских храмов.

К празднику Благовещения количество птиц, присланных детьми со всей России, в выставочном зале Арского храмового комплекса вырастет до потолка

СВОЙ ПУТЬ

Тот, кто подъезжает к Ульяновску, обязательно обратит внимание на раскинувшийся на холмах среди полей белоснежный храмовый комплекс. Трудно представить, что четырнадцать лет назад на этом месте была лишь заросшая грунтовка, а в кирпичных развалинах с трудом можно было узнать церковь...

Конечно, нынешний Арский храмовый комплекс, который состоит из Богоявленского храма и церкви Ксении Блаженной, возник не на пустом месте. В XVII веке эти угодья имели репутацию разбойничих и весьма неспокойных, так что царь Алексей Михайлович велел построить Симбирскую засечную черту

от возможных набегов. Прислали сюда казаков из Арска – того, что под Казанью. В этом месте, где почему-то никогда не бывает молний, по указу царя построили пороховые погреба, чтобы хранить «пищальное зелье» для Русской армии. Из кирпича выстроили в середине XVII века храм Богоявления, который в советское время использовали под склад и тракторную мастерскую. В первый раз эту самую старую православную церковь в Ульяновской области отец Алексей увидел в 2002 году. В дырявых куполах обитали полчища галок. Кресты на храме были погнуты. Исковерканной была и жизнь вокруг. Деревянный настил через речку Сельдь сносил

Для настоятеля прихода отца Алексея Кормишина каждый ребенок уникальная и неповторимая личность

ло половодьем. Пустынное место вокруг заброшенного храма облюбовали городские криминальные банды для сходок. Процветала торговля наркотиками. Запущенное местное население боялось вечерами выходить на улицы. Даже полиция опасалась сюда заглядывать. Как отцу Алексею и его соратникам удалось поменять настроение и оживить атмосферу – это долгая история. Было все, приходилось даже лопатами отбиваться от незваных гостей. Но все-таки сумели проложить асфальтированную дорогу от трассы в Арское, построили через речку вместо настила 40-метровый бетонный мост, чтобы не делать крюк через соседнюю Кротовку. И сегодня гостей встречает не полуразвалившаяся церковь, а высоко вознесшиеся купола храмов Арского прихода. Окружают храмы стены со стягами, украшенными символикой Древней Руси.

Многие говорят, что для священника у отца Алексея слишком светская речь. Вот и я замечаю, что привычной для батюшки мягкости у него нет, а в разговоре он часто использует технические и архитектурные термины. Ничего удивительного: отец Алексей – один из четырех людей в области, кто имеет федеральную лицензию на архитектурную и строительную деятельность. Когда-то ему предлагали должность главного архитектора Ульяновска, а он выбрал путь служения.

Когда отец Алексей прибыл в Арское, местные жители против восстановления храма не возражали. Правда, как быстро понял новый батюшка, это проистекало, скорее, от равнодушия. Нередко он видел детей, распивающих спиртное или дымящих папиросками в овраге. Да и родители в этом смысле не сильно отличались от своих чад. Заметив, что стройка храма застеклила, кое-кто из селян захотели даром поживиться стройматериалами, но наткнулись на твердый отпор. Отец Алексей не позволял никому воровать и де-

Кульман, на котором, кстати, спроектированы все строения Арского храмового комплекса, сопровождает отца Алексея всю жизнь. Недаром в приходе своего батюшку, члена правления Союза архитекторов Ульяновской области, величают зодчим

нег ни у кого не просил. За его принципиальную честность и за то, что он первый сумел дать отпор бандитам, в селе его в итоге зауважали. Постепенно люди стали помогать, а когда началось строительство второго храма, Ксении Блаженной, то один местный житель бесплатно выделил автокран почти на полгода.

Старый храм Богоявления был в слишком запущенном состоянии. Поэтому одновременно с его восстановлением отец Алексей начал возводить но-

вую церковь. Невероятно: в 2002 году начали строить, а в 2003-м в храме уже начали служить. Скорость, с какой вырос храм, всех поразила. На стройке, кстати, помогали воспитанники детских домов, для которых отец Алексей устраивал летние лагеря в Арском на время каникул. Часть кирпичей, по примеру основателей Арского, дети делали сами. Чтобы воспитанникам было интересно, по предложению отца Алексея они лепили именные кирпичи.

Маленьким гостям всегда интересно, в каком окружении оказываются присланые ими на конкурс птички...

ПОМОЧЬ ВЫРАСТИ

Отец Алексей занимался и обучением, и воспитанием своих юных помощников. Они ведь ни лопату, ни пилу не умели в руках правильно держать. А когда священник увидел, что мальчишки из Арского на рубанок смотрят как на чудо, то нашел время и для уроков столярного дела. Отец Алексей с гордостью говорит, что теперь в строительной сфере работает не менее семисот его учеников. Можно не сомневаться: от криминала и бесплодного шатания по улицам он спас не одного мальчишку. Да что там дети! Взрослые мужчины, понюхавшие пороха в военных конфликтах, искали у отца Алексея и духовной, и даже физической защиты. Любое насилие у границ Арских храмов находило свой предел. «У нас приход особенный, – объясняет отец Алексей. – Тут любой человек, даже маловерующий, начинает себя чувствовать возвышенno. А у меня есть принцип – я должен помочь людям нравственно вырасти».

В 2010 году Арский храмовый комплекс был признан лучшим среди культовых сооружений Поволжья. Достаточно один раз увидеть местные храмы, чтобы убедиться в справедливости этого выбора. Все внутренние постройки органично вписаны в общий ансамбль. Церковь Ксении Блаженной выполнена в простом и благородном стиле новгородских

храмов. В ней даже есть баптистерий – редкость для сельского прихода. Любушься на это великолепие среди бескрайних полей и невольно дивишься тому, как у отца Алексея получилось построить маленькоe государство со своими законами, атрибутикой, символикой и флагами. Здесь есть даже медпункт, оснащенный современным оборудованием. Приходит гордится свежими овощами из собственной теплицы. Присматривают за ней ребята из очередной детдомовской смены. Между прочим, в Арском регулярно проходят педагогические семинары, детские творческие конкурсы,

Преподаватели арской церковно-приходской школы Анна Телина и Наталья Касьянова учат детишек всех окрестных селений технике изготовления бумажных птиц. Их вручат каждому гостю, приехавшему на праздник

действует военно-исторический клуб, в окрестностях проводятся археологические розыски. Для молодежи Ульяновска, увлекающейся архитектурой, также проводятся конкурсы. Профессиональные артисты и курсанты Военно-технического училища Ульяновска с концертами приезжают. Зря, что ли, отец Алексей спроектировал и выстроил концертно-выставочный зал?

Сегодня о прежней нехорошей славе села Арского давно забыли. И все – благодаря Арскому приходу. Люди приезжают сюда из разных уголков страны. Особенно много среди гостей супругов, которые мучаются проблемой бесплодия. Они приезжают в церковь Ксении Блаженной с одной просьбой. И святая помогает. Случаев, когда благодарные люди потом звонят по телефону или привозят крестить новорожденных, не счесть. «А бывает, привозят и двойню, и тройню...» – с гордостью говорит старший помощник отца Алексея, Галина Ивлева. Но есть еще один повод, из-за которого Арский приход вспоминают каждую весну дети России. В феврале помощник отца Алексея Евгения Шмакова размещает в Интернете объявление о межрегиональном конкурсе «Вестник добра». Принять в нем участие могут все дети. Для этого нужно просто изготовить птичку из любого материала, написать сочинение о родном крае и отправить их по почте в Арское. Итоги конкурса подводятся накануне 7 апреля, когда празднуется Благовещение Пресвятой Богородицы. По давней традиции на Благовещение в России принято отпускать на волю птиц. Это делается в напоминание о Благой вести и свободе, которые даны не только людям, но и всякому творению Божию. По народному поверью считалось, что птицы, освободившись из клетки, летели в небо и рассказывали ангелам о добрых делах людей. Вот и летят со всей страны в затерявшиеся среди бескрайних просторов белые Арские храмы птицы, изготовленные детскими руками.

ШКОЛА ВМЕСТО КАФЕ

Впервые конкурс «Вестник добра» прошел в 2009 году. Конкурс то объявили, но в ту первую весну участвовали в нем практически только учащиеся церковно-приходской школы в Арском. Сто детей. Показали нам эту школу на за- снеженной сельской улице. Во дворе – расчищенная детская площадка с каруселями и гимнастическими стойками. В самой школе – тепло, уютно и шумно. Дети мастерили на конкурсе птичек в технике оригами. Украшали школьные стены многочисленные рисунки, на которых красовались птахи на фоне Арских храмов. На деревянном фронтоне школы вывешена: «Арская церковно-приходская школа №1». «А что, есть и вторая?» – удивился я. «С отцом Алексеем построим!» – уверенно ответили учители.

Кроме этой церковно-приходской школы, в селе Арском других нет. На занятия школьники ходят в соседнее село Кротовку.

Когда несколько лет назад проходила реорганизация малокомплектных школ, то на двери единственного учебного заведения в Арском повесили замок. В тот момент строительство храма Ксении Блаженной заканчивалось. Куполов еще не было, но службы уже шли. И как-то раз отец Алексей после службы обратился к прихожанам, в числе которых были и представители интеллигенции Ульяновска: вот, мол, здание школы хотят продать под кафе, организовать в нем торговлю спиртным. Надо бы что-то придумать, чтобы не допустить этого. Если есть среди прихожан люди с педагогическим образованием, то не могли бы они с полгода поработать с детьми во Славу Божию, так как платить сейчас нечем? На призыв священника откликнулись 13 человек. Они и стали учителями в этой школе, преподавали 11 предметов. Но сначала на свой страх и риск прихожане сбили замки на

Деятельное участие в подготовке к конкурсу принимают и самые маленькие прихожане

дверях заброшенной школы, сами сделали ремонт, починили голландки, которыми школа отапливалась. Конечно, их выживали, но потом согласились отдать здание в аренду. После того как распространилась новость о том, что отец Алексей сохранил арскую школу, к нему неожиданно стали

обращаться коллективы закрывающихся малокомплектных школ со всей Ульяновской области. Некоторые из этих школ отец Алексей помог сохранить, как, например, школу в селе Краснополке Карсунского района...

На следующий год география конкурса расширилась. В нем приняли участие дети из Ульяновска и Димитровграда. А уж на третий год на 7 апреля в Арское приехало столько детей с родителями, что вереница машин и автобусов растянулась почти на километр. И как на зло в тот год в Арском случился сильный паводок, новый бетонный мост через Сельдь оказался под льдинами. Пришлось отцу Алексею с помощниками льдины баграми стаскивать. Хотя мост и бетонный, а все равно беспокоились, как бы лед его не повредил...

В эту зиму в Арском пострадали только от сильных ветров, которые сорвали железную крышу с круглой угловой башни стены храмового комплекса. Снега было мало, так что сильного паводка здесь не ждут. Зато с тревогой и волнением ожидают прибытия больших птичьих стай в посыпках, за которыми в Кротовское почтовое отделение еще ездить

Изображение святой равноапостольной княгини Ольги, стоящей в арской церковно-приходской школе, тоже работа детских рук

и ездить Евгении Шмаковой. Ведь в географию конкурса включились Алтайский и Хабаровский края, Саха (Якутия), Калуга, Тверь, Карелия, Крым. Каждый день почтальон звонит Евгении Шмаковой и просит забрать посылки с птицами, которые заполняют и без того маленькое помещение старой деревянной почты. «Жаловаться почтальонше на нас грех. Ведь только благодаря активной почтовой деятельности Арского прихода отделение в Кротовке не стали закрывать, — улыбается Евгения Шмакова и вздыхает: — А вот нам куда потом девять птиц?»

На помощь Евгении приходит Ольга Легченкова — ведущий библиотекарь Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества им. С.Т. Аксакова. Она забирает часть птиц. В библиотеке действует акция «От Благовещения до Покрова».

Ее участники делают маленькие декоративные коврики и передают их в библиотеку. А члены общества инвалидов «Факел» шивают из них один большой покров, который украшается птичками, сделанными детьми. Так пернатые из Арского получают вторую жизнь. Библиотека привозит покров для украшения праздника. И дети, принимавшие участие в конкурсе в прошлые годы, могут

О деятельности протоиерея Алексея Кормишина, настоятеля храмов Богоявления Господня и Ксении Блаженной в селе Арском, знают далеко за пределами региона: в его храмы приезжают паломники со всей России и из зарубежья

с радостью убедиться: их крылатые друзья продолжают «порхать» по вытканному умелыми руками полотну...

...Мы приехали в Арское в тот момент, когда заканчивались последние приготовления к празднику Благовещения. Двор прихода очищен ото льда, снег выметен. Прихожане готовились достать с чердака птичьи клетки. С ними отец Алексей и Евгения Шмакова поедут в Ульяновск к старому птичнику, который специально отлавливает диких птиц для праздника. Он сам выбирает для Арского прихода с полтора десятка щеглов, чижиков, чечетов и снегирей. Не жалеет отсыпать для них и зерна.

Благовещение начинается в Арском приходе с молебна и причащения учащихся церковно-приходской школы. После подведения итогов конкурса дети высыпают на улицу. Певчий церковного хора Максим Третьяков выносит клетки с птицами и аккуратно расставляет их на паперти. Он еще раз напоминает детям, зачем выпускают птичек из клеток, и, открав дверцы, осторожно вкладывает птичек в маленькие протянутые ладошки... Звенит колокол, и ребята выпускают птиц из рук. Как только птицы взмывают в небо, дети обнимаются, целуются, а взрослые участники праздника вытирают слезы. Ведущий праздника вслух читает знакомые с детства пушкинские строки:

В чужбине свято наблюдают

Родной обычай старины:

На волю птичку выпускаю

При светлом празднике весны.

Но конкурс на этом не заканчивается. Птички, сделанные руками ребят, в приход Арских храмов будут лететь со всех концов России и после 7 апреля. Вплоть до мая. И все их авторы тоже получат подписаные лично отцом Алексеем грамоты. Дети старались! Не их вина, что работы опоздали! Что поделать, коли страна такая большая, а они живут за тысячи километров от Арского? ●

«МЕНЯ НАЗЫВАЮТ ВЕРА ХОЛОДНАЯ»

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

С ВЕРОЙ ВЛАДИМИРОВНОЙ – внучкой звезды НЕМОГО КИНО ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ – мы встретились в СТАМБУЛЕ НА ПЛОЩАДИ ТАКСИМ. МЕСТО ЭТО, НАДО СКАЗАТЬ, СУЩЕСТВУЕТ В ДВУХ ИЗМЕРЕНИЯХ. НА МОИХ ГЛАЗАХ ЗДЕСЬ РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ ПРАЗДНИК ЖИЗНИ, НАРОД ГУЛЯЕТ ПОД РАСТЯНУТЫМИ НАД ПЛОЩАДЬЮ КРАСНЫМИ ФЛАЖКАМИ, РАДУЮТ МНОГОЦВЕТЬЕ ЦВЕТОЧНЫХ РЯДОВ, ОГНИ ОТЕЛЕЙ И РЕСТОРАНОВ. А В НОВОСТНЫХ СВОДКАХ ТАКСИМ ТО И ДЕЛО ФИГУРИРУЕТ КАК ПОЛЕ БОЕВ МИТИНГУЮЩИХ С ПОЛИЦИЕЙ.

Н

А МОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

о двух разных Такси-
мах Вера Владими-
ровна вспомнила, как

пару лет назад здесь протестова-
ли против вырубки последнего
парка на Таксиме, разбивали
палаточные лагеря и возводили
баррикады. А полиция разгоня-
ла манифестантов водометами
и слезоточивым газом.

Неимоверными усилиями стам-
бульцы все же отстояли свою
зеленую полянку в железобе-
тонных джунглях. Но и здесь
спокойно побеседовать с Верой
Владимировной не было ни-
какой возможности. От город-
ского шума, уличной музыки и
громких разговоров прохожих
скромный ряд дубов и магно-
лий защитить неспособен. При-
ютил нас Троицкий собор, где
в тихом дворе резвились малы-
ши-греки.

СЕСТРЫ ХОЛОДНЫЕ

Знаменитая бабушка моей со-
беседницы, актриса Вера Холод-
ная, за пятилетнюю кинокарьереу
снялась в 40 фильмах, покорила
сердца зрителей и умерла в 1919
году в Одессе. Дедушка в том же
году был расстрелян большеви-
ками. Опекунство над осиротев-
шими дочерьми кинозвезды, Женей и Нонной, взяла на себя
сестра Веры Холодной – Надежда.
Вскоре она познакомилась со своим будущим мужем, греком Николаем Хараламбидисом, и бежала с ним из пылающей
Одессы в Константинополь.

– Моя мама, Нонна Холодная, недолго пробыла в Стамбуле, – рассказывает Вера Владимировна. – Вскоре тетя Надя от-
правила ее вместе с сестрой в Болгарию в русскую гимназию.
Это было одно из нескольких подобных учебных заведений, открытых благодаря помощи
болгарского царя Бориса III. Ра-

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ХОЛОДНЫХ

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ХОЛОДНЫХ

Вера Ходолная с дочерью.

Как вспоминали современники, знаменитая актриса была очень привязана к своим дочерям, использовала любую возможность побывать с ними. На фото – с дочерью Женей

Вера Владимировна с сыном и тетей Женей

которые открыли мир балета для турецкой публики. Передовая интеллигенция награждала самыми восторженными эпитетами русских балерин, называя их искусство «поэзией танца». Танцовщицы и хореографы Большого и Мариинского театров, Киевского театра оперы и балета радовали зрителей самыми разными постановками – от восточных мотивов («Персидские ковры» на музыку Равеля) до балетной классики и современного модерна. В середине 20-х годов почти все они уехали в Европу. Однако в Стамбуле продолжала работать балетная студия Лидии Красса-Арзумановой – выпускницы Петербургского хореографического училища, известной в Турции как Лейла Арзуман.

Подопечные Арзумановой выступали в европейских культурных центрах, танцевальные отделения появились при муниципальной Консерватории и Народном доме района Эминёню. Впоследствии она переехала в новую столицу, Анкару, где в 1944 году впервые в истории поставила балет на музыку турецкого композитора. Представление называлось «Лесная сказка»; автор музыки, Ахмед Аднан Сайгун, вскоре получил мировое признание.

Однако крепкую любовь к балету турецкой публике привить не удалось. Власти не запрещали балет, как это произошло в XXI веке в Туркмении, но «поэзия танца» так и не поднялась до общекультурного явления, оставшись уделом узкого круга ценителей. Саму Лейлу Арзуман в старости приютила одна из ее учениц, в квартире которой легенда турецкого балета прожила последние двадцать лет и умерла в 1988 году на 91-м году жизни.

ПОЭЗИЯ ТАНЦА

В 1939 году Нонна Холодная оставила софийскую сцену и переехала к тете в Стамбул. Однако надежды на продолжение карьеры в Турции не осуществились: балет тогда уже не находил своих почитателей. Судьба этого вида искусства сложилась драматично и неразрывно связана с русской эмиграцией. Еще в начале 20-х годов среди русских в Стамбуле было немало мастеров балетного искусства,

Нонна Холодная с детьми.
Стамбул.
Середина 1950-х годов

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ХОЛОДНЫХ

ботали в гимназиях старые русские преподаватели, дети получали хорошее классическое образование. Сестер Холодных сразу заметили, слава их матери докатилась и до Болгарии. Разные люди приносили им газеты и журналы со статьями о Верне Холодной.

На летние каникулы сестры приезжали к тете Наде, жили в ее загородном доме на Принцевых островах. Это время, проведенное на тихом берегу среди цветов и ароматных пиний, для мамы так навсегда и осталось самым приятным воспоминанием о жизни на Босфоре.

После окончания гимназии тетя Женя вернулась в Стамбул, где вышла замуж за бывшего русского офицера, работавшего автомехаником. А мама осталась в Болгарии и поступила в балетную студию при оперном театре в Софии. В 1934 году Софийскую оперу посетил с гастролями Федор Иванович Шаляпин. Маме довелось выступать с ним на одной сцене в спектаклях «Фауст» и «Князь Игорь». По инициативе Шаляпина в театре прошел конкурс среди молодых балерин. Победительницей признали маму – и она вместе с Федором Ивановичем отправилась в Париж. Шаляпин желал устроить маму в знаменитый парижский театр Гранд-опера. Но ей французская столица пришла не по нраву, через две недели мама вернулась в Софию.

«ОГУРЕЧИК, ОГУРЕЧИК, НЕ ХОДИ НА ТОТ КОНЕЧИК»

— В Стамбуле мама познакомилась с моим отцом, Владимиром Стрикалкиным, — продолжает рассказ Вера Владимировна. — Он был из тех детей белой эмиграции, кто нашел свое место в городе. Отец увлекался фотографией, что в те времена воспринималось почти как чудо. Он отправился вместе с братом учиться фотоделу в Германию. А вернувшись в Стамбул, открыл современное фотоателье. Я была первым ребенком, и назвали меня в честь бабушки. Хорошо помню, как еще в раннем детстве мама пела мне русские песенки, как мы с ней разучивали русский алфавит. Однако когда в семье было уже трое детей, родители развелись. Мама сама содержала семью, давая уроки танцев и гимнастики.

Тетя Женя тоже развелась. У нее не было детей, и она поселилась у стареющей тети Нади, помогая ей по дому и в делах. В трудные годы русских спасала церковная жизнь. Вокруг небольшой Андреевской церкви сплотилась дружная община русских эмигрантов. Мама пела на клиросе, тетя Женя была регентом. Тетя хоть и не получила никакого музыкального образования, но обладала исключительным слухом, прекрасно пела, играла на фортепьяно и гитаре. Она сменила престарелого регента хора Михаила Ивановича Масленникова. Он дал тете хорошую школу церковного пения и передал ей бразды правления на клиросе.

Меня крестили в этой церкви. Запомнилось, как в раннем детстве мы участвовали в рождественских елках. В трапезной сооружали крохотную сцену, на которой мой брат читал стишок: *Огуречик, огуречик,
Не ходи на тот конечик,
Там мышика живет,
Тебе хвостик отгрызет...*

Нам дарили подарки — мешочки со сладостями. Затем дела у русской эмиграции стали поправляться, для проведения елок арендовали помещения

Едва ли не единственная уцелевшая фотография отца Веры — Владимира Стрикалкина

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ХОЛОДНЫХ

в итальянском или немецком культурных центрах. Там мы выступали на реальных сценах, ставили спектакли...

Русской школы для детей здесь никогда не существовало. Все мы учились в обычных турецких школах — это было обязательное правило. Несмотря на тяготы жизни, мама сумела дать всем детям прекрасное образование. После окончания турецкой школы я учились в австрийской гимназии, а оба моих младших брата — в немецкой. Сразу после гимназии, в 17 лет, я вышла замуж за Джона Гилберта — британского гражданина из смешанной англо-греческой семьи. Муж был старше меня на шесть лет, мы любили друг друга, у нас родились двое сыновей. Затем, наверное, около 1960 года, в маминой жизни появился Антон Антонович Хорачек — пожилой русский музыкант, который в молодости работал тапером в кинотеатрах на юге

Вера
Владимировна
в гостях у мамы
в Калифорнии

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ХОЛОДНЫХ

России — играл во время показов фильмов с участием Веры Холодной. Когда Антончик узнал, что в Стамбуле живут дочери его любимой актрисы, то непременно захотел познакомиться с ними. Разыскал сестер в церковном хоре. Между ними разыгралась бурная романтическая история: мама и тетя влюбились в Антончика, а он — в них обеих одновременно. В итоге кавалер назначил свидание сестрам, решив, что женится на той, которая придет первой. Мама оказалось пунктуальнее и стала Нонной Холодной-Хорачек. Маме тогда было 50 лет. Антончик — лет на двадцать старше. Их семейная жизнь сложилась очень счастливо, они были поддержкой друг для друга до глубокой старости. Позже тетя Женя познакомилась с русским американцем по имени Николай Лапикен, уехала вместе с ним в Калифорнию, где они и поженились. Вскоре к тете переехала и мама с Антоном Антоновичем. В Калифорнии мама прожила последние сорок лет жизни. Антончик прекрасно играл на скрипке, виолончели, фортепиано и свободно владел несколькими языками. Но в Америке уже едва ли мог работать. Он все время скрывал свой возраст от мамы и лишь перед самой смертью признался, что ему исполнилось 100 лет.

Я постоянно ездила навещать маму и тетю в Калифорнию. Они жили в одном доме, помогали друг другу. Я гостила у них по несколько месяцев в году. Мой младший сын получил в США образование по IT-специальности.

В последние годы мы с мамой были очень близки. В доме престарелых в Калифорнии я ценные дни проводила с ней. Такую радость мы испытывали от простой беседы друг с другом, вспоминали наши детские песенки, гуляли по парку... Мама умерла в 2012 году, не дожив до своего столетия полгода. По завещанию мамы я перевезла ее прах в Стамбул и похоронила вместе с тетей Надей.

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ХОЛОДНЫХ

ИЗЛОМЫ СУДЬБЫ

— Собирать сведения о жизненном пути Веры Холодной начали сразу после смерти актрисы. Тем не менее в ее судьбе остается много неясного. Какая память о Вере Холодной хранилась в вашей семье? Что вам рассказывали мама, тетя?

— Во времена моей молодости не принято было вспоминать старую Россию. Для старииков она все время связывалась с великой трагедией, вызывающей сердечную боль. Мама и тетя почти ничего не рассказывали. Вспоминая бабушку, мама всегда плакала. Она хоть и была малолетним ребенком, но хорошо помнила, как мама ее любила, обнимала, ласкала, называла нежно «Нонико». Вспоминала,

как они с сестрой восхищались ее красотой, пышными нарядами. Помнила, что мама часто уезжала и они оставались с прабабушкой. Уже после революции 1917 года мама жила с отцом в Москве. Владимир Холодный был офицером царской армии и получил на полях Первой мировой войны серьезное ранение. В Москве он продолжал лечение и много времени проводил дома с Нонной. Мама вспоминала, как отец в своем кабинете сажал ее на колени, прихорашивал. Катал на мотоцикле по городу. Остался в ее памяти и такой эпизод: отец принес в дом новорожденного ребенка, сказав маме, что это ее сестричка. Надо полагать, к тому времени семья Холодных уже распадалась.

Вера Холодная вместе с мужем Владимиром на фронте во время Первой мировой войны

— Биографы Веры Холодной часто пишут, что ее дочь Нонна — приемная. Якобы роды первой дочери, Жени, подорвали здоровье актрисы, и врачи запретили ей рожать.

— Я в это не верю. В нашей семье никто никогда ничего подобного не говорил. А мама с тетей Женей были очень похожи друг на друга.

— По официальной версии, Вера Холодная умерла от тяжелой формы гриппа — испанки, вызвавшей воспаление легких. Однако смерть была столь внезапной, сопровождалась такими странными событиями, что выдвигались предположения об убийстве актрисы. Мотивы находились самые разнообразные...

— Мама напрямую не говорила об этом. Но в смерть от гриппа она вряд ли верила. Однажды дома друзья по гимназии поздравляли меня с днем рождения. И подарили прекрасные белые лилии. Мама как увидела их — тут же покраснела, вышла в другую комнату, заплакала. Мне сказала, что не может видеть эти цветы, просила убрать их на террасу. Меня тогда поразила ее реакция, а позднее я узнала, что, по одной из версий, Вера Холодная умерла от запаха отправленных белых лилий, поднесенных поклонником.

— После Гражданской войны в Одессе осталась сестра Веры Холодной, Софья, которая стала балериной и всю жизнь собирала сведения о своей выдающейся сестре. Ваша мама поддерживала с ней связь?

— Мы знали, что у тети Нади есть сестра, но о ее судьбе нам ничего не было известно. А когда тетя Женя перебралась в Калифорнию, местная пресса растрогала, что приехала дочь знаменитой актрисы. Наверное, эта новость донеслась и до Софьи в Советском Союзе. Она стала переписываться с мамой и тетей, прислала маме бусы, оставшиеся от Веры Холодной. Благодаря Софье, тетя Женя несколько раз ездила в Россию. Бывала на месте старого

Исследователи указывают, что знаменитая актриса бросила напряженный график съемок и отправилась к мужу на фронт в августе 1915 года

кладбища в Одессе, где она, будучи 8-летней девочкой, хоронила свою маму. Могилу ей найти не удалось – старое кладбище давно снесли и превратили в городской парк. А моя мама так никогда и не вернулась на родину, не могла забыть расстрел отца. Я же не связываю трагические события революции с сегодняшним днем и в последние годы постоянноучаствую в мероприятиях российского Генконсульства. Там-то меня и стали звать по фамилии бабушки, теперь все русские меня называют «Вера Холодная». Хотя в моем паспорте стоит фамилия по мужу – Гилберт.

– Вы любите кинематограф? Быть может, в детстве мечтали пойти по стопам бабушки?

– В школьные годы я часто выступала на сцене на рождественских елках, меня хвалили, но душа моя к актерскому искусству никогда не лежала. Однако театр в нашей семье любили. С мужем мы каждую неделю посещали Национальный театр на Таксиме. Там на огромной сцене ставили драматические спектакли, оперу, балет; приезжали на гастроли театры со всего мира, в том числе из России. В последние годы культурная жизнь здесь обеднела. Национальный театр переехал в другой район, в помещение с очень маленькой сценой, и потерял былую популярность.

– Ваши дети говорят по-русски?

– Моя свекровь-гречанка запрещала мне разговаривать с детьми по-русски. Для нее русский был языком Советского Союза, который она терпеть не могла. В доме мы общались на французском языке. Все же мои сыновья дружили с русскими детьми, участвовали в рождественских елках, читали русские стишкы. Но когда пошли учиться в турецкую школу, русский язык стали забывать. Младший сын женился в Калифорнии на русской девушке, язык предков он знает хорошо. Старший сын двадцать лет прожил в Австрии, после чего женился на турчанке и вернулся в Стамбул.

фото автора

Этот рисунок висел в комнате Нонны Холодной в последние месяцы ее жизни, напоминая о счастливой молодости

Русский язык он почти совсем забыл. Да и я начала вспоминать родной язык только в 2000-е годы – благодаря общению с людьми, приезжающими из России, общению с мамой в последние годы ее жизни. А читать по-русски до того я могла с большим трудом. Хотя мама постоянно читала русскую классику, пересказывала мне некоторые произведения. Благодаря ей в юности я полюбила Достоевского, но читала его на французском языке.

фото автора

Место упокоения сестры и дочери Веры Холодной в Стамбуле – Надежды и Нонны

РАССВЕТЫ НАД БОСФОРОМ

Русские Стамбула разных волн эмиграции отзываются о Вере Владимировне самыми добрыми словами, как о человеке, готовом помочь в любой ситуации. Сотрудникам российского Генконсульства она помогла составить книгу о старой русской эмиграции в Стамбуле и ее следах в современном городе. Она всегда помогает в Андреевской церкви. А когда ее сосед, турецкий писатель Орхан Памук, получил Нобелевскую премию по литературе, откликнулась на просьбу русских подруг организовать встречу с лауреатом. Пригласила писателя к себе домой, устроила чаепитие с беседой о литературе. Меня Вера Владимировна сопроводила на православное кладбище в Шишли, показала могилу своей мамы и другие русские захоронения. Семейный фотоархив Холодных я рассматривал, воспользовавшись любезным приглашением в гости.

Живет Вера Владимировна в уютной квартире в старом районе города, почти на берегу Босфора. В гостиной на стене висят две подвески ручной работы, которые Нонна Холодная получила в качестве приза на балетном конкурсе в Софии. От мамы у Веры Владимировны сохранилось еще несколько старинных предметов: большой настенный термометр, настольные часы, российский герб в виде двуглавого орла. Интересно было разглядывать и другие материальные следы старой эмигрантской жизни: памятный медальон Битвы народов под Лейпцигом 1813 года, медный котелок с гвардейским знаком «За веру и верность», настенную тарелку со снегирем, подписанную Nekrassoff...

На обратной стороне старинных фотографий написаны послания и пояснения: «Дорогим родным дяде и тете на память от любящей их Ольги Холодной. 1904 год»; ниже Нонна Холодная свою руку приложила: «В 1920 году в Харькове я была у них...» Хочу отметить, что сестры Евгения и Нонна Холодные действительно очень

ФОТО АВТОРА

Почетная звезда, врученная Вере Холодной-Гилберт Российским обществом просвещения, культурного и делового сотрудничества в Стамбуле

ФОТО АВТОРА

Подвески балерины Нонны Холодной

Оборотная сторона настенной тарелки мастера Nekrassoff

ФОТО АВТОРА

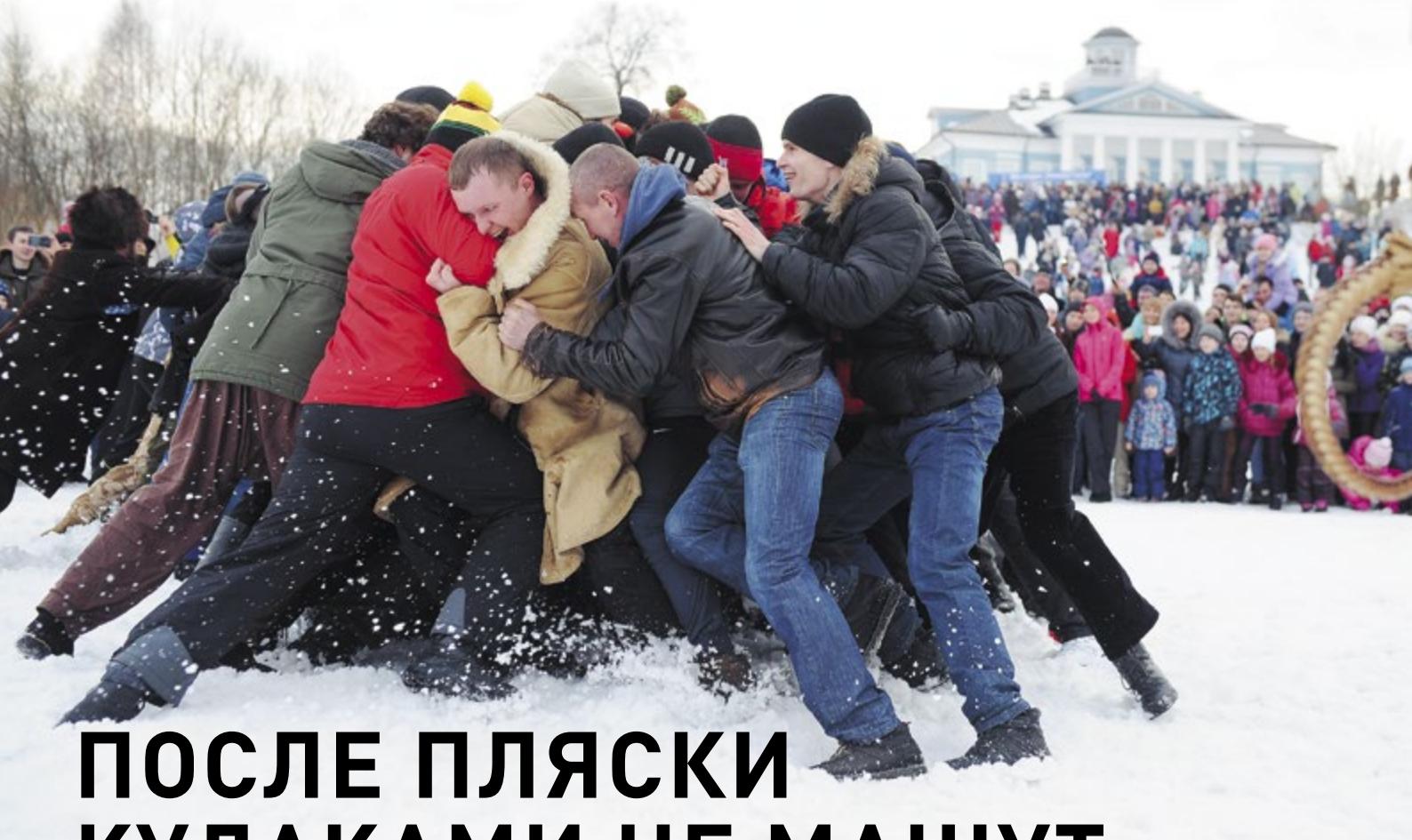
минает Вера Владимировна. – Летом играли на траве, зимой лепили снеговика. Тогда снег в Стамбуле ложился каждый год, дети катались на лыжах и с ледяной горки на санках. Теперь у нас снег долго не держится, быстро тает».

Вальяжно гуляющая внизу кошка заметила нас и стала карабкаться по дереву на балкон. Вера Владимировна любит животных и подкармливает маленьких городских бродяг. Кстати, по пути к дому на улице нам повстречался чудаковатый старик с палкой и большой собакой. Завидев Веру Владимировну, он радостно приветствовал ее: «Мерхаба!» Вера тоже с ним поздоровалась, а мне объяснила, что это «хороший человек, он за животными в нашем районе следит». Подкрепиться на балкон к Вере Владимировне прилетает и большая чайка. Правда, мое присутствие птицу явно смущало, она описывала круги в воздухе, так и не рискнув приземлиться.

Хозяйка любит встречать на балконе рассветы. Солнце над Босфором поднимается под пение птиц и крики чаек. Там же, где-то за горизонтом, находится не такая уж и далекая Россия. Вера Владимировна давно помышляет о путешествии на историческую родину. Хотела бы увидеть Москву, найти на Тверской-Ямской улице дом, где в просторной квартире провела счастливые годы мама с тетей, бабушкой, дедушкой. Говорит, что обязательно приедет! И непременно будут звать ее в Россию, как и знаменитую бабушку, – Вера Холодная.

ФОТО АВТОРА

ПОСЛЕ ПЛЯСКИ КУЛАКАМИ НЕ МАШУТ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРКИ

АРТЕЛЬ КУЛАЧНЫХ БОЙЦОВ «БУЗА» ПОНАЧАЛУ СОБРАЛАСЬ НА ВОЛОГОДЧИНЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ БОРЬБЫ, НО ОДНИМИ КУЛАКАМИ ДЕЛО НЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ. СЕГОДНЯ АРТЕЛЬ ДЕРЕТСЯ КУДА РЕЖЕ, ЧЕМ ПОЕТ И ПЛЯШЕТ. «БУЗА» – ЗАВСЕГДАТАЙ, А ЗАЧАСТУЮ И ОРГАНИЗАТОР МАССОВЫХ ГУЛЯНИЙ И ФОЛЬКЛОРНЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ С ОБЯЗАТЕЛЬНЫМИ КУЛАЧНЫМИ БОЯМИ СТЕНКА НА СТЕНКУ.

разные «бузовские» мероприятия и похождения – от обучающего занятия для детей в подвалчике артели до большого концерта на сцене Кремлевского дворца. Год выдался насыщенным.

Летом «бузили» на праздниках в Подмосковье, осенью выступали на днях рождения городов Вологодской области. Площадка бузников всегда собирает больше всего зрителей – здесь бьются на кулаках, соревнуются в метании бревна и топора, сражаются на мечах в средневековых доспехах. Игрища подбирают тщательно, стараются не повторяться, берут за основу бытовавшие в старину и слегка изменяют их с учетом современности. К примеру, «Буза» возродила на Вологодчине ярмарочные кулачные бои стенка на стенку, о которых многие и не слышали или знали только по сказкам и фильму Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник». Идешь, предположим, с семьей на Масленицу с целью отведать горячего блинца, а тут тебе предлагают «начинку» – становись в стенку и сойдись в схватке. Участники первого кулачного боя поначалу отнекивались и тоскливо ко-

БОРОДАТЫЕ, В РАС-стегнутых овчинных туалупах и кирзовых сапогах, лет пять назад они неожиданно «ввалились» в ватагой в культурную жизнь Вологодской области, а сегодня их знают во многих городах России, в том числе в Москве. Причем в разных качествах: сегодня – на сцене, завтра – на ярмарке, послезавтра – на ринге. Но свои плясовые-частушечные и спортивные успехи бузники считают бирюльками, а главным делом называют жизнь по традициям предков. В планах артели выстроить свою загородную деревню и жить общиной.

ПОБУЗИЛИ ТУТ, ПОБУЗИЛИ ТАМ

В «Бузе» считают, что настоящий мужчина должен не только суметь защитить семью и родину, но и спеть и сплясать при случае. И с гуслями в руках не растеряться, ударить по струнам. Нечто подобное о подлинном мушкетерстве внушил д'Артаньяну командир де Тревиль, но упрямый гасконец при всяком случае хватался за шпагу. Чтобы понять и описать жизнь «Бузы» в полной мере, нужно с ребятами не одну бочку кваса выпить (алкоголь здесь под запретом) и бороду отрастить. Около года корреспондент журнала «Русский мир.ru» посещал самые

сились на ряды с выпечкой, но, выйдя разок на мужскую забаву, полюбили ее пуще других угощений. Сейчас желающие показать удаль выстраиваются в очередь: синяки, конечно, слuchаются, а жалоб ни разу не бывало. В разгар январских каникул бузники провели в загородной усадьбе двухдневный исторический фестиваль «Стать Севера», который посетило более тысячи человек! Артель и ее предводитель Денис Антипов проводили в среднем по десять часов на улице в минус 30 градусов. Для гуляющих была организована палатка с печкой и горячим чаем, куда среднестатистический гость заходил погреться каждые пятнадцать-двадцать минут. «Валенки, тулуп, шапка с ушами, рукавицы на меху – вот что бережет меня от холода, – хлопает себя по бокам Денис Антипов, улыбаясь в покрытую инеем бороду. – Ко мне подходят и спрашивают, где я все это купил. До чего дошло, свою одежду не носим, экзотикой считаем. Одели людей в китайские пуховики, в которых всю зиму живешь перебежками, внущили ложную моду, вот и расхлебываем. У нас зима полгода, а мы ее не видим, зимуем, лета ждем».

Бузники утверждают, что над внешним обликом и сценическим имиджем не работали. Бо-

роды выросли сами, когда их перестали брить. При этом в коллективе бороды не считают ни декларацией, ни обязательным атрибутом. Овчинные тулуны, которые делают «Бузу» похожей на ватагу Парфена Рогожина, были куплены оптом в качестве своеобразной униформы.

В феврале артель вернулась с чемпионата по русским единоборствам «Тверская буза» с нескользкими медалями – личными и командными. Этот бой, изобретенный в незапамятные времена, пришел к нам от новгородских ушкуйников. Кстати, в бузе нет приемов, а есть лишь принципы и законы.

С зимой бузники прощаются в Москве – закрывали первое отделение концерта к 30-летию телепрограммы «Играй, гармонь!» в Кремлевском дворце. Вышли на сцену с коронным номером – деревенская драка. Сначала сельские ребята задирают

«Бузу» – частые гости в Москве, в феврале выступали в Кремлевском дворце на юбилее программы «Играй, гармонь!»

друг друга частушками, а потом бросаются в драку, которая перерастает в пляску. Частушки «под драку» в большинстве своем подлинные и были записаны этнографами в экспедициях. Впрочем, некоторые сочиняются бузниками на сцене (традиция должна быть живой, считают ребята) или во время репетиции, и самые удачные остаются в программе. Приезд «Бузы» в Кремль запомнился не только зрителям, но и охранникам дворца. Бревно (не бутафорское, а самое настоящее), которое бузники крутят на сцене вокруг шеи и талии, охрана пропустила через рентген, в окошечко оно поместились с огромным трудом. Только разобрались с бревном, как металлоискатель обнаружил в сумке с реквизитом боевой топор.

«Я раньше к русскому фольклору был равнодушен, – признается обладатель окладистой бороды и профессорских очков Александр Концевой, – потому что видел его на сцене, то есть имел о нем превратное представление. Полюбил я его, когда понял, что сценический фольклор с цветастыми сарафанами – это шоу на тему народного творчества. А само народное творчество гораздо объемнее и глубже».

ДОМАШНИЕ РАДОСТИ

На Череповец опускаются сумерки, в спальном районе города зажигаются огни. На магистрали – автомобильная пробка, ликующие болельщики с дудками и флагами возвращаются с хоккейного матча, во дворе новостройки скребет асфальт снегоуборщик. А в подвале, в котором разместилась штаб-квартира «Бузы», женские голоса затянули грустную песню про рекрута, которого ждет не дождется молодая жена. В руках у девушек, рассевшихся по стеночкам, вязанье и другое рукоделие, непривычно тихие бузники что-то строгают и мастерят, подпевая, помогают «вытянуть» особо жалостливый куплет. Сегодня здесь «вечёрка»,

на которую молодежь собирали через Интернет. Сейчас отдохнут немного и в пляс пойдут или хоровод составят, а потом примутся в народные игры играть или гадать, а может быть, состязание затеют.

Комната освещает люстра, а не луцина. Сарафаны и косоворотки украсили бы фотографии и видеосъемку, но обошлись без них. Потому что для собравшихся фольклор и заветы предков – не игрушки и не увлечение вроде фитнеса или хорового кружка, а образ жизни. В «Бузе» часто вспоминают притчу о том, что любая учеба, если хочешь, чтобы она принесла нужные плоды, должна растворяться в твоей жизни как сахар в чае.

На вечёрку приходят, чтобы приятно провести вечер, а возможно, найти суженого или суженую. «Понятие «быть русским» сейчас дискредитировано и опошлено, – говорит главный бузник. – И мы хотим доказать добрыми делами, без громких слов и битья пяткой в грудь, что мы – самобытный многообразный этнос со своей культурой и традициями».

А днем плясовoy пол «бузовского» зала нередко устилаетсямягкими матами для занятий с детьми. Мальчиков от 2–3 лет и старше привозят сюда со всего города. Зачем? Цель сиюминутная – чтобы побегали, поборолись и провели время с отцами. Цель глобальная – чтобы выросли настоящими мужчинами русского корня. Дома – квартирка маленькая, братика-сестрички нет, папа с мамой вечно заняты, особенно не разбежишься. А тут прыгают через скакалку и кувыркаются, поют песни под живые гусли и ездят на папах, а дядя с бородой объявляет себя деревом с ожившими сучьями, от которых нужно защищаться. Со стороны – обычная детская игра, но в ней просматриваются приемы русской борьбы. Папы играют на матах вместе с сыновьями, мамы сидят по стечинкам на правах зрителей и только ойкают. Вот один малыш почесывает ушибленную ногу и

Денис Антипов – создатель и лидер череповецкой артели кулачных бойцов «Бузы»

готовится заплакать, но, увидев, как его сверстники сплотились и навалились на «дерево» гурьбой, передумал и ринулся в атаку. Слово «удаль» у бузников не считается архаичным и употребляется наравне со «смелостью», «ловкостью» и «силой». «Удаль молодецкая – это несколько качеств вместе, в том числе хулиганство в хорошем смысле», – говорит Денис Антипов.

После занятия румяная детвора пьет чай и смотрит мультфильмы про былинных богатырей и Куликовскую битву. «Сегодня в занятиях принимают участие 60–70 детей, в наших планах расширять это направление, вот-вот заработает в полную силу детский фольклорный театр, – говорит Денис Антипов. – Еще хотим открыть фольклорный клуб для взрослых и создать женский ансамбль. Для рукодельниц поставим ткацкий станок, вязальный уже есть. Но главная наша цель – переселиться всей общиной за город, подальше от суеты, и заниматься общим артельным делом. Но не подумайте, затворничество нас не привлекает, и мы обязательно останемся активными участниками общественных процессов. Но жить хотим своими трудами, а не попрошайничеством».

АРТЕЛЬНЫЕ ДОРОЖКИ

Костяк «Бузы» – порядка 30 человек, а причастных и вовлеченных наберется 250–300. Большинству череповецких бузников нет тридцати лет, и их никто к такому поприщу не готовил. Росли в семьях металлургов, слонялись во дворах, ходили в зал единоборств или в «качалку». Пиво в подъезде, сигаретка за углом школы, драки на пустыре после дискотеки... Обычные подростки, одним словом. И вдруг увидели нечто, что – сразу поняли – искали всю недолгую жизнь. При всем разнообразии биографий артельщиков «Бузы» это «вдруг» есть почти в каждой.

Лидер и основатель коллектива Денис Антипов, по воспоминаниям родителей, в раннем детстве вприсядку плясал и чистушки пел, удивляя окружающих – откуда это в городском мальчике? Когда подрос, нашел применение силам в кикбоксинге, а голове – на юридическом факультете местного вуза. «Лет в двадцать, когда единоборства наснучили, начал искать какой-то русский аналог и вообще интересоваться Древней Русью, – вспоминает он. – Зашел в отдел, где продают китайские амулеты, и поинтересовался славянскими

предметами. Продавец дала телефон педагога и тренера. Я шел на рукопашный бой, а там пляшут. Буза – это не только боевое искусство, это еще и мужская пляска, я тогда не знал этого. Как не знал и того, что в древности русские мужчины избывали негативную энергию в неистовом плясе. Конечно, сначала был шок, но мы хорошо поговорили о традициях бузы, об истории, о кулачном бое. Так я и стал заниматься борьбой и пляской вместе, и это захватило меня с головой».

Потом была служба в армии, во время которой тяга к изучению корней и жизни по заветам предков только усилилась. Денис вспоминает о том, что в грустную минуту и в трудных походах спасался русской песней и пляской. Командиры и сослуживцы сначала удивлялись этим фольклорным представлениям, потом махнули рукой, а спустя время стали подтягивать. Причем одними из первых понимание проявили призывники с Кавказа, которые охотно включались в концерт со своим материалом. «А я с собой в армию балалайку прихватил, и она оказалась очень кстати, со противляться ей не мог никто», – рассказывает Денис. – Вскоре меня назначили ответственным за подготовку песни «В Вологде-где» для армейского смотра».

После армии Денис Антипов не успел глазом моргнуть, как во-

круг него собрались единомышленники. «В «Бузе» я нахожу воплощение всех интересов, которые есть и всегда были в моей голове, иными словами, чего душа просила», – говорит он. Проведение городских праздников, а также участие в областных и всероссийских мероприятиях стало тем общим делом, которое было необходимо для скрепления артели в единую команду. А когда появилось громкое имя, люди пошли в «Бузу» еще активнее. Мужской коллектив вскоре разбавили молодые девушки, семейные пары и дети.

Виталий Шубин – самый младший из взрослого состава «Бузы», ему только-только исполнилось 15 лет. Об артели узнал из Интернета, нашел в Сети видео, где бузники пляшут, и посмотрел его раз сто. «Я с дет-

Бузников считают мастерами крутить горящие предметы и изобретателями бревна для селфи [с видеокамерой на конце]

«Буза» вернула на Вологодчину кулачные бои, теперь без них не обходится ни один массовый праздник

ства танцую, брейк-данс и прочие американские и европейские танцы, а по-русски плясать не пробовал, но сразу понял, что получится», – говорит Виталий, которого в «Бузе» называют «сыном артели». Рассказывают, что на турнирах по бузе-борьбе этот скромняга регулярно кладет сверстников на лопатки.

Александр Концевой едва сам присоединился к «Бузе», как привел в коллектив любимую девушку. «Ей очень понравилось, она сразу меня во всем поддержала, – рассказывает он. – Замечательные ребята, никто не пьет и не курит, интересные беседы. Раньше ведь у меня всякое бывало – и компания, и выпивали. Кстати, со старыми друзьями мы по-прежнему общаемся, хотя я от них отошел немного, признаю. Рассказами о своей новой жизни я им не надоедаю, но они и сами видят, как интересно и разнообразно я провожу время». С Денисом Антиповым они были знакомы с юности – в один тренажерный зал ходили. Придя однажды на масленичное гулянье, Александр увидел, как знакомый «парень из качалки» стоит посреди городской площади и зазывает прохожих мужчин метать топоры на силу и меткость. Подошел, спросил, получил приглашение на тренировку. «Поначалу меня спортивная сторона увлекла, весь этот фольклор как-то мимо меня прошел, и православие тоже, – рассказывает Александр. – Они русские песни пели, на молитву становились, но меня никто не заставлял и не втягивал, даже с рассказами не лезли. Сначала только на тренировки ходил, потом увидел, что у них после занятия репетиция праздничного номера. Остался, получил роль. Потом еще что-то, еще что-то. Я в жизни много секций посещал, там как: все кричат, что мы команда, но в зале занимались и разошлись. А тут общение никогда не заканчивается, потому что нам интересно вместе, да и дел совместных много. Век всех не переделаешь».

КНЯЖИЙ ГРАД

АВТОР

ДМИТРИЙ РУДНЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

...ДВЕ ДЮЖИНЫ ВЕСЕЛ, ДРУЖНО ВЗРЕЗАЯ ГЛАДЬ ШЕЛОНИ,
БЫСТРО НЕСЛИ КНЯЖЕСКИЙ НАСАД ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ.
ХОТЬ ТЕЧЕНИЕ РЕКИ В ЭТОМ МЕСТЕ НЕЛЬЗЯ НАЗВАТЬ
СОВСЕМ УЖ ТИХИМ, СУДНО ЛЕГКО ДВИГАЛОСЬ ВВЕРХ
ПО САМОЙ СТРЕМНИНЕ, А СТОЯЩИЙ НА КОРМЕ РУЛЕВОЙ
УМЕЛО ДЕРЖАЛ ЛАДЬЮ В РЕЧНОМ ФАРВАТЕРЕ. ЮНЫЙ КНЯЗЬ
ВМЕСТЕ С ДВУМЯ БОЯРАМИ СТОЯЛ НА НОСУ И ВНИМАТЕЛЬНО
ВГЛЯДЫВАЛСЯ В ПРОПЛЫВАЮЩИЕ СПРАВА И СЛЕВА
ЗАЗЕЛЕНЕВШИЕ БЕРЕГА.

Н

АКОНЕЦ, КОГДА НАСАД, пройдя прямой отрезок реки, был готов свернуть в излучину, один из бояр указал налево. Князь быстро и внимательно осмотрел берег. Ровная полоса земли длиною в добрых 30 саженей с обеих сторон обрывалась оврагами двух ручьев, втекавших в Шелонь почти параллельно друг другу. Одобрительно улыбнувшись, князь кивнул, и второй боярин, обернувшись, дал знак кормчemu прикаливать. Когда дощатый борт ладьи мягко ударился о сухой и крепкий берег, восемнадцатилетний князь Александр, через год получивший прозвище Невский, легко спрыгнул на землю...

История Порхова, города основанного Александром Ярославичем в 1239 году, настолько

жива и почти физически ощущима, что рассказ об этом уникальном, удивительном месте хочется начать так, будто видел все своими глазами. Но полагаться на воображение мы не имеем права, а потому перейдем к фактам.

Летописец, скромный на подробности, под 1239 годом сообщает, что тем летом Александр Ярославич женился и тогда же начал строить «городци на Шелоне». Одним из таких городков и был Порхов.

В отличие от других городков, основанных князем Александром в тот год, Порхов существует и по сегодняшний день и в этом году отмечает довольно значительную дату – 777 лет.

ОДИН ГОРОД, ДВЕ КРЕПОСТИ

Древнее Новгородское княжество состояло из пяти административных частей – пятин. Порхов стоит в самом центре одной из них, называвшейся Шелонской пятиной. Многие исследователи отмечают, что этот юго-западный угол Новгородчины до XIII века был практически безлюдным, по крайней мере, малозаселенным.

Исследователь средневекового Новгорода, доктор исторических наук Павел Лукин, утверждает, что благосостояние Новгорода во многом зиждилось всего на двух экспортirуемых товарах: пушнине и воске. Ценные меха добывались на севере, северо-востоке

и востоке Новгородских земель. Бортничество, то есть сбор дикого меда и воска, процветало примерно в тех же регионах, на возвышенностях, поросших широколиственными лесами. Также стратегически важными были юго-восточное и южное направления. Первое, через Волоколамск (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2016 год, статья «Рукой погдать». – Прим. ред.), вело в богатое хлебом Рязанское Поочье. Находясь в зоне крайне рискованного земледелия, Новгород испытывал постоянный дефицит хлеба и был вынужден покупать то, что по объективным причинам не мог произвести сам.

Южное направление – Старая Русса, Великие Луки, все, что находится по течению реки Ловать, – было важнейшим отрезком легендарного пути из варяг в греки. Оно соединяло Новгород с такими древними городами, как Полоцк, Смоленск и, наконец, Киев, а потому было населено с самого раннего периода славянской колонизации этих мест. Но в начале XII века все резко меняется. И Новгород строит здесь целый укрепрайон. До наших дней от всех оборонитель-

Долгое время город был разделен рекой на две части. Постоянный мост был построен только в XIX веке

Крепость XIV–XV веков. По порховским укреплениям можно изучать всю историю средневекового русского фортификационного зодчества

ных сооружений Шелонской пятины сохранился только Порхов. Причем здесь можно увидеть не только каменную крепость, возведенную в XIV веке, но и городище, оставшееся со времен Александра Невского.

ГОРОДКИ НА ШЕЛОНИ

Наиболее древний Синодальный список Новгородской первой летописи повествует, что князь Александр Ярославич в 1239 году начинает рубить «городцы на Шелоне».

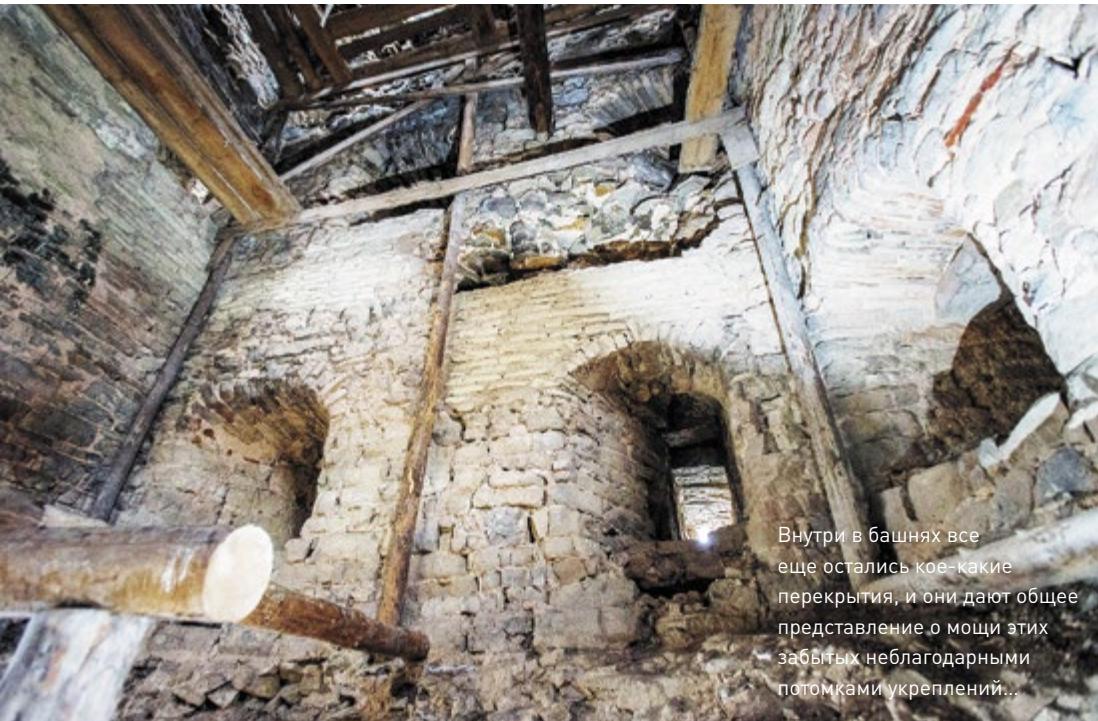
Более поздние источники сообщают, что Александр построил здесь только Порхов, но археология подтверждает данные первоначального источника. В результате раскопок выяснилось, что из «Александровых» укреплений самым близким к Новгороду было городище у села Городок – на правом берегу Шелони. Выше по течению реки найдены следы укрепления той эпохи в Опоках. Еще выше шел Порхов. А завершал систему укреплений Шелонской пятины Кошкин городок.

Это без преувеличения феноменальная система укреплений. Академик Валентин Седов в своем исследовании «Новгородская архитектура на Шелони» посвя-

тает ей отдельный рассказ. Вначале он приводит источники, говорящие о том, что западнее Порхова стояло некое укрепление, затем разбирает неудачные попытки его локализации. «Между тем, – продолжает академик Седов, – место Кошкина городка еще в 1922 году было определено на горе «Городок» у деревни Подгородье, находящейся между Ясенским и Жедрицким погостами. В 1958 году городище Кошкина городка

было обследовано П.А. Раппопортом, установившим, что на площадке высокой продолговатой горы с валами на узких сторонах нет культурного слоя». Это означает только одно: Кошкин городок использовался лишь как временное убежище. Когда неприятель совершил набег, жители окрестных деревень, быстро собрав свой скарб и скотину, на очень короткое время укрывались в этом городке от налетчиков.

ЧЕТЫРЕ ВЕКА СПОКОЙСТВИЯ

Такой подход к обороне уникален для Европы. Ведь ни где – ни в Венгрии, ни в Италии, ни в Англии – даже представить себе невозможно, чтобы где-то стоял открытый и необитаемый замок, построенный лишь для того, чтобы окрестные крестьяне в случае нападения могли укрыть там свои семьи, скотину и продовольствие.

И если на западе замок или крепость были центром жизни, то новгородцы оставили стенам и башням их главную и, по сути, единственную функцию – защищать людей и их имущество.

Такой практичный подход к укреплениям заметен на протяжении всей истории Новгородского княжества.

Начнем с того, что укрепления самой метрополии княжества во времена республики носили абсолютно бессистемный характер. Надвигается какоето неприятель – новгородцы скидываются и строят между деревянными пряслами двети каменные башни с прицелом возвести между ними еще и каменные стены.

Но неприятель отражен далеко на подступах к Новгороду, деньги на строительство уже закончились, а еще скидываться – накладно, ну и бог с ним, пусть стоят каменные башни с деревянными стенами между ними.

И так каждый раз. Обветшали укрепления, подмыла река валы, начали насыпать новые, кое-как сделали и бросили.

Но такой легкомысленный подход имел совершенно удивительные результаты. Новгород – единственный крупный город Древней Руси, который в течение 412 лет не брал приступом ни один неприятель.

За все это время вражеские войска приходили к стенам

Ров старого городища. Справа – главный вал, на котором стояла крепостная стена, впереди – первый вал, на котором был частокол

города только один раз: в 1170 году. Это был знаменитый поход войск Андрея Боголюбского, командовал которыми его сын Мстислав. Закончился он, как известно, чудом новгородской иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» и поражением владимиро-суздальского войска.

Этот период спокойствия пришелся на крайне драматические времена. Когда во всех остальных княжествах кипели междоусобные конфликты, когда Русь утопала в огне и крови Батыевых походов, когда превращались в пепел такие прежде гордые русские твердыни, как Рязань, Владимир и Киев, – Новгород... торговал и богател.

Конечно, неправильно полагать, что его жизнь была безбедной и безоблачной. Конечно, новгородцам регулярно приходилось отстаивать свое благополучие с мечом в руках. Но Новгород последовательно и не скучая укреплял свои границы. На северо-западе княжества возник целый пояс каменных крепостей, таких как Ладога, Орешек, Корела, Копорье. Здесь же для сдерживания натиска тяжеловооруженных европейцев стояла знаменитая новгородская «кованая рать».

На юге княжество, конечно, тоже старалось обезопасить себя. Функцию защитных крепостей выполняли Торжок, Великие Луки, Руза и пока еще деревоземляной Порхов. Крепости, будь то каменная фортификация или деревянный кремль, рубленный «в клеть», отстояли от Новгорода на 180–210 километров. Они были расположены на главных стратегических направлениях таким образом, что неприятель, ставя целью дойти до сердца княжества, не мог их обойти или оставить в тылу. Такой подход к укреплению окраин и позволял новгородцам проявлять безалаберность по отношению к укреплениям самого Новгорода.

НАУКА ЗАЩИЩАТЬ

Князь Александр Ярославич Невский, основав Порхов и укрепив течение Шелони, как будто подхватывает эту идею, начинает проверять, насколько она эффективна, и убеждается в правильности такого подхода.

И основание Порхова оказывается очень важным фактом в истории нашей страны. Ведь московские князья, потомки Александра Невского, которые вели свой род от его младшего сына, Даниила, во время собирания земель вокруг Москвы применили именно такую тактику.

И она обеспечила сначала возведение Первопрестольной над всеми другими русскими городами, а впоследствии, когда само существование Русского государства оказалось под угрозой из-за постоянных крымско-татарских набегов, эта тактика – тактика укрепления окраин и возведения на них крепостей и целых укрепленных районов – позволила нашей стране выстоять и встать на путь непрерывного развития.

Можно сказать, что строительством Порхова князь Александр Ярославич научил своих потомков, как наиболее эффективно оборонять от неприятельских вторжений родную землю.

СТАРЫЙ ГРАД

Крепость, построенная Невским, была, как говорят ученые, деревоземляной. Это означает, что ее стены были сделаны в виде соединенных между собой срубов, внутреннее пространство которых для прочности набивалось землей с камнями.

В 1974 году раскопки старопорховского городища проводил археолог Евгений Александрович Рябинин. Он установил, что сам по себе первоначальный вал времен Невского был невысок, от 1,6 до 2 метров. Удалось даже обнаружить нижние венцы стен.

Примерно через полвека крепость перестроили, подсыпали валы, срубыли новые стены и башни. Затем старый Порхов

Во время войны фашисты уничтожили почти весь Порхов. Элементы довоенного убранства городских зданий

пережил еще одну, как теперь бы сказали, модернизацию. Практически накануне переноса крепости со старого места на новое ее опять переделывают. Теперь валы достигают высоты почти 4 с половиной метров, и на их вершине археологи обнаруживают уникальную конструкцию.

По всей длине вала строители соорудили каменный цоколь высотой 70 сантиметров и шириной 3,5 метра. И уже на этом возвышении были поставлены стены и башни.

К сожалению, раскопки 1974 года носили фрагментарный

характер и не дают достаточно материала, чтобы современные исследователи смогли реконструировать облик того городка.

Но кое-что об этой крепости можно сказать даже при визуальном изучении.

Геннадий Яковлевич Мокеев, историк градостроительства, автор реконструкций архитектурного облика целого ряда городов средневековой Руси, в своей работе «Древнерусские крепости комбинированного типа» пишет, что простой земляной вал имеет крутизну склонов в 30 градусов, щебеночный дохо-

В главной экспозиции музея выставлено то, что удалось сохранить от разоренных ныне многочисленных дворянских гнезд Порховского уезда

дит до 50 градусов, вал с каменной кладкой имеет крутизну до 70 градусов.

Валы старого Порхова гораздо круче 30 градусов, а это значит, что их насыпали из щебня с землей. И сейчас на склонах этих валов можно видеть, как из-под травы виднеются обломки плитняка.

Снаружи крепости, примерно в 25 метрах от ее стен, шел второй, дополнительный пояс укреплений. Он состоял из рва, вала и стоявшего на валу частокола. Можно не сомневаться, что во внешние склоны валов были вкопаны так называемые «надолбы» – заостренные колья, обращенные в сторону неприятеля.

Представляя себе, как грозно и внушительно выглядел весь этот комплекс укреплений в середине XIV века, понимаешь, насколько важным к этому времени становится для Новгорода шелонское направление.

Действительно, и сам основатель этих укреплений, Александр Невский, и более поздние строители, осуществлявшие обновление и усиление здешних крепостей, действовали в силу очень веских и тревожных обстоятельств.

А в самой крепости расположена экспозиция, посвященная военной истории порховских укреплений

ПОРХОВ КАМЕНЬ

Как говорилось выше, река Шелонь для Новгородского княжества долгое время была дорогой «в никуда». Есть предположение, что левый приток Шелони, Удоха, связывал Новгород с Псковом, но до 1440-х годов, до категорического обострения отношений с Московским княжеством и, как следствие, с Псковом, регулярно занимавшим с этого времени промосковскую позицию, псковичи не подни-

мали оружия против новгородцев.

Однако уже в начале XIII века здесь появился довольно беспокойный сосед. Литовские племена, еще не имевшие государства, начинают совершать набеги на русские, в том числе и на Новгородские, земли.

К 40-м годам XIII века Литва вступает в эпоху централизации государства. Набеги превращаются в военные походы, именно к этому времени Новго-

род и возводит Порхов и соседние городки.

Однако через 150 лет, несмотря на все произведенные улучшения крепости, она по каким-то причинам перестает удовлетворять требованиям обороноспособности, и, как сообщает летопись, в 1387 году «благослови владыка Алексей все Новгород ставити город Порхов камен... и поставиша город».

Как пишет профессор Анатолий Николаевич Кирпичников в своем фундаментальном труде «Каменные крепости Новгородской земли», слова «все Новгород» означают, что Порхов строили всем миром, вкладывали средства в строительство сразу все городские концы, и крепость была построена в авральном порядке, за один сезон.

Однако первое серьезное испытание новый Порхов пережил только через 41 год после завершения строительства.

Тогда под его стены подошел великий литовский князь Витовт.

Никольская башня с построенной на ней колокольней собора. Уникальная средневековая крепость нуждается в немедленной реставрации

Он привез с собой огромную по тем временам пушку, названную им «Галкой», которую тащили аж 40 лошадей. И она сыграла ключевую роль в этой осаде. Поскольку этот гигантский ствол в деле был еще не обкатан, первый выстрел по неприятелю совершил сам мастер-немец, отливший орудие. Выстрел был впечатляющим. Ядро пробило

крепостную стену, попало в Никольский собор и, прострелив его насмерть, пробило следующую крепостную стену. То есть, по сообщению летописца, ядро прошло крепость «навылет». Однако и само орудие не выдержало подобной мощи и взорвалось. Как говорит летописец, от мастера-немца смогли отыскать один лишь лоскут от кафана.

Никольский собор. Именно его стены пробило ядро «Галки». Но то, что мы видим сегодня, – перестройка XVIII века

Похоже, от «карканья» «Галки» оторопели все. И русские, и литовцы. Витовт не стал брать город приступом, а новгородцы и особенно порховчане, не торгуясь, согласились заплатить крупную контрибуцию.

Сразу после этого события новгородцы снова скидываются и укрепляют Порхов с учетом недавнего горького опыта. Они укрепляют стены и башни дополнительной кладкой, увеличивая их толщину в два раза, изменяют систему бойниц, приспосабливая их для огнестрель-

ного боя, и усиливают ворота захабами.

Эти сооружения возводятся около входа в крепость и выглядят так, будто один конец стены захлестнули за другой, оставив между ними узкий коридор. И чтобы попасть в крепость, надо миновать одни ворота, ведущие в этот рукав, и другие, ведущие непосредственно внутрь крепости.

Это остроумное приспособление заставляло противника, разбившего первые ворота, оказаться в узком проходе, и для того, чтобы

Храм Рождества Богородицы упраздненного при секуляризации женского монастыря. Построен в начале XV, а упоминается в источниках еще с XIV века

добраться до следующих ворот, ему приходилось поворачиваться боком к защитникам, которые вели огонь со стены.

Но практичные новгородцы, по-видимому считавшие каждую копейку, укрепили не весь периметр стен. Там, где между крепостью и рекой остается узкая полоска берега и нападение неприятеля невозможно, они оставили стену XIV века нетронутой. И это огромный подарок в копилку российского исторического наследия. Поскольку это – единственный пример дошедшего до наших дней русского фортификационного зодчества доогнестрельной эпохи.

Этот участок стены, начавшийся от Никольского захаба, идет через Малую башню и заканчивается от нее метрах в тридцати видимым утолщением стены и расширением боевого хода.

Стена XIV века действительно очень узкая, и два человека на ней разойдутся с трудом. Это ввело в заблуждение первого исследователя крепости, Владимира Андреевича Богусевича, который решил, что если боевой ход такой узкий, то в доогнестрельную эпоху стены выполняли функцию «пассивной защиты», то есть на них никто не стоял и не затруднял неприятелю попытки штурма.

Однако уже Кирпичников опроверг это заблуждение. История фортификационных сооружений знает примеры, когда узкий ход по верху стен расширяли тем, что приставляли к стенам столбы, укладывали на них балки и вровень с площадкой на стене устраивали настил. Это позволяло делать каменные стены не очень толстыми и создавать достаточно пространство для защитников крепости.

О том, что этот способ использовался и в Порхове, говорит дверь Малой башни, которая расположена на уровне боевой галереи на грани башни, обращенной внутрь крепости. И если бы к стене не было приставлено деревянного настила на высоких столбах, то эта дверь так и вела бы «в никуда».

Наследие советской индустриализации. Замершая навсегда электростанция, некогда снабжавшая и город, и район электричеством

ДРЯХЛЕЮЩАЯ ТВЕРДЫНЯ

Последний раз неприятель подходил к этим стенам в 1441 году. Это было псковское войско, которое в союзе с Москвой совершило поход на Новгород. Однако псковичи несколько днейостояли под стенами города и, решив их не штурмовать, отправились ни с чем восвояси.

До конца XVI века крепость существовала в качестве тылово-го укрепления. Вокруг нее разрастался город, распахивались поля, строились деревни. Внутри самих каменных стен, согласно писцовым книгам, стояло несколько боярских дворов, а значит, крепость имела статус детинца, важного, не рядового города.

В XVII веке ее населяли люди попроще – мещане, а в XIX веке внутри стен уже стояли домики разnochинцев.

В XVIII веке крепость хотели разобрать из-за того, что река подмыла некоторые ее участки и обрушила Псковскую башню. Но Яков Сиверс, бывший в то время новгородским губернатором, видимо понимая ценность порховских стен, пошел на хитрость. Он потребовал представить ему смету на работы по разбору крепости. Сделать этого никто в Порхове не смог, и тогда он разрешил разобрать наиболее опасные участки. Так крепость лишилась зубцов на стенах и башнях и захабов. В таком виде она просуществовала до 80-х годов прошлого века, когда частично ее подреставрировали, а частично законсервировали.

Помимо старого городища и каменной крепости в городе сохранилась церковь Рождества Богородицы. Она стоит почти прямо

Камо грядеши?
В какое будущее
мы идем,
не замечая
чудом
сохранившихся
до наших дней
таких жемчужин
русской старины,
как древний
Порхов...

напротив Старого города. Некогда она была храмом женского монастыря. Сложена эта церковь, так же как и крепость, из местного плитняка и датируется XV веком, хотя, как говорят порховские музеиные работники, упоминается она еще в XIV веке.

Все эти жемчужины старины, все эти уникальные остатки нашей многовековой истории находятся сейчас в крайне непривлекательном состоянии и требуют немедленной реставрации.

При полной неприкосновенности этих памятников седой старины, притом что у местного музея нет никаких средств остановить разрушительные процессы, идущие в крепости, это место дышит такой теплотой, таким родным и милым русскому сердцу спокойствием, что недоумеваешь, почему Порхов, его древняя история, его уникальные достопримечательности остаются неизвестными для большинства россиян.

Приехать в Порхов и провести там несколько дней для туриста не проблема. Есть и приличные гостиницы, и опрятные недорогие кафе. Но самих туристов там почти нет.

Возможно, еще и поэтому старинная крепость производит ни с чем не сравнимое впечатление. Вот ты идешь в полной тишине по стене XIV века или стоишь внутри полуобрушившейся башни и слушаешь, как перешептываются древние камни... ●

Вечно живой
Ильич
внимательно
смотрит
в сторону старой
крепости.
Символичный
диалог
анахронизмов